

Чтобы правильно проходить христианский подвиг, нужно предварительно почерпнуть правильные теоретические знания о нем. Прежде всего, конечно, в учении Церкви, состоящем из Священного Писания и Священного Предания. Священное Писание — это Библия, а Предание практически все содержится в святоотеческих творениях. Поэтому нужно глубоко и постоянно изучать духовную литературу, творения Святых Отцов Православной Церкви, особенно тех, кто писал в последние времена. Преподобный Макарий Оптинский считал, что Авва Дорофей и Лествица должны быть настольными книгами любого православного мирянина. Любой мирянин может и должен читать их и в них искать ответы на свои вопросы.

Но одних книг мало, нужно искать живых людей, также руководствующихся Святыми Отцами. Таких людей, которые несколько преуспели в духовной жизни, что видно по их добродетелям, особенно — облеченных священным саном, — с которыми мы могли бы посоветоваться по различным вопросам нашей духовной жизни. Один современный подвижник, игумен Никон (Воробьев), говорил, что в наше время духовник, решая какой-либо вопрос, должен вместе с чадом найти соответствующее место в книгах Святых Отцов и приложить к данной ситуации.

Из бесед с иеромонахом Сергием (Рыбко) на радио «Радонеж»

Сборник статей иеромонаха Сергия (Рыбко) посвящен актуальным проблемам современной церковной жизни; он будет особенно интересен тем, кто думает о вступлении в святую обитель, и тем, для кого безразличны судьбы современного русского иночества.

Формат 84x108/32 П.л. 8,5 Тираж 5000. Заказ №

Отпечатано в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»: Москва.

Крутицкий вал, 18.

Приход храма Святого Духа Сошествия на Лазаревском кладбище гор. Москвы:

129272, Москва, ул. Советской Армии, 12, стр. 1 и 2

ИД № 03037 от 13.10.2000 г.

Предисловие

Книга эта рождалась постепенно. Когда писались ее статьи, не предполагалось, что они выйдут отдельным сборником. Тогда автор даже не мог подумать, что когда-нибудь это станет возможным. В основном они публиковались как предисловия или послесловия к книгам, выходившим в издательстве им. свт. Игнатия Ставропольского. Автор пытался выразить в них свое отношение к тем или иным вопросам, затронутым в изданиях. Поскольку книги являлись либо переизданием опубликованного до революции, либо повествовали о событиях многолетней давности, возникала необходимость прокомментировать их с точки зрения человека, живущего в начале III тысячелетия от Рождества Христова, сделать выводы, которые могли бы быть интересны для современного церковного читателя, связать эти события с сегодняшним днем. Автор, пользуясь формой предисловия, делает попытку дать ответ на насущные и злободневные вопросы духовной и церковной жизни.

Таким образом вопросы, затронутые в статьях, выходят за рамки «предисловий». Автор счел возможным собрать их и издать отдельной книгой. В переиздании они были несколько обработаны, до-

полнены, так, чтобы приобрести вид законченных статей. Но тем не менее, в некоторых из них сохранилась связь с теми книгами, для которых они были написаны. Такие статьи имеют вид рецензий или критических отзывов о тех или иных книгах. Кроме того, в сборник включены статьи, опубликованные в разное время в периодической печати, а также части из отдельных работ, еще только готовящихся автором к изданию.

Расположенные к нам лица отговаривали нас от издания книги, или хотя бы отдельных ее частей, т. к. некоторые вошедшие в нее материалы, например, «Покаянием жива Церковь» и «Что должен знать желающий поступить в современный монастырь», вызвали неоднозначную оценку читателей. Автор выражает благодарность духовным друзьям, но тем не менее решился вновь опубликовать материалы, вызвавшие в свое время споры в церковных кругах. Каждый член Церкви имеет право высказать свою точку зрения. Согласиться с ней или же нет — опять-таки право каждого.

Мы считаем, что в Православии не существует запретных тем, наоборот, нельзя замалчивать самые острые вопросы. Там, где бывает умолчание, приобретают силу домыслы. На вопрос, оставленный без ответа, как правило, подсказывает ответ враг рода человеческого. Современная динамичная жизнь ставит много вопросов. Как современный ищущий мир вопрошает Церковь: «Что есть Истина?» — так и внутри самой Церкви возникает множество проблем, пока еще не нашедших своего решения. Так было всегда и так будет. Во все века Церковь Христова принимала вызов и давала удовлетворительный ответ «совопросникам века сего» (1 Кор. 1; 20) как вне, так и внутри нее. Это одна из сторон

жизни Церкви. Именно так зародилось и расцвело православное богословие.

Прискорбно видеть, как вопросы намеренно не замечаются, как не замечаются и перемены, из которых возникли эти вопросы. В православной аскетике зачастую менее вреден неправильный ответ, чем вопрос, не заданный вовсе. Если вопрос обозначен, рано или поздно правильный ответ будет найден, хотя бы методом проб и ошибок.

В данной книге на общее обсуждение выносятся некоторые актуальные вопросы. Автор предлагает на них свои ответы в надежде на то, что найдутся люди, которые ответят на них более удовлетворительно.

Испрашиваю святых молитв у читателей
Иеромонах Сергей
Успенский Пост.
2002 г.

Если ум на молитве рассеивается, то надо обратить внимание на себя. Невольному причина произвольная, сказали святые отцы. Нужно проводить жизнь по евангельским заповедям, согласно с волей Божией. Если вы живете богоугодно и весь ваш день — это цепь богоугодных дел, тогда и ум будет ваш свободен. Если же вы согрешаете — значит отступаете от воли Божией, это тут же отражается на вашем молитвенном делании: отступает благодать, Господь отворачивается, и ум начинает шататься туда и сюда и вспоминать те дела, которые вам были приятны, но не были богоугодны.

ЧАСТЬ I

Чудеса Божии и чудеса не от Бога

Крест святости

О книге воспоминаний свт. Луки Крымского

*“Я полюбил страдание”**

“**О**, мать моя, поруганная, презираемая мать, святая Церковь Христова! Ты сияла светом правды и любви, а ныне что с тобой? Тысячи и тысячи храмов твоих по всему лицу земли Русской разрушены и уничтожены, а другие осквернены, а другие обращены в “овощные хранилища” (Пс. 78; 2), заселены неверующими, и только немногие сохранились. На местах прекрасных каедральных соборов — гладко вымощенные пустые площадки или театры и кинематографы. О мать моя, святая Церковь! Кто повинен в твоём поругании? Только ли строители

* . 1996.

новой жизни, церкви земного царства, равенства, социальной справедливости и изобилия плодов земных? Нет, должны мы сказать с горькими слезами, не они одни, а сам народ. Какими слезами оплатит народ наш, забывший дорогу в храм Божий?” — так говорил священноисповедник Лука Крымский (Войно-Ясенецкий).

Книга “Я полюбил страдание” имеет своей целью познакомить читателя со светлой личностью архиепископа Луки, профессора хирургии, лауреата Государственной премии. На его долю выпало то, что пережил любой русский православный архиерей первой половины XX века: поношения, тюрьмы, лагеря, ссылки, изгнания, пытки.

Пройдя весь этот коммунистический ад, святитель Лука остался верен исповеданию истины, и, где бы он ни был: в застенке, на кафедре, за операционным ли столом — он был носителем слова: *Так да просветится свет ваш пред людьми, чтобы видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего, Который на небесах* (Мф. 5; 16).

Теперь, когда Русь пробуждается и вновь воскресает, милостью Божией пришло время прозвучать слову Владыки Луки. Еще при его жизни чиновники из отдела по делам религии предлагали издать некоторые проповеди, при условии, что оттуда будут изъяты все места, обличающие безбожие. Архиепископ Лука с негодованием отказался. Многие годы прекрасные проповеди лежали под спудом и были доступны небольшому кругу читателей, лишь отдельные слова с сокращениями публиковались в “Журнале Московской Патриархии”. *Но слово Божие не вяжется* (II Тим. 2; 9). Здесь уместно привести ответ известного русского религиозного философа И. А. Ильина на вопрос, почему он не публикует

свои работы. Иван Александрович сказал: “Если мои книги нужны России и Богу, их узнает Россия, а если они не нужны России, то они не нужны и мне”.

Волей Божией настал час, и вышла книга о свт. Луке. С ее страниц звучит живой голос святителя, исповедника, врача, человека, принесшего себя в живую жертву Богу и ближним. Пусть же этот голос достигнет наших сердец и отзовется в них решимостью последовать идеалам, которые всей своей жизнью проповедовал Владыка Лука.

Многие в наши дни говорят о гибели России, многие желали бы видеть ее конечное разрушение, чтобы не было больше Святой Руси и сама память о ней изгладилась бы бесследно из сердец человеческих. Но вот строчки, написанные нашим святым соотечественником, равноапостольным Николаем, архиепископом Японским († 1912 г.): “Жизнь и отдельного человека, тем более — каждого народа и, несомненно, всего человечества проходит периоды, назначенные ей Творцом. В каком же возрасте теперь человечество со времени рождения его в новую жизнь? О, конечно, еще в юном! Две тысячи лет для такого большого организма — совсем небольшие годы. Пройдут еще многие тысячи лет, пока истинное Христово учение и оживотворяющая благодать Святого Духа проникнут во все члены этого организма. Правда Божия сего требует. Истина Христова всею своею силою должна войти в человечество и произвести полное свое действие” (письмо от 10 ноября 1909 г.).

“Что до родимого нашего русского народа, к которому мы имеем честь и счастье принадлежать, то я тоже твердо убежден, что он еще на пороге своей исторической жизни и что сомневаться в его будущем, и, тем более, отчаиваться за него — просто грех” (Письмо от 2 апреля 1910 г.).

“А нам разве не видится или, по крайней ме-

ре, не грезится светлое будущее России? Неужели Господь создал такой многочисленный народ и вместе такое необъятное тело Церкви только для того, чтобы отдать его на съедение червям? Разве Россия развила все свои силы и таланты, заложенные в ее организме, и изжила их? Нет, по всем признакам, она — молодое историческое тело, возрастающее на смену стареющих организмов. Думать иначе было бы хулою на Промысл Божий” (10 июня 1911 г.)^{*}. Это было написано уже после кровавых ужасов 1905 г., так называемой репетиции революции.

Есть немало других свидетельств угодников Божиих о том, что России предстоит еще расцвет и величие и что настоящий период ее жизни — далеко еще не конец.

Пусть же на горизонте вновь возрождающейся Руси, восстающей из праха и тлена забвения, в который поверг ее грех, в созвездии великих людей: новомучеников, исповедников, преподобных, святителей и праведников — загорится еще одна звезда — святитель Лука Крымский. И пусть свет этой звезды пройдет через мрачный туман человеческой злобы и бесчувствия и достигнет нас, неся с собой благодатное тепло, являющееся в сердце всякого, кто последует за Господом, взяв свой крест и не оглядываясь назад (Мф. 16; 24).

“О, паче слова и превыше похвал святых стратотерпщев подвига! Злобу убо лютых отступников и наглое иудейское неистовство претерпеша, веру Христову противу учений мира сего, яко щит, держаще и нам образ терпения и злостраданий достой-

^{*} Архиепископ Никон (Рождественский). Мои дневники. М. 1914.

^{**} Служба всем святым, в земле Российской просиявшим. Миняя. Май. Ч. III. М. 1987.

но являюще”**.

В последнее время, к сожалению, публикуется множество различной псевдодуховной литературы. В частности, повествования о подвижниках, в основе которых лежат некоторые факты из жизни людей действительно святых. Однако эти факты часто искажаются или являются недостоверными. Вполне понятно, что жизнь любого чем-то знаменитого человека обрастает легендами и вымыслами. Поэтому свт. Димитрий Ростовский о своих Четьях-Минейх писал: “Да не будет ми лгати на святаго”.

Публикуемые жизнеописания поражают обилием невероятных событий. Вместо истинного пути жизни подвижника, полного невидимых и непонимаемых миром трудов покаяния и внутренней борьбы со страстями, простосердечному читателю предлагаются “православные чудеса в XX веке”, напоминающие сказки братьев Гримм и Шарля Перро. В таких книгах воспеваются телесные подвиги: непомерные посты, бдения, ношение вериг,— и никакого понятия не дается о подвиге душевном, все христианство сводится к неядению и неспанию. Читателю предлагается искаженное, в католическом духе, понимание святости. Это тем более опасно, что речь идет действительно о великих подвижниках и святых людях. Когда ложь перемешана с правдой, она особенно пагубна; так яд трудно, или даже почти невозможно, заметить в здоровой пище.

Такое чтение уводит человека с пути покаяния, завещанного Святыми Отцами Православной Церкви, в мечтательность, которая, по словам тех же Отцов, есть “легчайшая брань сатаны”; это чтение вызывает нездоровую экзальтацию. Те, кто пытается в своей духовной жизни руководствоваться вышеозначенными “подвигами” и “чудесами”, легко

впадают в прелесть, другие же, напротив, отходят от Православия, соблазнившись примитивным и поверхностным содержанием прочитанных книг, видя вместо православной святоотеческой духовности сусальное псевдоподвижничество.

Огромной популярностью пользуются и непроверенные рассказы об истинных подвижниках благочестия: о св. блаженной Матронушке, схимонахине Рахили Бородинской, иг. Троице-Сергиевой Лавры старце Захарии, иеросхимонахе Феодосии из Минеральных Вод, старце Ионе Ионовского Киевского монастыря, блаженном Феофиле Киевском и т. д.

Во все века духовность была связана прежде всего с крестоношением. Святые — это не какие-то Божии любимчики, а “люди, о которых Господь провидел, что они понесут крест святости, поэтому Он избрал их и даровал нести этот крест”, — говорил в одной из проповедей наместник Оптиной пустыни архим. Венедикт (Пеньков). *Мы прошли сквозь огонь и воду, и Ты извел нас в покой* (Пс. 65; 12).

Особенно же это относится к нашему времени. Отцы древности предсказывали о нем: “Те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением и в царствии небесном окажутся большими Отцов, прославившихся знамениями; потому что тогда никто не будет делать пред глазами человеческими чудес, которые бы воспаляли людей, побуждали их с

* Св. Нифонт Цареградский. Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. М. 1993. С. 495.

усердием стремиться на подвиги”*

“Святые отцы Египетского скита спросили: «Что сделали мы?» Один из них, великий авва Исхирион, отвечал: «Мы исполнили заповеди Божии». Спросили его: «Что сделают те, которые будут после нас?» «Они,— сказал авва,— будут исполнять делание вполнину против нас». Еще спросили его: «А что сделают те, которые будут после них?» Авва Исхирион отвечал: «Они отнюдь не будут иметь монашеского делания, но им попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и Отцов наших»”*

Не чудеса и знамения, а крестоношение — признак духовности нашего времени. Святость XX века — это ежедневное мученичество. Автобиография свт. Луки — лучшее доказательство этого. “Я любил страдание”, — писал он в одном из писем. Такими словами назвали издатели книгу его воспоминаний. В них — весь жизненный путь настоящего подвижника нашего времени. Он не сотворил знамений и чудес, но на страницах биографии мы видим постоянное водительство Промысла Божия, являвшее себя не только естественным путем.

*На юбилейном Архиерейском Соборе
Русской Православной Церкви
Владыка Лука, ранее прославленный
как местночтимый святой,
внесен в Собор Новомучеников и Исповедников*

I

* Алфавитный Патерик.

Российских (для общецерковного почитания).

Для чего Бог совершает чудо?

О книге “Чудеса Божии” *

В Церкви всегда была благодать и совершались чудеса. Чудо неизменно привлекает внимание как верующих, так и не верующих в него. Неверующие пытаются опровергнуть его с помощью рассудка, называемого свт. Игнатием (Брянчаниновым) лжеименным разумом, доказать, что чудо — естественное явление, либо не известное науке, либо не объясненное пока наукой. Верующие же видят в нем действие сверхъестественной Силы.

Чудеса являются одним из свидетельств о Боге. Цель их — обратить неверующих к Богу, верных укрепить в вере. Но св. апостол предсказывает, что настанут промыслительные времена, когда *пророчества прекратятся, языки умолкнут* (1 Кор. 13; 8). Уже в IV в. свт. Иоанн Златоуст говорит, что чудеса оскудели. Причина заключается в том, что *знамения — не для верующих, но для неверных* (1 Кор. 14; 22).** Апостольская проповедь сопровождалась многочисленными знамениями. Это было необходимо, т. к. она звучала в языческом мире, среди людей не знавших Истинного Бога. Ныне же, говорит свт. Иоанн Златоуст, Евангелие проповедано по вселенной, поэтому нужда в чудесах отпала и благове-

* М. 2000.

** Свт. Иоанн Златоуст. Беседа I в день Пятидесятницы. Полное собрание творений. Т. II. Кн. 1. М. 1993.

ствие совершается другими средствами. Самое действенное из них — благочестивая жизнь христиан, исполнение ими евангельских заповедей. Особенно замечательна в этом отношении жизнь монахов, которая сама по себе является подлинным благовестием.

“Знамена Божии даны были в содействие слову Божию. Знамена свидетельствовали о силе и значении слова. Существенный деятель — слово. Не нужны там знамена, где приемлется слово, по причине понятого достоинства, принадлежащего слову. Знамена — снисхождение к немощи человеческой”, — пишет свт. Игнатий (Брянчанинов), еп. Ставропольский.*

При повсеместном оскудении святых чудотворцев, о котором писали еще древние Отцы, некоторые особенности имеет православная Греция. В Греции находится Святая Гора Афон, где Промыслом Божиим монашеская жизнь сохранилась до наших дней наименее поврежденной. На Св. Горе спасаются подвижники почти из всех православных народов. Вообще, влияние Афона на весь православный мир огромно, и вряд ли может быть до конца оценено.** Но прежде всего его благотворное влияние испытывает на себе православная Греция. Поэтому многие греческие подвижники недавнего времени, особенно имевшие отношение к афонской духовной традиции, имели дар чудотворений.

Вот что пишет известный афонский старец, наш

* Творения. М. 1997. Т. IV. С. 305.

** Очень рекомендуем прочитать книгу схиарх. Херувима “Из Удела Божией Матери” (Киев, 1998). На наш взгляд, это лучшая книга об Афоне из изданных в России; по своей глубине она не уступает знаменитым “Письмам Святогорца”.

современник, схимонах Паисий (Эзнепидис, † 1994) в предисловии к своей книге “Отцы-Святогорцы”: “Очень беспокоит меня совесть моя, что я, будучи новоначальным монахом, не составил подробных записей о жизни добродетельных отцов, которые подвизались на Афоне в недавнее время. Отцы того времени имели большую веру и простоту, и большинство из них было малограмотно, но, поскольку они имели смирение и подвижнический дух, их постоянно посещало Божественное просвещение, в то время как в наш век умножения знаний логика, к сожалению, поколебала самые основы веры в людях и наполнила души вопросами и сомнениями. Тогда же почти в каждом месте можно было услышать рассказы о чудесах, и это было совершенно естественно. Находясь в такой духовной атмосфере, я не мог представить себе, что пройдет немного времени и все изменится. Меня ни разу не посетила мысль записать для последующих поколений достопамятные события и чудеса”.*

Жития древних русских святых обилуют чудотворениями. Но при внимательном прочтении жизнеописаний святых XIX и XX вв. увидим, что, хотя они имели многообразные дарования Духа Святаго, дар чудотворения при жизни имели немногие. Таковы судьбы Божии.

Окончательно чудеса не прекратятся, свидетельством чему служит пророчество Апокалипсиса о том, что два Божиих свидетеля — по объяснению Св. Отцов, это будут свв. пророки Энох и Илия —

* Цитируется по кн.: “Отец Тихон. Последний великий русский старец на Афоне” (Св.-Троицкая Сергиева Лавра. 1997. С. 5.) и “Архондарик под открытым небом” свящ. Дидонисия Тациса (М. 1998. С. 41.).

явятся в последние дни для обличения антихриста и будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, имея власть затворить небо, чтобы не шел дождь на землю во дни пророчествования их, и власть над водами — превращать их в кровь и поражать землю всякою язвою (Апок. 11; 3, 6). Но по сравнению с первыми веками христианства, в последующие времена чудеса станут крайне редкими явлениями.

Современные православные издания публикуют множество чудесных случаев. Но, к сожалению, издатели, в погоне за некоей духовной сенсацией, не всегда проверяют их подлинность, и поэтому нередко чудеса оказываются сомнительными. Особенно часто такое случается в периодической печати.

Ни для кого не секрет, что современная Церковь едва ли не в большинстве своем состоит из неофитов, поэтому многие православные периодические издания, теле- и радиoprogramмы недостаточно глубоки, поверхностно излагают события. Это естественное явление. Православная Церковь в России получила возможность говорить недавно, после десятилетий молчания. У истоков многих дореволюционных православных изданий стояли святые люди: либо непосредственно, либо благословив издателей на эту деятельность и рецензируя материалы. Однако преемственность православной журналистики, возникшей в XIX в., была прервана вакханалией пролеткульта. Мы начинаем все сначала.

В Церковь вступают молодые силы, люди, которые учатся. Они приносят с собой свои взгляды, не всегда зрелые, порой ошибочные. И это не удивительно; по-другому и не может быть. Нельзя требовать от рок-музыканта, впервые прочитавшего Еван-

гелие, бросить гитару. Он будет продолжать петь, но его песни отразят его путь к Богу. Кинорежиссер не уйдет из кино, но его фильмы будут отражать духовные искания. Журналист, начавший ходить в храм, скорее всего, сочтет для себя великим благом работать в православной газете. Но такой человек многого еще не знает. В его статьях духовная жизнь отразится так, как он ее понимает, т. е. пока не глубоко. Ничего плохого в этом нет: лучше такие издания, чем никаких, и создание их нужно всячески приветствовать. Такие журналисты движимы бескорыстными, благородными побуждениями рассказать о Христе своим современникам, не знающим Бога. Пройдут годы, и они духовно вырастут, обретут опыт. Тогда их статьи или передачи получат целостность, законченность, глубину. Сейчас же с благодарностью примем то, что есть.

Мы говорим о недостатках, никоим образом не желая укорять православных журналистов и писателей, надеясь, что будем услышаны и правильно поняты. Хорошо было бы обратиться к опыту православной журналистики Поместных Православных Церквей тех стран, где вера не подвергалась преследованиям коммунистической власти: Греческой, Японской, Американской, Западноевропейской. Можно попытаться использовать и опыт отечественных дореволюционных периодических православных изданий, обратившись к уцелевшим томам “Душеполезного чтения”, “Христианского чтения”, “Духовного собеседника”, подшивкам “Троицких листов” и “Афонских листов”. Эти издания дышат глубокой церковностью, при этом публикуемые в них материалы лишены восторженности, экзальтации, имеют здравый характер.

Необходимо трезвое отношение к чудесам. Не

только Божия благодать совершает знамения. Антихрист для утверждения своей власти над миром, как известно, будет широко пользоваться чудесами. *Сатана всегда принимает вид Ангела света и его служители — вид служителей правды* (II Кор. 11; 14–15). Среди прочих средств обольщения пользуются они и чудесами, стремясь произвести впечатление на зрителей и заставить их поклониться сатане. Ложные чудеса больше отталкивают, подавляют, чем приводят к познанию непостижимого. В Деяниях апостольских описан случай, когда одна служанка, одержимая бесом пытливости, говорила всем, что апостолы — *рабы Бога Вышнего, которые возвещают путь спасения* (Деян. 16; 16–18). Но апостол Павел изгнал беса, не желая, чтобы бесы пророчествовали. По объяснению святителя Иоанна Златоуста, святой апостол рассуждал, что, если бес способствует проповеди, значит, готовит какую-то кознь, как в действительности и произошло. Когда демон вышел, апостолы подверглись побоям. Святой Златоуст говорит, что, если бы беса не изгнали, обязательно случилось бы что-нибудь худшее.

Духовные писатели последнего времени, особенно свт. Игнатий Ставропольский, большое внимание уделяют обличению лжедуховности, крайне умножившейся в наше время. Лжедуховность обычно стремится привлечь к себе внимание лжечудесами. Святитель говорит, что это — дьявольская уловка, цель которой — клевета на Православие. Но “ложь не может владычествовать долго” (свт. Игнатий). *Нет ничего тайного, что не стало бы явным* (Мк. 4; 22). Ложные чудеса рано или поздно разоблачаются, посрамляя тех, кто их совершал, и соблазняя тех, кто им поверил.

Господь обличал иудеев в суетном искании

знамений и чудес: *род сей, лукавый и прелюбодейный, знамения ищет, но знамение не дастся ему* (Мф. 16; 4). Несмотря на величайшие чудеса: десять казней египетских, разделившееся Чермное море при исходе израильтян из Египта, огненный столп, предводивший их в пустыне, манна, падавшая с небес, падение Иерихонских стен и множество других,— еврейский народ, по свидетельству Священного Писания, остался жестоковейным и неверующим, а впоследствии, при совершенных Господом Иисусом Христом многочисленных поразительных чудесах, *каких никто другой не сотворил* (Ин. 15; 24), отверг Мессию.

Свойственно искать чудес людям поверхностным, для которых чудо, кем бы оно ни совершалось, является только ярким зрелищем, эффектным шоу. Им, в сущности, безразлична истина, они не захотят потрудиться в исполнении евангельских заповедей для стяжания добродетелей. Христианство таких людей заключается в беседах за чашечкой кофе о “высоких материях”. Святитель Игнатий пишет: “Слово Божие — знамение духовное, которое, будучи даровано человеку, удовлетворяет всем потребностям его спасения, содействует пособию от вещественных знамений ненужным. Христианин, которому не известно такое свойство слова, обличает себя в холодности к слову, в незнании слова Божия или в мертвом знании по одной букве”.*

“Чудо не является лучшим способом проповеди. Бог ищет любви человека, произвольного, свободного следования за Ним. Чудо же может явиться неким насилием над чувствами и волей человека. Вера, пришедшая в результате чуда, если не будет под-

* Творения свт Игнатия. М. 1997. Т. IV. С. 312.

креплена жительство по евангельским заповедям, рано или поздно станет суеверием или даже будет потеряна. Бог открывается человеку, живущему по совести, слушающему этот чудный голос в своей душе. Укрепляется в вере человек, когда живет по евангельским заповедям. Чтобы познать значение слова, должно исполнять его. Евангельские заповеди, будучи исполняемы, немедленно начинают преобразовывать, претворять, оживотворяют человека, претворяют его образ мыслей, его сердечные чувствования, самое тело: *ибо живо слово Божие и действительно, и острее всякого меча обоюдоострого, и проходит даже до разделения души и духа, членов и мозгов, и судит помышления и мысли сердечные* (Евр. 4; 12),— пишет свт. Игнатий.*

Жительство по Евангелию, человек достигает единения с Богом. Такое жительство научает человека видеть мир, сотворенный Господом, как величайшее Божие чудо. Настоящий христианин не ищет чудес, излишни для него и гороскопы. “Тому, кто предал себя в волю Божию, уже незачем знать будущее” (свт. Игнатий). Тщательно, с великим трудом христианин ищет одного — исполнения воли Божией. Воля Божия сокровенна в заповедях Божиих. Настоящие христиане ищут подлинных свидетельств о Боге в примерах благочестивой жизни.

В беседе “О чудесах и знамениях” святитель Игнатий, в числе других, приводит пример из жития преп. Антония Великого, когда некоторый юный инок повелевал в пустыне диким ослам: “Когда Великий услышал об этом чуде, то выразил недоверен-

* Творения свт. Игнатия. М. 1997. Т. IV. С. 311.

** Там же. С. 315.

ность к душевному устроению чудотворца; не замедлило прийти известие о горестном падении инока”.** Древние Отцы советуют при выборе духовного наставника руководствоваться ни чем иным, как благочестивой жизнью духовников: “Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего — истинно смиренномудрых”, — пишет св. преп. Иоанн Лествичник.*

Все истинные подвижники XX века тщательно скрывали свои духовные дарования. Примером этому может послужить исповедник веры, удивительный подвижник, при жизни известный лишь очень узкому кругу людей, игумен Никон (Воробьев, † 1963), книга писем которого к духовным чадам под названием “Нам оставлено покаяние” (М. 1997) поистине стала духовным приношением современному христианству. Игумен Никон говорил желавшим духовно окормляться у него, что он не считает себя ничьим духовным отцом, что может лишь, в силу своего возраста и жизненного опыта, поделиться некоторыми знаниями. Непременным условием общения с ним батюшка ставил обязательство никому никогда о нем не говорить и никого никогда к нему не привозить. Желавшим поселиться рядом с ним, он, по своему великому смирению, говорил, что бесполезно жить рядом с человеком, который знает, как надо жить, но не живет такой жизнью.

Люди, бывшие в духовном общении с отцом Никоном, вспоминают, что батюшка часто повторял: “Того духовного руководства, в котором и я, и Вы одинаково нуждаемся, сейчас нет”. Он никогда не

* Лествица. Сл. 4. Гл. 120.

требовал слушаться его во всем, высказывал свое мнение именно как мнение, предоставляя свободу поступить иначе в случае, например, изменения обстоятельств, и никогда ничем не связывал спрашивавших у него совета. Лишь один совет батюшка высказал категорично: “Если когда-нибудь кто-нибудь из священников Вам скажет: «Идите за мной, я Вас буду вести по духовному пути»,— бегите от него; этот человек в прелести”. Видимо, такой духовник не представляет тяжести той ответственности, которую хочет на себя взять, потому что любой человек с присущими ему немощами — это прежде всего крест для пастыря. Сам же о. Никон действительно совершал чудеса и исцеления, о чем есть свидетельства, но скрывал это тщательнейшим образом.

Как пример исполнения евангельских слов: *Если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16; 31),— о. Никон приводил слышанный им в концлагере рассказ священника, бывшего до того в Саровских лагерях. Однажды летом заключенных послали что-то копать на реке, и они внезапно увидели, что на дне речки ясно изобразилась икона Спаса Нерукотворного. Все, кто был на работах, остановились, пораженные этим, перестали копать, стояли и смотрели. Охранники прибежали разбираться, в чем дело, растолкали всех и тоже увидели икону. Тогда они приказали рыть на этом месте, чтобы снять изображение. Но оно не исчезало. Тогда его стали забрасывать. Отец Никон говорил: “Если человек не хочет поверить, то никакое чудо его не убедит”.

Не только святые люди, но всякий христианин, хотящий жить благочестиво в наши непростые времена, будет сокрывать себя, избегать начальственных должностей и видного положения, чтобы в

безвестности работать Богу, временами общаясь с небольшим кругом близких по духу лиц. Нам известны некоторые священники, преимущественно из числа монашествующих, которые именно из этих соображений избегают учить и проповедовать, хотя, казалось бы, это их прямая обязанность. Они не стремятся к умножению числа духовных чад, ограничиваясь теми, кого Господь уже привел к ним, а своим главным делом полагают молитву. Они считают, что пастырь — это прежде всего предстоятель у престола Господня, совершитель Божественных Таин, молитвенник за своих духовных детей. Он настолько способен руководить другими, насколько сам преуспел в молитве и духовном делании. Святитель Игнатий пророчествовал, что в последние времена засилье фарисеев в Церкви настолько увеличится, что истинные рабы Божии, спасаясь от них, вынуждены будут скрываться так же, как Спаситель скрылся от Ирода в безвестном малолюдном Назарете.

Господь, прежде чем вознестя на небо, заповедал ученикам оставаться в Иерусалиме, *пока не облечутся силою свыше* (Лк. 24; 49). Этим обозначается таинственное пребывание внутри себя, пребывание преимущественно в молитве и трезвении, чтении Божественных и отеческих писаний. Оно должно продолжаться до тех пор, пока благодать Божия не осенит душу явным образом. Только тогда раб Божий, облеченный благодатью, сможет выйти на проповедь Евангелия. Проповедовать может только человек духовно сильный, апостол, посланный Богом.

Преподобный Иоанн Лествичник пишет: “Когда мы, на год или на несколько лет удалившись от своих родных, приобретем некоторое малое бла-

гоговение, или умиление, или воздержание, тогда суетные помыслы, приступивши, побуждают нас опять идти в отечество для назидания, и примера, и пользы многих, видевших некогда наши беззаконные дела. А если мы еще богаты даром слова и имеем сколько-нибудь духовного разума, тогда уже как спасителям душ и учителям советуют они нам возвратиться в мир, с тем чтобы мы благополучно собранное в пристанище бедственно расточили в пучине. Постараемся подражать Лоту, а не жене его; ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и делается неподвижною”.*

“Многие,— пишет преп. Исаак Сирий,— совершили знамения, воскресили мертвых, потрудились в обращении заблудших, сотворили великие чудеса, привели других к познанию Бога, а после сего сами они, оживотворившие других, впали в скверные и мерзостные страсти, умертвили самих себя. Творящих знамения, чудеса и силы в мире не приравнивай к безмолвствующим с ведением. Бездейственность безмолвия возлюби более, нежели насыщение алчущих в мире и обращение многих народов к поклонению Богу”**. Очевидно, что здесь заповедуется предпочесть молитвенное делание даже тем, кто действительно способен обращать народы к Богу.

Допустима проповедь благочестивых мирян, которые, живя среди людей, все равно общаются с ними. Они не в состоянии нести монашеского молитвенного делания. Лучше говорить о Боге, чем празднословить. Мы немощные люди, но Господь так устроил, что и мы должны что-то делать в этом мире, хотя наши дела всегда бывают несовершенны и

* Лествица. Сл. 3. Гл. 11.

** Сл. 56.

содержат примесь страстей. Для человека же монашеского устройства проповедовать — очень большая ответственность, большой труд, опасный в духовном отношении. Поэтому за некоторую деятельность лучше вообще не браться. Многие, очень многие, взявшись проповедовать, погибли сами.

Книга “Чудеса Божии” свидетельствует о том, как осторожно, с большой разборчивостью подходили к чудесам в Русской Церкви во времена еще не очень давние, однако отличавшиеся тем, что церковную жизнь определяли не неофиты, а люди духовно здоровые, духовно опытные. Жизнь Церкви не есть только чудеса и знамения, духовная жизнь гораздо более глубока и многогранна. Чудеса и знамения, которыми должен прославляться Господь-Вседержитель, не должны служить на хуление имени Божия суеверными людьми.

Мы живем в благодатные времена духовного возрождения Православной России, которое должно, по пророчествам русских и славянских святых, перейти в проповедь ею слова Божия другим народам. “Может быть, еще китайцы, индусы, японцы дадут миру и Печерские Лавры, и новых Антониев и Феодосиев, и Сергиев, и Серафимов”, — писал в 1925 г. одному из православных парижских священников известный подвижник и духовный писатель XX века митр. Вениамин (Федченков).*

Семьдесят лет коммунистических гонений, которые по своим масштабам и кровопролитию превзошли все преследования Русской Православной Церкви в совокупности, были необходимы. В жизни любого христианина, стремящегося к духовному совершенству, по свидетельству Святых Отцов, необ-

* Альфа и Омега. О конце мира. № 1, 1997.

ходим период искушения его непосредственно падшими духами. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: “Искушения от лукавых духов обыкновенно попускаются после обучения искушениями от падшего естества, от мира и от человеков. Не вступив в брань с духами и не выдержав ее как должно, подвижник не может вполне расторгнуть общения с ними, потому не может достигнуть полной свободы от порабощения им в сем и будущем веке. Победитель в этой брани увенчивается особенными духовными дарованиями”.* Подобное происходит и с целыми христианскими народами. Период коммунистических преследований явился едва ли не самым плодоносным в истории Русской Церкви. За короткое время он дал столько святых, сколько не дала вся предшествовавшая тысячелетняя история христианства на Руси. Да и в истории Вселенской Церкви никогда не являлось столько святых за такой короткий период.

Не было случайным и трехсотлетнее владычество язычников-татар на Руси. Как это ни парадоксально, оно промыслительно послужило к укреплению христианства, которое было принято большинством еще поверхностно, скорее, как обряд, о чем свидетельствовали бесконечные междоусобицы и остатки языческих верований среди простых людей. Народу, как и человеку, чтобы окрепнуть в вере, необходимо пройти через многочисленные страдания, искушения, испытания. Когда не на кого уповать и бессильны *князи и сыны человеческие* (Пс. 145; 3), остается только в покаянии молиться Вседержителю. Когда, волею Божией, приблизилось окончание монголо-татарского ига, Господь послал Русь преп.

* Творения свт. Игнатия. М. 1997. Т. V. С. 146.

Сергия Радонежского. Послал именно тогда, когда преподобный стал нужен России. Раньше бы его не поняли, не приняли, и при всей своей духовности и святости, он не был бы замечен на Руси, остался бы мало кому известным. Игумен земли Русской стоял у истоков объединения русских земель, фактически — у истоков Русского Государства. Именно ученики преподобного Сергия, разошедшиеся во все концы Руси, духовно подготовили народ к объединению. И неизвестно, произошло ли бы оно вообще, если бы не было татарского ига.

В годы же коммунистических гонений, несмотря на страшные, невиданные испытания и бедствия, обрушившиеся на нашу Родину, народ, тем не менее, верил, что по окончании их наступит возрождение. Особенно поразительны слова и послания Святейшего Патриарха-исповедника Тихона, который нигде и никогда не говорит о близком конце света. Напротив, неоднократно Святейший Тихон пророчествует, что по окончании времени испытаний и очищения скорбями русского народа в России настанет духовный рассвет: “Как быстро и детски доверчиво было падение народа русского, развращаемого много лет несвойственной нашей христианской стране жизнью и учениями, так же пламенно и чисто будет раскаяние его, и никто не будет так любезен сердцу народному, как пастырь родной его матери Церкви, вызволившей его из египетского зла”.

После периода просвещения отступившей от Бога России светом Христовой веры принятие русским народом Православия выразится прежде всего в том, что Евангелие станет основой жизни простых людей и возрождаемые ныне храмы вновь наполнятся молящимися. Постепенно православные, глубоко церковные люди займут подо-

бающее место в управлении государством, встанут у истоков экономики, науки, культуры, политики, приобретут значительное влияние на вооруженные силы.*

Видимо, тогда и исполнятся пророчества преп. Серафима и других святых о том, что в России будет православный Государь. Все это, может быть, и кажется невероятным, но еще десять-пятнадцать лет назад никто и представить себе не мог, что будут открыты храмы и монастыри, во всеуслышание зазвучит евангельская проповедь, свободно будут издаваться православные книги, священников будут приглашать в школы, на радио, телевидение, и станет обычным делом присутствие епископа или иерея на государственном собрании и освящение ими атомной подводной лодки или космического корабля. Поэтому мы верим, что сбудутся слова Святых Отцов о будущем великом предназначении России. Тогда понесут русские миссионеры слово Божие народам, не знающим Бога, и для утверждения веры среди *малых сих* совершат великие знамения и чудеса. *Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, и не знаешь, откуда приходит и куда идет* (Ин. 3; 8).

* По предсказанию греческого святого XVIII века примч. Космы Этолийского, русские войска должны войти в Константинополь и освободить Св. Софию от магометан, а битва при этом будет такой, что Босфор будет красным от крови. В 1916 году уже был утвержден Государем Императором план освобождения Константинополя Черноморским флотом, которым командовал тогда великий русский патриот, впоследствии один из вождей Белого Движения, адмирал А. Колчак. Военные действия должны были начаться весной 1917 года. Но Господь, по непостижимым судьбам Своим, отложил исполнение пророчества.

Аминь.

Осторожно, ересь!

*О книге “Преподобный Исаак Сирин.
О Божественных тайнах
и о духовной жизни.
Новооткрытые тексты”*

В 1998 году в Москве вышла книга под названием: “Преподобный Исаак Сирин. О Божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты”. Переводчик уверяет, что подлинность опубликованных текстов “не вызывает сомнений: их стиль и язык, грамматика и синтаксис, терминология и тематика неопровержимо свидетельствуют об авторстве Исаака”*. Однако стоит начать читать книгу, возникают большие сомнения в том, что авторство “новооткрытых текстов” принадлежит известному учителю Церкви VII века преподобному Исааку Сирину. Прежде всего удивляет пустота, бессодержательность, восторженность “новооткрытых текстов”, пестрящих восклицаниями, риторическими вопросами, чего нет в ранее известных творениях преп. Исаака Сирина.

Опаснее же всего то, что со 194 по 216 страницы в “новооткрытых текстах преп. Исаака Сирина” изложена, как говорит переводчик, “своеобраз-

* О Божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты. М. 1998. Предисловие. С. 10–11.

ная эсхатология”, которая на поверку оказывается самой настоящей ересью Оригена, осужденной V Вселенским Собором. Одно из положений Оригеновой ереси, как известно, заключается в том, что все люди, согрешившие пред Богом, в том числе самые нечестивые, и даже демоны, после кратких мучений будут помилованы и введены в царство небесное. Именно это мнение приводится в книге, приписываемой преп. Исааку:

“Не для того Милосердный Владыка сотворил разумные существа, чтобы безжалостно подвергнуть их нескончаемой скорби”*.

“Речь не идет о том, что в этих мучениях мы должны погибнуть, или о том, что мы будем претерпевать их вечно. Их цель — чтобы мы думали о Боге и познавали Его, и чтобы изумление Им приводило нас к любви к Нему, и чтобы устыдились мы и исправили поведение наше в здешней жизни. ...Продолжим наше прежнее рассуждение, утвердившись ... в том, что есть конец у этих болезненных наказаний, но не у тех благ”**.

“Он многократно угрожает, но по благодати Своей укорачивает наказание”***. “Ни демоны не останутся в своем демоническом состоянии, ни грешники — в грехах своих; но к единому равному состоянию совершенства по отношению к своему собственному бытию намеревается Он привести их: к состоянию, в котором святые Ангелы находятся сейчас”****. Автор подобных, доходящих до

* О Божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты. С. 201.

** Там же. С. 205.

*** Там же. С. 208.

**** Там же. С. 211.

нелепости высказываний, противоречащих учению Святых Отцов Вселенской Православной Церкви, очевидно, никак не может быть Отцом Церкви VII века преп. Исааком Сириным. Святой преп. Исаак пишет совершенно противоположное: “Избежать геенны и значит это самое — войти в царство; равно как лишиться царства — значит войти в геенну. Писание не указало нам трех стран, но что говорит? *Когда придет Сын Человеческий во славе Своей и поставит овец справа от Себя, а козлищ слева* (Мф. 25; 31–33). Не три наименовал сонма, но два — один справа, другой слева. И разделил пределы различных обитателей их, сказав: *и пойдут сии*, т. е. грешники, *в муку вечную, праведники же в жизни вечной* (Мф. 25; 46) *воссияют как солнце* (Мф. 13; 43). И еще: *от востока и запада придут, и возлягут на лоне Авраамовом в царстве небесном; сыны же царства изгнаны будут во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов* (Мф. 8; 11–12), что страшнее всякого огня”*.

Отношение Святой Православной Церкви к ереси Оригена вполне однозначно. В частности, св. преподобный отец VII века Иоанн Лествичник говорит: “Все, а в особенности падшие, должны беречься, чтобы не допустить в сердце свое недуг безбожного Оригена; ибо скверное его учение, внушая о Божием человеколюбии, весьма приятно людям сластолюбивым”**.

В наше время повсеместного распространения экуменической ереси подобные “пустяки” просто не замечаются. По мнению экуменистов, для спасения

* Аввы Исаака Сирина Слова подвижнические. М. 1993. С. 311–312.

** Лествица. Сл. 5. Гл. 41.

не обязательно исповедовать православную веру и даже быть крещеным: некое туманное “христианское устройство в душе” является достаточным для спасения человека.

А католический Рим пошел еще дальше: в одной из своих последних энциклик папа Иоанн-Павел II заявил, что для спасения вовсе не обязательно быть христианином, достаточно быть просто “хорошим человеком”, спастись можно независимо от вероисповедания: будучи иудеем, магометанином, язычником и даже неверующим. Случайность ли, что в русском переводе книга “О Божественных тайнах и о духовной жизни” была опубликована вскоре после выхода в свет энциклики папы Иоанна-Павла? Переводчик “новооткрытых текстов преп. Исаака Сирина” говорит, что их рукопись происходит из монофизитского монастыря, что сразу же дает повод усомниться в ее православии. Не исключено, что скоро представителями экуменизма будет обнаружен соответствующий второй том писаний препп. аввы Дорофея или Иоанна Лествичника.

Поэтому уже не удивительно, что мнимый экуменический “Исаак Сирин” в подтверждение своих мнений о помиловании всех ссылается на “великого столпа Церкви”, “блаженного толкователя”, авторитетного, с точки зрения переводчика, для восточно-сирийской традиции писателя “яснозвучного” Феодора — еп. Мопсуэстского (стр. 201), который был назван на V Вселенском Соборе отцом несторианской ереси и предан анафеме,— он же был, несомненно, хорошим человеком!

Между тем, в народе имеют широкое хождение

дение молитвы за некрещеных младенцев и молитвы мученику Уару о умерших некрещеными. В богослужебной Минее за октябрь, издания Московской Патриархии (М. 1980.), содержится целая служба “мученику Уару, иже о некрещеных родителех Клеопатры умоли”, составленная известным ересиархом экуменизма, митрополитом Ленинградским Никодимом (Ротовым). В житии св. мч. Уара действительно упоминается о том, что он умолил за родителей Клеопатры, но нигде не говорится о том, что они были некрещеными.

Вообще, мнение о возможности спасения некрещеных является настоящей ересью, так как святая Церковь одним из необходимых условий спасения человека всегда ставила св. Крещение. Господь во св. Евангелии возвещает: *Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие; рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3; 5–6). Всеми Св. Отцами это место объясняется как указание на Таинство св. Крещения. Приведем с сокращениями несколько цитат из письма свт. Игнатия, еп. Ставропольского, в котором он обличает распространенный уже в его время религиозный индифферентизм:

“Спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцов. Погибель — удел всех людей: и добродетельных, и злодеев. Нисходили во ад по окончании земного странствования не только грешники, но и праведники Ветхого Завета. Чтобы восстановить общение человека с Богом, иначе,— для спасения необходимо было искупление. Искупление рода челове-

ского было совершено Самим Беспредельным Богом. Казни — жребий рода человеческого — заменены Его казнью; недостаток заслуг человеческих заменен Его бесконечным достоинством. Все добрые дела человеческие, немощные, нисходившие во ад, заменены одним могущественным добрым делом: верую в Господа нашего Иисуса Христа. Верую, одною верою мы можем войти в общение с Богом при посредстве дарованных Им Таинств.

Церковь всегда признавала, что одно средство спасения — Искупитель! Если праведники истинной Церкви, светильники, из которых светил Дух Святой, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то как вы хотите, чтобы язычники и магометане, за то, что они кажутся вам добренькими, не познавшие и не уверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним средством — верою в Искупителя? Признающий возможность спасения без веры во Христа отрицается Христа и, может быть, не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства.

Вы говорите: “Еретики — те же христиане”. Откуда вы это взяли? Разве кто-нибудь, именующий себя христианином и ничего не знающий о Христе, по крайнему невежеству своему решится признать себя таким же христианином, как и еретики, а святую веру христианскую не отличит от чада клятвы — богохульной ереси! Иначе рассуждают об этом истинные христиане! Многочисленные сонмы святых прияли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении. Все-

ленская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала, что человек, зараженный страшным недугом ереси, мертв душою, чужд благодати и спасения, в общении с дьяволом и его погибелью. Характер еретиков — вполне сатанинский. Сущность всякой ереси — богохульство”*

Все Святые Отцы говорили о ересях в таком же духе, не иначе. Лишь в XX веке еретиков стали называть “инославными братьями”.

Православный читатель, знакомый с творениями Святых Отцов Церкви, знает, что *сатана принимает вид Ангела света и служители его принимают вид служителей правды* (2 Кор. 11; 14, 15). Поэтому нужно относиться крайне осторожно к любым “новооткрытым текстам” известных авторов. Святой апостол Павел заповедует: *Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет*

Г

Веруй в догматы, проповедуемые Евангелием, разумей и исповедуй их по точному учению Православной Восточной Церкви, которая одна содержит евангельское учение, во всей чистоте его и правильности.

Вера в Евангелие должна быть живая, должно верить умом и сердцем, исповедывать веру устами, выражать, доказывать ее жизнью.

Живая вера — шествие в мир духовный, в мир Божий. Не может пребывать она в том, кто пригвожден к миру дольному, где господствует плоть и грех.

Святитель Игнатий Ставропольский

* Творения свт. Игнатия. М. 1995. Т. IV. Письма к мирянам. Письмо № 28.

простят нас их насельники — порядки больше похожи на лагерные, чем на монастырские,— речь идет не о мужских, а именно о женских монастырях. Дать благословение на поступление в такую обитель человеку, не образованному в духовном отношении, новонаначальному,— значит посылать его на тяжкие, труднопереносимые скорби, а возможно, и на погибель.

Много лет разыскивая какую-либо женскую обитель, куда можно было бы направить желающих, мы не нашли ни одной, которая бы соответствовала хотя бы в основных чертах святоотеческим понятиям о монашестве, в которой бы были учтены перемены современной жизни: «Перемены не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние».* Мы не нашли ни одной обители, где сострадательно, заботливо относились бы к ее насельницам, учитывая их немощи, телесные и душевные, при устройстве которой имелась бы в виду не только духовная жизнь, но учитывались бы и телесные нужды современных физически слабых, не имеющих здоровья людей. «Пристани обратились в пучины, в которых вредятся и гибнут душами многие такие люди, которые посреди мира проводили

I

весьма хорошую жизнь»**.

Мы встретили немало лиц, которые с благочестивой ревностью и надеждой вступили в подобные монастыри, однако за несколько лет пребывания в них

* Публикация является частью эфира на радио «Радо-неж». Издательство им. свт. Игнатия готовит более полную работу иеромонаха Сергия по данной теме.

** Издательский дом «Святая Гора». М. 2002.

пришли в полное телесное изнеможение и отчаяние, расстроили физическое и душевное здоровье, стали инвалидами, не нужными никому ни в монастыре, ни в миру, там и там слышащими попреки в тунеядстве.

Нужда заставила нас взяться за перо и желание предупредить тех новоначальных, которым монашество даже в современном его виде представляется исключительно как райское жительство, а не как непрестанное крестоношение. Мы никоим образом не хотим ослабить ревность тех, кто, несмотря ни на что, решился встать на святой путь монашеской жизни. Бог им в помощь! Мы лишь хотим, чтобы они реально представляли себе тот путь, на который вступают, чтобы, по возможности, избежали ошибок, большей частью неприметных и по причине недооценки их опасности могущих привести к гибели.

Но прежде всего мы хотели бы поделиться нашим небольшим опытом с другими пастырями, которым выпал нелегкий жребий духовного руководства женскими монашескими общинами. К великому сожалению, какие-либо книжные пособия по данному предмету отсутствуют*. Современному духовнику приходится до всего доходить самому, в основном путем проб и ошибок. Затруднительно получить зрелый рассудительный совет других пастырей, так как подобное служение встречается редко, а те, кто совершили его свято, практически не оставили после себя записанных наставлений. Святоотеческие аскетические творения, написанные в древние и новые времена, столь содержательные и полезные для пастыря, тем не менее, ничего не говорят о том, как руководить женскими общинами, учитывая особеннос-

* Лествица. Слово 4. Гл. 105.

** Лествица. Слово 26. Гл. 2.

ти женского менталитета.

Современная жизнь только умножает проблемы, особенно если учесть, что большинство нынешних Российских монастырей — новооткрытые обители, неустроенные во всех отношениях. В них почти не встретишь инокинь, которые могли бы поделиться опытом своей аскетической жизни. Тем не менее, пастырское служение незаменимо, без него не будет полноценного монастыря. Хотя современные реалии таковы, что пастырь не всегда является желанным лицом в обители женской. Мы задались целью оказать хотя бы небольшую помощь таким пастырям, предостеречь их от тех ошибок, которые совершили сами. «Святой Иоанн Лествичник говорит, что некоторые, проходя по болотистым местам, увязли в грязи и, покрытые ею, поведали о том, как это случилось с ними, другим, которые тут проходили, для спасения их. За спасение ближних Всемогущий избавил из болота и тех, которые, попавши в него, предостерегли ближних от впадения в него».*

Мы хорошо представляем возможные последствия публикации данной статьи, но молчать не можем. Положение современных женских монастырей в России не только печально: оно бедственно. Хоть кто-нибудь должен об этом сказать! Исходя из того, что знаем, дальнейшее молчание почитаем греховным. Если об этом не говорить, перемен не настанет, все останется по-прежнему. Чтобы уврачевать недостатки, на них необходимо указать. Мы готовы ответить за свои слова перед кем бы то ни было. У тех, кого невольно обидели, испрашиваем прощения, а у тех, кому написанное принесло пользу, просим святых молитв.

* Творения свт. Игнатия. Т. V. М. 1998. С. V.

Учение свт. Игнатия (Брянчанинова)
о послушании
в сравнении с практикой
современного Афона*

Ответ на книгу афонского священноинока

Доримедонта**

— В своей книге иеромонах Доримедонт, русский по происхождению, в ряде пунктов высказывает свое несогласие с учением святителя Игнатия (Брянчанинова) о послушании, в частности, утверждает, что оно во многом расходится со святоотеческим учением о послушании. Так ли это?

— Никак не могу согласиться с точкой зрения афонского священноинока. Святитель Игнатий (Брянчанинов) собрал, синтезировал учение Святых Отцов о послушании и изложил его на доступном, понятном нам современном языке. Он ничего не изменил в творениях Святых Отцов и ни в чем им не противоречит. Афонский священноинок также утверждает, что святитель пользуется неточными переводами Отцов и, приводя цитаты, пытается истолковывать их по-своему. Но сами эти цитаты, приведенные самим о. Доримедонтом, избочивают его.

Давайте рассмотрим некоторые отрывки из этого «афонского письма». Отец Доримедонт пишет: «Сравнивая учение святителя о послушании с хранимым на Святой Горе святоотеческим опытом послушания, необходимо признать, что мнение святителя с этим опытом расходится. Беспристрастный

* См. сноску на с. 131–134 настоящего издания.

анализ этого мнения в свете общего святоотеческого предания приводит к выводу, что в православной аскетике мнение святителя является единичным. Конечно, эта оценка не переходит на все аскетическое учение святителя и не может быть основанием для сомнений в его личной святости».

Как известно, послушание — это не только основа духовной жизни, но и один из монашеских обетов. Преподобный Иоанн Лествичник пишет, что «рассуждение рождается от смирения, смирение же — от послушания»*. Поэтому если человек не имеет послушания, он никогда не будет иметь смирения в достаточной мере настолько, чтобы стать человеком рассудительным. Писания же святителя Игнатия весьма мудрые и рассудительные. О самом святителе Игнатии можно сказать, что из всех современных ему и нам аскетических духовных писателей он является рассудительнейшим, потому что именно он умеет раскрыть Евангелие и учение Святых Отцов применительно к современным обстоятельствам.

Что же такое рассуждение, по прп. Иоанну Лествичнику? Это «способность знать волю Божию во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи»**. Поэтому истинное рассуждение обязательно учитывает все перемены, происходящие в жизни человека, в жизни общества, в жизни Церкви.

Святитель Игнатий пишет: «...указано, каким образом должно пользоваться писаниями древних, применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которое поставляется всякий, не понявший и не приметивший необходимость применения».* Таким образом, афонский священноинок действительно «не замечает некоторых пе-

* Творения свт. Игнатия. Т. I. М. 1996. С. 563.

ремен» и тем «поставляется в ложное положение».

В своем письме он говорит, будто святитель Игнатий априорно (бездоказательно) утверждает, что в мире произошли изменения, а также и то, что сегодня у нас нет духоносных старцев. Но ведь святитель не утверждает, что в мире вообще нет и не будет святых. Это не так! Когда он пишет о том, что сейчас нет духоносных старцев, то имеет в виду, что в наше время нет таких искусных руководителей монашеской и духовной жизни, какие были в древности. И главной причиной монашеских скорбей считает отсутствие таких духоносных руководителей.

Афонский священноинок обличает святителя в некоем «богословии непослушания», однако святитель Игнатий с большим уважением относится к послушанию как к добродетели и как к деланию. Очень много добрых и теплых слов о послушании находим на страницах его творений. Особенно подробно об этом можно прочитать в его письмах к разным лицам. Да, он пишет, что сейчас нет таких искусных и духоносных старцев, каковыми были, например, преподобные Антоний Великий, Пахомий Великий, Евфимий Великий, Феодосий Великий, Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов — столпы и основоположники монашества. Но это вполне понятно. Ведь и Христос в Евангелии говорит: *Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18; 8), — и многие места из Священного Писания свидетельствуют о том, что духовность в мире оскудевает. Поэтому подвиг людей, которые во времена апостасии, во времена отступления от Христа и христианства, станут проводить праведную, благочестивую жизнь, будет еще более ярким и заслужит еще бóльшую награду от Господа. Конечно, святость была, есть и будет. Но то, что святые последнего времени по форме, по ви-

ду своей жизни будут отличаться от святых первых веков — не подлежит сомнению.

Преподобному Пахомию Великому было видение о том, что монахи последних времен будут очень слабыми, и в этом видении открыта одна из причин — отсутствие опытных духовных руководителей. Иноки последних времен будут трудиться, но не будут они иметь той силы благодати, которую имели иноки первых веков христианства.*

Святитель Игнатий говорит и о том, что в наши времена невозможно слушаться так, как слушались в древности: в те времена послушание было удивительно не только в старцах, но и в самих послушниках. Тогда были святые старцы и святые послушники. Сейчас этого не, и святитель Игнатий говорит, что современные старцы не имеют права требовать такого беспрекословного послушания. Поскольку многое в нашей жизни изменилось, то современный послушник уже не может иметь такой веры к своему старцу. Современный старец, духовник — это такой же немощный человек, со своими слабостями и заблуждениями. Поэтому ему и невозможно оказывать такого безусловного послушания.

В статье «Плач мой» святитель Игнатий пишет: «Отцы первых веков Церкви особенно советуют искать руководителя богодухновенного и ему предаться в совершенное и безусловное послушание. Называют этот путь, каков он и есть, кратчайшим, прочнейшим и боголюбезнейшим. Отцы, отделенные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет своих предшественников, уже жалуется на редкость богодухновенных наставников, на появив-

* Прпш. Отцов Варсонуфия и Иоанна руководство к духовной жизни. М. 1993. Вопрос 501. С. 325.

шееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют богодуховенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное и Святое Писание и поверяемые по этим Писаниям, принимаемые с величайшей осмотрительностью и осторожностью советы современных и сожителствующих братий. Я желал быть под руководством наставника, но не привелось мне найти наставника, который бы вполне удовлетворил меня, который был бы оживленным учением Отцов. Впрочем, я слышал много полезного, много существенно нужного, обратившегося в основные начала моего душеназидания. Да упокоит Господь в месте злачем, в месте прохлады и в месте света и блаженства почивших благодетелей души моей. Да дарует большее духовное преуспеяние и кончину благополучную текущим по поприщу земного странствования и тружничества».* Как же можно утверждать, что святитель Игнатий отрицает подвиг послушания?

Афонский священноинок в основном ополчается против учения святителя Игнатия о послушании, выраженного в пятом томе его творений, в двух главах — «О жительстве в послушании у старца» и «О жительстве по совету», — где наиболее полно открыто это его учение. На самом же деле он еще более часто обращается к теме послушания в своих трудах, но в этих главах говорит прямо об этом. Суть его учения такова: поскольку сейчас нет духовных старцев, которые бы обиловали благодатными дарованиями так, как обиловали ими старцы

* Прп. Отцов Варсонуфия и Иоанна руководство к духовной жизни. М. 1993. Вопрос 501. С. 325.

древности, то нашему времени не дано и такое жительство, т. е. жительство в таком послушании, когда старец непосредственно возвещает волю Божию послушнику, будучи движим благодатью Духа Святаго. Нынешний духовник и его послушник вместе ищут Божию волю — в основном путем проб и ошибок. И вместе они, пользуясь писаниями Святых Отцов древности, находят ответы на те вопросы, которые предлагают жизненные обстоятельства.

Подобные примеры можно найти и в древности. Например, так же поступал основоположник монашества — преподобный Антоний Великий. Он не имел постоянного старца, а советовался со многими подвижниками: у одного учился воздержанию, у другого — рассуждению, у третьего — посту.

В отличие от древности, когда духоносный старец предлагал учение своему послушнику, нынешние послушники отыскивают истину в Священном Писании Ветхого и Нового Завета, и в писаниях святых учителей и Отцов Церкви о духовной жизни. Таким образом, в руководство опять-таки предлагается благодатное слово, Слово Божие, изложенное Святыми Отцами. Причем даже в древности было известно, что как бы ни был человек свят, его опыт, как опыт одного человека, ограничен. А сейчас мы имеем писания многих Отцов, принадлежащих к разным традициям, к разным векам христианства, к разным народам, так что жизнь современного человека, его духовный опыт обогащается опытом этих Отцов, которые все учат об одном — о том, как спасти душу. И раскрывают они свое учение на основе Священного Писания.

Обращаясь к этим книгам, мы как бы обра-

* Авва Дорофей. Поучения. М. 2002. Поучение 5. С. 57.

анафема (Гал. 1; 8).

Остается сожалеть, что книга “О Божественных тайнах и о духовной жизни” вышла в уважаемом издательстве Зачатьевского монастыря.

ЧАСТЬ II

Церковные проблемы

Может ли
Церковь застойного периода
свидетельствовать об истине
в современном мире?

*Размышления над итогами
Архиерейского Собора
Русской Православной Церкви 2000 года.*

1. Готовы ли мы к свободе?

В 90-х годах XX века Русская Православная Церковь получила свободу. Несмотря на то, что хулителей ее предостаточно, тем не менее, никто больше не стесняет нас в действиях. Церковь может свободно проповедовать, издавать любую литературу, открыто выступать, организовывать свои СМИ, широко заниматься благотворительной деятельнос-

тью, строить храмы, возрождать монастыри, создавать братства, сестричества, молодежные движения. Никто больше не преследует за веру в Бога. Должно признать, что такие возможности Церковь получила во многом благодаря отделению ее от государства. Даже в условиях Православного Самодержавия полной свободы Церковь не имела, так что не могла даже восстановить Патриаршество*.

Новые условия породили новые формы жизни Церкви. Но эти формы принесли с собой и некоторые крайности. Иногда крайности возникают оттого, что бездумно используется опыт миссионерской, социальной, благотворительной деятельности западных конфессий, не всегда приемлемый в Православной Церкви. Вместе с тем, Православная Церковь имеет свой богатый, но недостаточно востребованный опыт решения многих вопросов современности.

Особенно мало изучена ее жизнь в XX веке. Часть Поместных Православных Церквей, оказавшаяся под властью коммунистов, несмотря на гонения и преследования, жила и несла служение людям. Другая же, меньшая часть Поместных Церквей в странах западной демократии и Ближнего Востока, не испытывая давления государства, могла развиваться свободно и жить полноценной жизнью. В настоящее время полностью не изучена жизнь ни той, ни другой части, между тем как именно богословское осмысление истории Церкви истекшего столетия — как гонимой, так и свободной — могло бы ответить на многие насущные вопросы сегодняшнего дня.

* Справедливости ради должно признать, что в современной Греции Православие является государственной религией и нисколько от этого не страдает.

Перемены, начавшиеся в нашей стране в последнее десятилетие XX века, совершаются столь бурно, что в некоторых отношениях Православная Церковь России сегодня оказалась не готовой к ним. На многие важнейшие вопросы, которые задает жизнь и которые требуют соборного решения, ответы пока не прозвучали, хотя последний Архиерейский Собор 2000 года и постановил вести анализ острых проблем современности. Некоторые же ответы хотя и даны, но очень часто в половинчатом или недосказанном виде.

За восемьдесят лет в Церкви накопилось много внутренних проблем, которые, конечно же, не могут быть решены в одночасье. Поэтому сейчас архипастыри в первую очередь стараются разрешить именно эти внутренние проблемы. Первоочередная задача в настоящее время – упорядочение внутренней жизни Церкви, восстановление соборности, духовного единства епископата и церковного народа. Решения часто принимаются болезненно, не всегда бывают единогласны. Многочисленные вопросы, обращенные к Церкви извне, не успевают получить ответов. Кроме того, к некоторым проблемам священноначалие относится очень нерешительно, другие же насущные вопросы как бы не замечаются. Один современный церковный публицист сказал: “Мы старательно делаем вид, что все еще живем в XIX веке” (Проф. Свято-Тихоновского Богословского института диакон Андрей Кураев).

Некоторые формы жизни и деятельности нашей Церкви остались как некое наследие брежневских времен. Между тем они давно уже отжили, и в новых условиях, в лучшем случае, бесполезны, а по большей части – вредны. Существуют эти формы благодаря людям, которые по-другому жить не мо-

гут и не хотят; и будут существовать до тех пор, пока такие люди будут иметь в Церкви вес и реальную власть. По всей видимости, такого же мнения придерживается и Святейший Патриарх Алексий II. Однажды Его Святейшество с сожалением сказал, что, несмотря на изменившиеся времена, многие священники, особенно старшего поколения, живут по-старому, ничего не желая менять, хотя можно бы было многое сделать.

К сожалению, по всей видимости, придется терпеливо ждать, потому что в одночасье всего изменить нельзя. Церкви не присущи революции. Проблема, к несчастью, многими не замечаемая, стоит настолько остро, что некоторые не без основания до сих пор называют нашу Церковь Церковью застойного периода.

Недостатки современной церковной жизни во многом являются результатом многолетних попыток уничтожить Церковь. Одной из целей безбожного государства было разрушение соборности Церкви. В целом сделать этого не удалось, но некоторые “достижения” в этой области были. В частности, на протяжении семидесяти лет тирании безбожников не было проведено ни одного полноценного Собора Русской Православной Церкви, на котором можно было бы свободно высказаться по всем насущным вопросам церковной жизни. Первый такой Собор состоялся только в 1991 году.

Многие проблемы остались нерешенными еще со времен дореволюционных: “К началу трагического XX века накопилось множество церковных вопросов, требующих скорейшего соборного решения, и

* Мысли вслух о прошедшем Юбилейном Архиерейском Соборе. Альфа и Омега. № 1. 2001. С. 151.

уже активно работало Предсоборное Присутствие, — пишет ныне покойный епископ Сергей (Соколов)*. — Но разрешения на созыв Собора Церковь так и не дождалась. Лишь после отречения св. страстотерпца Царя Николая II от власти Временное правительство дало Церкви добро на созыв Собора, который вошел в историю нашей Церкви как великое деяние, восстановившее Патриаршество в России и обозначившее огромный круг сложнейших вопросов, множество из которых так и не нашло своего решения из-за разразившейся революции. Интересно, что лишь в последнее время, в 90-х годах XX века многотомные материалы Собора 1917–1918 гг. были изданы достаточным тиражом”.

2. Церковная соборность и государственная власть

С началом синодального периода государственная власть грубо вмешалась в жизнь Церкви, предприняв попытку отнять у Церкви свободу. В том числе и свободу открыто обсуждать свои проблемы. Во многом эта попытка подчинить Церковь государству удалась. За весь синодальный период не было проведено ни одного Поместного Собора. Цари, и даже царицы присваивали себе Патриаршую власть и, по подобию протестантских монархов, если и не объявляли открыто, то вели себя так, как будто бы были главой Соборной Церкви, подменяя решения Соборов и сами Соборы своими “высочайшими” указами.

“Петровские реформы и последовавший за ними двухсотлетний синодальный период лишили Церковь Русскую не только Патриаршества, но и за-

ставили многих забыть, что такое соборность,— пишет в той же работе епископ Сергей.— На Церковь светское общество стало смотреть как на одну из государственных структур, и назначаемый Императором обер-прокурор не просто присутствовал на всех заседаниях Святейшего Правительствующего Синода, но четко отслеживал интересы государства. И если интересы Церкви и государства не совпадали, то Синод послушно выполнял волю царице, теряя при этом церковные и монастырские земли, превращая монастыри в дома фронтовых инвалидов. Противление государевой воле резко пресекалось, и епископ, дерзнувший заявить о несвободе Церкви, мог оказаться в тюрьме”.

Те рабы Божии, которые пытались возвысить свой голос и открыто сказать о проблемах церковной жизни — как внешних, так и внутренних,— подвергались гонениям. Характерным примером тому может служить так называемое “дело” свт. Арсения (Мацеевича), митр. Ростовского, который был всячески очернен, оболган, “лишен” сана и монашества, осужден и сослан, затем заточен в темницу по приказу Императрицы Екатерины II. В заточении святителю было запрещено иметь какие-либо книги, перо и бумагу и с кем бы то ни было разговаривать. Его замуровали в камере, оставив небольшое оконце, через которое подавалась скудная пища и вода. Проведя в заточении несколько страдальческих лет, святитель скончался. Обратим внимание на то, что императрица действовала через покорное священноначалие. Прием, который впоследствии с успехом позаимствует советское ГПУ.

Такое поведение государства по отношению к Церкви, считавшееся вполне нормальным, возведенное в ранг политики, привело к тому, что рус-

ские церковные историки, несмотря на развитие исторической науки, не писали о синодальном периоде, так как лгать не хотели, а свидетельствовать правду боялись. Вплоть до XX века не было написано ни одного сколько-нибудь значительного исследования в области истории синодального периода. Молчание было нарушено только после 1917 года.

Промыслом Божиим дело свт. Арсения (Мацевича), как особенно возмутительное преступление государственной власти в России против Церкви, стало известным. “Показательно,— пишет епископ Сергей,— что Юбилейный Архиерейский Собор 2000 года причислил к лику святых подобного ревнителя церковной свободы”*. Можно предположить, что случай святителя Арсения был не единственным. На протяжении синодального периода наверняка находились праведники, которые пытались что-то переменить в существующих порядках, но сделать ничего не смогли. Их “дела”, скорее всего, пылятся среди документов консисторий, которые пережили разгромы, пожары, конфискации ЧК, а ныне находятся в фондах государственных библиотек и музеев.

Как пишет епископ Сергей, “история знает и лжесоборы, когда архиереи были не свободны в своих решениях и зависели от светской власти, заинтересованной в том, чтобы жизнь Церкви проходила по сценарию, написанному безблагодатным светским чиновником, и целиком контролировалась государством”**.

Но не только государственная власть в тот период уничтожала всякую живую мысль в Церкви. Преуспевала в этом, к сожалению, и сама церковная

* Указ. соч. С. 151.

** Там же. С. 150.

иерархия, воспитанная государством в определенном духе и при назначении своем проходившая проверку на лояльность по отношению к существующим взглядам государства на Церковь. Прием, опять-таки впоследствии использованный советской властью. Церковная иерархия того времени, за исключением немногих достойных ее представителей, сама способствовала разложению Церкви, уничтожению ее соборного духа, превращению ее в некое бюрократическое учреждение во главе с “чиновниками в рясах”, по меткому выражению святителя Игнатия (Брянчанинова). Письма свт. Игнатия близким ему людям, не предназначавшиеся для публикации, могут служить одним из ценных свидетельств той эпохи*.

Бесценные творения святителя, столь значительное явление в аскетической литературе, незамеченные для современной духовной жизни, как известно, были запрещены. Существовало негласное предписание одного из влиятельнейших членов Синода, имеющего сан митрополита, запрещающее печатать творения еп. Игнатия, как святитель пишет об этом брату Петру Александровичу Брянчанинову: “Сначала мне не указывали прямо: на отказ употребляем был свой прием. Именно: так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение, что рукопись делалась никуда не годною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики. Впоследствии один цензор был столько добр, что сказал о существовании тайного приказа относительно моих сочинений, после че-

* Ныне они по милости Божией изданы.

** Собрание писем свт. Игнатия. М.–СПб. 1995. № 494.

го я не стал беспокоить цензуру представлением туда трудов моих”**.

Да и сам святитель с его аскетическими воззрениями оказался непонятым, нежелательным и не вписывался в современную ему церковную жизнь. Как свидетельствовал он сам, причиной его неприятия в церковной среде было свойственное ему направление, заключающееся в точном последовании учению Святых Отцов.

Кровавая большевистская революция была наказанием Божиим, в частности, и за отступление Церкви от своего предназначения — несмотря ни на что оставаться Святой Соборной Апостольской Церковью, “право правящей слово Истины”. Так дальше продолжаться не могло. При существовавшем порядке вещей, когда Церковь потеряла свободу, подчинившись государству не только административно, но и духовно, она постепенно могла окончательно изменить Истине и сделаться подобной Римо-католической курии, один из великих грехов которой состоял в том, что она перестала быть Церковью, а стала земным государством.

Говорить ли о безбожной коммунистической власти, которая поставила своей целью окончательно истребить Церковь и “показать по телевизору последнего попа”?* Как выясняется, некоторые свои методы в борьбе с Церковью она изобрела не сама, а позаимствовала у предшествующей государственной власти, усовершенствовав и дополнив их действиями еще более несправедливыми, преступными и кровавыми. Хотя, конечно, жизнь Церкви в православном самодержавном государстве несравнимо отличалась от существования ее под властью больше-

* Генеральный секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

виков и коммунистов.

За четыреста лет мы, православные, разучились рассуждать, приняли мировоззрение чеховского “человека в футляре”. Утрачено понимание послушания как пути к стяжанию рассуждения*. Ныне по большей части распространено понимание послушания только как безусловного повиновения вышестоящим, в духе римо-католического папизма. И, как следствие, утрачена способность брать на себя ответственность за свои поступки и слова. Великая разница между послушанием Богу через человек, и послушанием собственно человеку. Православная Церковь, осудив папизм как монополию на истину одного человека, при том “безгрешного”, осудила вместе с тем и саму идею послушания в духе папизма. Вместо “безгрешного” папизма, в Православной Церкви — соборность, как право всех и каждого на познание Истины.

3. Свобода в Церкви — свобода во Христе

Русская Церковь выстояла, живет и возрождается. Несмотря на все ее болезни, это наша мать-Церковь! И мы несомненно верим, что Божией милостью она воскреснет во всей своей Богозданной красоте. При этом мы считаем, что любые проблемы могут и должны обсуждаться открыто, так как это всегда было свойственно Православию, от древних времен до синодального периода. В этом и заключается одно из свойств соборности.

* “От послушания рождается смирение, от смирения — рассуждение”. Лествица. Сл. 4. Гл. 105.

“Примерно за год до Собора (2000 года) во все епархии нашей Церкви была разслана анкета с просьбой обозначить актуальные вопросы церковной жизни, предварительно обсудив их на приходах. Увы, ответы пришли лишь от двадцати епархий, в то время как их сегодня более сотни. Такой пассивности комиссия не ожидала. Мне известно, как активно обсуждались поднятые проблемы в нашей Новосибирской епархии, особенно в соборе святого Александра Невского и в наших духовных учебных заведениях. Но оказалось, что это лишь приятное исключение. Духовная пассивность и безразличие — вот наша современная проблема”, — пишет в цитированной статье епископ Сергей.

Ныне часто создается впечатление, что те, кто должен трудиться в различных отделах и комиссиях Русской Церкви, не заинтересованы в плодах работы. Прошло два Миссионерских съезда, но с материалами их деятельности по сей день никто не знаком, даже те, кто на них присутствовал, так как работа шла по комиссиям. Подобным образом проходят практически все остальные съезды, многочисленные комиссии и семинары. Несмотря на принятие многочисленных решений и коммюнике, эти решения редко воплощаются в жизнь, большей частью становятся известными весьма немногочисленной группе лиц.

Но и сами решения иногда оторваны от жизни, носят, скорее, теоретический, отвлеченный характер. Как не назвать это Церковью застойного периода?!

* Мы не желаем ни в коей мере быть хулителями Церкви и уподобляться таким оппозиционным изданиям, как, например, душеновская “Русь Православная”. Рабу Божию Константину, который, по всей видимости, искрен-

Возможно, кому-то наши суждения могут показаться несколько резкими. Видит Бог, мы не хотим этого*. Мы решились честно и спокойно поразмышлять о некоторых недостатках современной церковной жизни и, может быть, подумать о некоторых путях их уврачевания.

Наша Церковь оказалась в таком положении, когда вопросы задаются ей не только прихожанами наших храмов, но в еще большей мере — людьми, находящимися вне ограды Церкви, которые либо ищут истину, либо находятся на пути к ней. Должно признать, что если считать членами Церкви только тех, кто живет церковной жизнью, регулярно по воскресеньям и праздничным дням посещает храм, участвует в Таинстве Причащения, то в нашем Отечестве не десятки миллионов православных христиан, а едва ли несколько десятков тысяч. Десятки миллионов — это потенциальные члены Церкви, которые, может быть, и хотели бы таковыми быть.

Множество насущных вопросов, касающихся как приходской жизни, так и взаимоотношений с внешним миром, каждый пастырь вынужден решать самостоятельно. Поскольку большинство священников рукоположены недавно и не имеют достаточного опыта, решения эти, к сожалению, не всегда бывают правильными, часто — лишь приблизительными.

Отсюда вытекает большая насущная проблема современной Православной миссии, т. е. поиска тех форм, через которые евангельская истина должна быть ныне донесена до вопрошающих. В этом много бы помогло изучение деятельного и духовно-

но считает, что борется за чистоту Православия, хочется напомнить слова великого русского православного мирянина А. С. Пушкина: “Правда без любви не есть правда”.

го наследия великих православных миссионеров XX века, таких, как например, св. равноап. Николай Японский, греческие миссионеры и проповедники. Между тем, мы не знаем даже их имен.

Ныне в Церкви идут разговоры о реформе духовных школ. На наш взгляд, реформа должна касаться не только образования, но и условий быта студентов. Сегодня жизнь в семинариях проходит по законам бурсы XIX века, тогда как окружающая жизнь изменилась кардинальным образом. В семинарию приходят современные молодые люди, далеко не все они воспитаны в потомственных семьях духовенства. Перестроиться на семинарскую обстановку им тяжело. Здесь мы не имеем в виду дисциплину: понятие о послушании и молитве для будущих пастырей должно быть незыблемым. Но что касается отношения к современной культуре, спорту, быту, контактам семинаристов с внешним миром — все это вполне безбоязненно можно переменить и приблизить к жизни их сверстников за стенами семинарии.

Ведь на дворе не XIX век, а XXI. Для чего же бурсацкие казармы? Студенты семинарии воспитываются не для того, чтобы говорить проповеди в сельских храмах для колхозных бабушек. Приняв священный сан, они должны будут пойти в вузы, конструкторские бюро, дома ученых и художников, выступать в СМИ перед широкой аудиторией. Пусть же сегодняшние семинаристы готовят себя к проповеди в современном цивилизованном обществе. Если не запирают их на замок в здании семинарии, а, наоборот, поощряют общение со сверстниками, например, учащимися вузов и других светских учебных заведений, они уже сейчас многое бы могли сделать. Не нужно бояться, что среди соблазнов молодые воспитанники духовных школ потеряют

веру — они сильно отличаются от поповских сынков XIX века. Большинство из них выстрадало свою веру и решительно сделало свой выбор между сытой жизнью после престижного вуза и полной трудностей и непонимания тернистой стезей современного пастыря.

Решением Архиерейского Собора 2000 года создан Синодальный отдел по работе с молодежью. Весной 2001 года прошел Съезд православной молодежи. Необходимость создания православного молодежного движения созрела уже давно. Но существует большая опасность, что при том строе жизни, который существует сегодня в Русской Православной Церкви, хорошая, нужная, перспективная идея опять превратится в формальность, некое “мероприятие для галочки”, и в результате мы получим некий аналог комсомольской организации с секретарями в рясах или без ряс, куда будут вступать исключительно из корыстных, материальных интересов.

В отношении молодежи это особенно опасно. Молодые люди особенно нетерпимо относятся ко всякой лжи и фальши. Молодости присущ максимализм. Даже небольшая ложь способна безвозвратно оттолкнуть от Церкви чистые юные души, ищущие Бога. Эти души, которые могли бы стать будущим Церкви и России, уйдут в секты, станут членами радикальных политических организаций, пополнят ряды наркоманов и пьяниц. И вина за это будет лежать на тех, кто не смог понять их высоких устремлений, кто стал им настойчиво навязывать свои взгляды, свою истину, свое видение жизни. Молодой человек крайне нетерпим к любым навязываниям, к идее истины в конечной инстанции. Пастырь должен помочь молодежи найти Истину, мудро и деликатно привести к Истине, явить Истину в самом себе праведной

жизнью, словом, произнесенным из опыта такой жизни. Ошибочно будет навязывать и заставлять.

Снова обратимся к истории. Преподавание закона Божия в дореволюционных гимназиях зачастую велось так, что делало юношей и девушек атеистами, а из духовных семинарий и Академий нередко выходили революционеры. Яркие примеры тому — Ленин и Сталин.

Приводить к Богу молодых людей, как, впрочем, и всех остальных, нужно и должно собственным примером. *Так да просветится свет ваш пред человеками, да видят ваши добрые дела и прославят Отца вашего, Который на небесах* (Мф. 5; 16). Только такой праведный пастырь, имеющий крепкую веру в Бога, живущий Христом и Церковью, способен повести за собой. Но для проповеди среди молодежи этого недостаточно. Необходимо понять молодых: их взгляды, привычки, обычаи, отличия от более старших поколений. Существенно необходимо понять, что сегодняшнее поколение молодых людей очень и очень во многом отличается от нас самих, когда мы были в их возрасте. Необходимо глубоко понять их культуру, в которой наиболее отражаются их духовные поиски, желания и стремления.

Большая ошибка отвергать эту культуру, перечеркивать и злословить, называть сатанизмом и деградацией. Молодое поколение выстрадало эту культуру и имеет на нее полное право. Культура молодых — порой единственная возможность сказать то, что они думают, сказать правду друг другу и окружающему миру. Их культура, как и они сами, не терпит никакой лжи и фальши. И необходимо понять, что, хотим мы того или нет, она существует и будет существовать и развиваться. Нужно увидеть положительные ее стороны, потому что она возник-

ла как протест против буздуховности, лжи, отсутствия высоких идеалов в материалистическом обществе. В конечном итоге — протест против безбожия старших поколений. В ней, может быть, как нигде, отразились поиски молодыми людьми Бога и свободы в Боге.

Любой проповедник, который начнет выступать против этой культуры, заранее обречен — его просто не станут слушать. Мудрый же пастырь сумеет воспользоваться языком молодежной культуры, станет *всем для всех*, как святой апостол Павел, который, увидев среди многочисленных капищ афинян храм Неведомому Богу, назвал их как бы *особенно набожным* народом (Деян. 17; 22); как святой равноапостольный Николай Японский, который не спешил называть японцев сатанистами-идолопоклонниками, а нашел в их национальной культуре и религии светлые стороны, чем обратил сердца японцев к Православию.

Возникает вопрос: где мы возьмем сегодня таких рассудительных проповедников? Таких самоотверженных пастырей? Молодые двадцатилетние священники вряд ли сумеют быть авторитетом для молодежи. Им элементарно не хватит пастырского опыта, который приходит только с годами. Но и пожилым, убеленным сединами пастырям поверят только тогда, когда они смогут говорить с молодежью на языке ее понятий, когда своим корректным поведением смогут сгладить разницу в возрасте, не будут требовать себе лидерства, как должного, подчеркивая свой сан, возраст, свое положение; лидерство же заслужат самоотверженным служением ближним, став ради Христа, для спасения ближних *меньшими и рабами* (Мф. 20; 27, 23; 11).

Будем молить *Господина жатвы*, чтобы вы-

слаал делателей на жатву Свою (Лк. 10; 2), ибо многочисленная жатва сегодня особо нуждается в них. Дай Бог, чтобы такие делатели все же нашлись, чтобы хорошее богоугодное дело не превратилось в очередную бесполезную формальность из-за равнодушия тех, кому это дело будет поручено Богом.

Церковь, как Богочеловеческий организм, свободна в Боге. Она не подвластна времени и человеческому произволу. Вместе с тем, как земное образование, она находится в зависимости от человек — как внешних, так и ее членов, особенно облеченных церковной властью. Сохраняя непоколебимую верность *даже до крови* догматам и канонам, избегая всевозможного обновленчества, бережно соблюдая Священное Предание, ревнуя об исполнении заповедей Божиих, чада Церкви должны сделать все от них зависящее для сохранения духовной свободы. Прежде всего — свободы верить и жить по вере.

Свобода в Церкви не есть произвол в догматическом и нравственном отношении, как это понимается протестантами. Она никоим образом не есть бунт против церковной Богом поставленной иерархии*. Истинная свобода обретается только на пути последовательного делания евангельских заповедей. *Познаете Истину, и Истина сделает вас свободными* (Ин. 8; 32).

Свобода в Церкви — это прежде всего свобода от страстей. Человек, стяжавший такую свободу, постепенно освобождаясь от зла в себе, получает и свободу внешнюю, в т. ч. возможность выбирать среди

* Согласно Церковным канонам, “кто досадит иерею, да будет отлучен”. Сколь же большего порицания заслуживает досаждающий архиерею?

разнообразия форм духовной жизни в соответствии со своей верой и согласно воле Божией. Свободу добровольно выбирать добро. Так, чтобы его свобода не была претканием для других (1 Кор. 8; 9).

Только такой свободный о Христе человек получает возможность жить полноценной духовной жизнью. Только такой человек способен что-либо построить или возродить, и только такой человек способен по-настоящему проповедовать Евангелие словом и жизнью.

Цензоры “в футлярах”

*О книге “Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского”**

Эта книга, которая волею человека почти полтора века пролежала под спудом. Но не в силах человека что-либо делать без участия воли Божией. Потому ныне, во время благоприятное (2 Кор. 6; 2), непостижимыми судьбами Господними доселе сокровенная книга является на свет.

Книга содержит полный текст рукописи жития святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского, составленного его близкими учениками. Оказывается, жизнеописание святителя в I томе его творений было издано в настолько сокращенном и отредактированном цензурой виде, что настоящее издание — книга совершенно другая. Ныне волей Божией мы получили возможность, прочитав полностью это глубоко назидательное повествование, от-

* М. 2002

крыть для себя многие ранее неизвестные черты жизни и духовного облика святителя Игнатия.

Человеческая цензура на основании лжеименного разума сократила все то, что не могла вместить. Это хорошо становится видно при сравнении того, что было в житии изначально, и что осталось. Были сокращены даже некоторые эпизоды детских лет святителя, не говоря уже о непростых моментах его взаимоотношений с оптинскими старцами и некоторыми известными иерархами, например, святителем Московским Филаретом (Дроздовым). Деятельность же епископа Игнатия на Кавказской кафедре, видимо, настолько не вмещалась в понятия цензоров, что эти назидательнейшие в духовном и историческом отношении главы были выброшены целиком.

Личность свт. Игнатия оказалась столь неординарной, что никак не могла вписаться в современную ему эпоху. Проще оказалось сократить все самое яркое в его характере, вычеркнуть из жизнеописания все то, что не соответствовало понятиям “человеков в футлярах”, заботившихся о том, “как бы чего не вышло” (А. П. Чехов). Таким образом, изданное житие оказалось сокращенным по сравнению с рукописью почти в десять раз! На бумаге остался выхолощенный, лубочный образ святителя. Но даже там, где осталось лишь “дозволенное цензурой”, образ святителя удивляет, поражает, покоряет всякого, соприкоснувшегося с ним, как покоряет и само его слово.

Святитель Игнатий не был воспитан в семинарской бурсе в духе мертвящей схоластики, как он сам говорит о себе: “Об епархии думать мне невозможно по отдельному совершенно характеру от всех

* Странствие ко вратам вечности. М. 2001

архиереев. Они — воспитанники Академий, а я — воспитанник монастыря, следовательно, персона, решительно отсталая, нисколько не подходящая к целому составу”*. Слово святителя — его живой опыт. Это крестное слово реет, как победоносное знамя над полем битвы со страстями, собирая под своей живоносной сенью сонмы ищущих спасения. Это живое слово *острее меча обоюдоострого, проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4; 12). Его не вмещают, не могут вместить сыны века сего.

XIX век особенно отличался попытками уничтожить всякое живое слово, неважно, было ли это слово интеллигента, или слово монаха. Тщательно цензурировались, вымарывались, подчищались даже тексты Святых Отцов Православной Церкви, которые писались много веков назад. Везде придирчиво выискивалась крамола. Из переписки свт. Игнатия с Оптинскими старцами* известно, сколько трудов нужно было положить, чтобы какой-либо перевод святоотеческой книги или житие подвижника благочестия увидели свет, хотя бы и в сильно отцензурированном и сокращенном виде. Годами рукопись передавалась от инстанции к инстанции, от одного бюрократа к другому. Везде боялись взять на себя ответственность за публикацию. Рукописи пылились годами, многое пропало безвозвратно.

Святитель Игнатий пишет о книге писем Георгия, Затворника Задонского, которую предполагалось представить в Конференцию Академии на получение Демидовской премии: “Если же Вам угодно знать мое мнение о том, может ли книга писем святого Затворника получить премию, то Вам говорю

* Собрание писем свт. Игнатия. М.— СПб., 1995. С. 737.

мое мнение: не может, имея значительное достоинство духовное и не имея плотского, ибо письма произнесены благодатию, не имея благоустройства человеческого слова. Слово же благодатное не может быть познано плотским человеком, который зрит только на внешность слова, и если сие внешнее слово не имеет внешнего устройства, то он всему смеется, ибо это для него безумие (см. I Кор. 2; 14)”*.

Многие книги были изданы только благодаря вмешательству самого святителя Игнатия и других просвещенных иерархов, которые понимали значение святоотеческого слова. В богословском отношении Синодальный период – самый бесплодный, потерянный для русской духовной литературы. За немногими счастливыми исключениями (свт. Тихон Задонский, свт. Димитрий Ростовский, свт. Феофан Затворник, свт. Иннокентий Пензенский и немногие другие Святые Отцы), если что и издавалось, то вопреки цензуре, с невероятными трудностями. Творения самого свт. Игнатия были запрещены к изданию**.

Характерный пример представляет история издания книг о московском праведнике и чудотворце прот. Валентине Амфитеатрове, предпринятого духовной дочерью пастыря, ныне прославленной в лике Новомучеников Российских мц. Анной (Зерцаловой). Рукопись мц. Анны была просмотрена и одобрена Владыкой Трифоном (Туркестановым), затем (поскольку Владыка Трифон не являлся цензором) была отправлена в Цензурный комитет. После ряда проволочек цензоры ответили: “Мы все читали Вашу рукопись, порешили, что отдавать ее в Синод

* Странствие ко вратам вечности. М. 2001. С. 171.

** См. об этом с. 43 настоящего издания.

для утверждения нельзя, так как вы описываете такие великие чудеса, которые мог совершать только преподобный отец Серафим, а не обыкновенный священник, а потому разрешить Вашу рукопись для печати мы не можем”. Узнав об этом, Владыка Трифон сказал: “Вот странно, пустые книжонки они живо разрешают, а вот дельную, нужную рукопись они не могут разрешить”*. Примечательна причина, которую указывают цензоры, и особенно — в свете готовящейся ныне канонизации прот. Валентина Амфитеатрова.

Между тем свободно, без всяких препятствий издавалась масса макулатуры — подобострастных слов на Царские дни и т. п. различных митрополитов, епископов, протоиереев. Совершенно бесцветные, бессодержательные сборники проповедей рекомендовались Синодом для чтения за богослужением. Не говоря уже о многократных переизданиях Кемпийских, Ассизских и Ренанов. А порой в церковную периодическую печать просачивались чуть ли не оккультные статьи про медиумические сеансы.

В это время еще можно было бы спасти бесценные творения русских книжников, хранившиеся в монастырских библиотеках; нарождавшаяся русская филологическая наука могла бы изучить и издать драгоценные рукописи, но цензура связывала руки. Видимо, одной из причин была боязнь случайно издать что-либо, могущее послужить на руку старообрядцам.

В статье о посещении Валаамского монастыря, рассказывая о книге священноинока Дорофея

* Мученица Анна (Зерцалова). Мои дневники. Рукопись.

** Творения свт. Игнатия. М. 1996. Т. I. С. 445.

“Цветник”, святитель Игнатий замечает, что, как указывает опыт, при поверхностном взгляде рукописи могут счесть старообрядческой по причине старинной орфографии** Поэтому русские ученые ограничивались “описаниями рукописей”, в результате чего сами рукописи погибли от сырости и пожаров. Дело довершили большевики. По этим причинам мы практически не имеем русской духовной литературы до XVII века, то есть именно того времени, когда русская святость особенно процветала. “Человеки в футлярах” одержали еще одну блистательную “победу”.

С тех пор минуло много лет. Тяжкие очистительные бури пронесли над нашим Отечеством. Ныне мы живем совсем в другой стране. Но, как писал свт. Игнатий, “будущее России — в руках Божественного Промысла. России предназначено огромное значение”*. Сегодняшняя Россия отличается очень во многом, почти во всем, от России времен свт. Игнатия. Многие ушло безвозвратно. Многие, но не все. Не надо предаваться печали о той “России, которую мы потеряли”. В огненных испытаниях приобретено большее. Прежде всего, сонмы Новомучеников и Исповедников Российских — тысячи тысяч новых святых молитвенников за Русь. За ними придут другие. Возможно, среди них будут те, кто сегодня самоотверженно возрождает святые храмы, восстанавливает обители. Прежняя Святая Русь, сегодняшняя и будущая Россия скованы как звенья единой неразрывной золотой цепи сонмами русских святых. Нас и наших предков единят, прежде всего, духовные идеалы. И пока это будут идеа-

* Свт. Игнатий (Брянчанинов). Будущее России в руках Божественного Промысла. М. 1998. С. 29, 54.

лы Евангелия и Православия, мы останемся тем же Русским народом, не столько теряющим в испытаниях и оскудевающим, сколько приобретающим и обогащающимся.

Одно из прекраснейших звеньев этой золотой цепи русской святости — святитель Игнатий Ставропольский. Этот святой — величайший дар Божий России и Русской Церкви, в особенности же — российскому монашеству. Он не был понят и по достоинству оценен современниками. Время же, этот лучший судья, показало величие святителя, его мудрость, прозорливость, дар глубочайшего пророчества, простиравшегося вперед на многие века. Значение личности и письменных творений свт. Игнатия раскрывается не сразу, постепенно понимается его потомками. Вероятно, и ныне святитель еще не раскрыт и не понят до конца.

Некогда один из современников свт. Василия Великого сказал: “Если где-то встретишь изречение святого Василия и тебе будет негде его записать, запиши на своей одежде”. С полным правом то же можно сказать о свт. Игнатии. Не будет никакого преувеличения, если мы назовем его Василием Великим нашего времени. Святитель — личность эпохальная. За весь Синодальный период истории нашей Церкви и после него не было ни одного святого, который оказал бы такое влияние на судьбы монашества, Церкви, Православия, а значит и России в целом, т. к. Россия — это прежде всего ее Церковь.

Книги святителя Игнатия — это не только духовные, аскетические писания. Святитель — величайший художник слова, соединивший в себе лучшие черты великой русской литературы, блестящее светское образование и святость жизни, доставившую ему обширнейшие духовные познания. Его сло-

ву присуща тонкая высокая поэзия. Одновременно он аскет, художник и философ. Придет время, и в возродившейся России книги святителя Игнатия займут достойное место в лучших библиотеках страны, будут изучаться в учебных заведениях наряду с произведениями великих русских классиков.

В неизвестной доселе рукописи полного жизнеописания святителя Игнатия, составленного ближайшими его учениками и сподвижниками, раскрываются сокровенные черты личности великого святителя, становятся явными прежде неизвестные факты его жизни.

Надеемся, что святитель сделается ближе для его многочисленных почитателей, а для тех, кто знает его поверхностно или совсем не знает, благодаря

I

Любой из нас, конечно, хочет быть хорошим христианином, но не всегда это получается, и главным образом по слабости нашего произволения. Итак, надо потихонечку изменять себя, понемногу стараться исполнять евангельские заповеди. Смертные грехи должны быть оставлены сразу, но потом на путь добродетелей нужно становиться постепенно, с большим рассуждением. Здесь самую большую помощь нам может оказать духовник, духовный руководитель. «Одна голова хорошо, а две лучше, как говорит русская пословица; а Евангелие говорит: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* Мф (18, 20). Духовник сможет определить для нас начальные правила духовной жизни, он удержит нас от ошибок, обличит нас. Поскольку обычно духовнику доверяют, любят его, уважают, то его слову верят, и он, наверное, единственный человек, который может удержать нас от каких-то крайностей.

*Из бесед с иеромонахом Сергием (Рыбко)
на радио «Радонеж»*

этой книге произойдет первая встреча со святым, и читателю откроется богатый, неведомый доселе мир его творений. В любом случае, книга никого не оставит равнодушным.

* М. 1996.

Иноки — свет миру

Сокровенная мудрость

О книге “Отец современного иночества”*

“Говорящий слово Божие и слушающий слово Божие пользуются вместе, а приносит пользу — Бог. Он соединяет здесь, на земле, в юдоли скорбей и плача, человек в единомыслие Своим всесвятым, всесильным словом. Он вселяет единомысленных по окончании земного странствования в дом вечный, где духовный праздник никогда не умолкает. Он да дарует нам здесь благоугодное Ему единомыслие и единомушие, как залог; а там, на небе, в вечности да дарует неизреченное блаженство, как исполнение залога”, — писал святитель Игнатий, епископ Ставропольский и Кавказский.

Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1988 года святитель Игнатий был причислен к лику святых. Суд Божий прославил пред людьми того, кто был так гоним и поносим людьми при жизни. Говорят, что “святой рождается после своей смерти, а прославляется после смерти своих современников”*. Творения святителя — это бесценное приношение современному монашеству. Каждая строчка их написана тростью Креста и чернилами сердца.

Величайшая заслуга свт. Игнатия в том, что он разъяснил творения древних Святых Отцов-аскетов применительно к нашему времени. Сам святитель так писал в Предисловии к пятому тому своих

* Духовный собеседник. Самара. 1995. Ч. I. С. 33.

** Творения свт. Игнатия. Т. V. М. 1998. С. V.

сочинений: “Здесь указаны изменения не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние; здесь указано, каким образом должно пользоваться писаниями древних и применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которое поставляется всякий не понявший и не приметивший необходимости применения”.**

Книги свт. Игнатия являются азбукой для любого человека, желающего вступить на путь борьбы со страстями. “Некоторые считали, что творения епископа Игнатия заменяют “Добротолюбие”,— пишет игумен Марк (Лозинский).— Но более правильный взгляд был высказан покойным профессором МДА прот. Петром Гнедичем, большим почитателем еп. Игнатия, который считал, что творения святителя вводят, облегчают современным читателям понимание “Добротолюбия” и других аскетических творений Святых Отцов. Другими словами, для правильного понимания творений Святых Отцов нужно первоначально прочесть сочинения епископа Игнатия”.

Архиепископ Костромской Платон с благодарностью писал еп. Игнатию, что слышит в его сочинениях “звуки святоотеческой гармонии” и наслаждается “духом древних Отцов”.

Творения святителя — богодухновенное переложение учения Святых Отцов древности для лишенных правильных духовных понятий сынов нашего века. Одна из причин этого лишения — оскудение духоносных Отцов. Это оскудение могло бы быть отчасти восполнено писаниями святых людей, но эти писания в основном понимаются неправильно, приблизительно, искаженно, превратно. Они сокровенны в своей глубине, таинственны, покрыты сенью,

подобной облаку, которым покрыл Господь скрижали Завета от народа Израильского на горе Синайской. Причина непонимания — наше падение, душевный, лжеименный разум: *Духовный* *разум*еет все, *духовного же никто не разум*еет (1 Кор. 2; 15). Книги свт. Игнатия приводят нас на путь правильного понимания святоотеческих писаний. И в то время, когда духоносных путеводителей нет или они крайне редки, мы дерзнем сказать, что книги святого Игнатия для многих становятся единственным путеводителем.

Святитель Игнатий с болью пишет об угасании того, что должно бы являться цветом христианства, светильником миру,— православного монашества. С его угасанием связывает святой и упадок всего христианства в целом. Он раскрывает причины угасания монашества, нелицеприятно обличает недостатки монастырей и монашествующих своего времени. Цель обличения — уврачевать, исправить недостатки. Единственно верный путь к исправлению — покаяние в отступлении, возвращение к заповедям Святых Учителей христианства.

Значение писаний свт. Игнатия для нашего времени раскрыто в замечательном видении, бывшем одной рабе Божией — ныне инокине. Вот ее рассказ:

“Уже в пожилом возрасте я пришла к вере, стала ходить в храм. Однажды мне попалась книжечка «Беседа преп. Серафима с Мотовиловым о цели христианской жизни». Там говорилось, что нужно подвизаться в совершении тех добродетелей, которые приносят благодать Святого Духа: если более благодати Божией дает молитва и бдение, то нужно бдеть и молиться, если много дает Духа Божия пост, надо поститься, если милостыня — тво-

рить милостыню. Я задумалась о том, какое мое дело, что нужно делать, чтобы спастись. Стала молиться, чтобы Господь вразумил. Явилась мысль, что нужно читать книги, написанные святыми людьми.

Тогда я снова стала молиться, чтобы Господь открыл, какие именно книги нужно читать. Незадолго до этого одна из знакомых дала мне почитать книгу писем святителя Игнатия (Брянчанинова). В ответ на молитвы появилось желание читать именно эту книгу. Я открыла ее и читала всю ночь: настолько оказалось близко душе все, что было там написано. Эта ночь была накануне воскресного дня, и, собираясь пойти на раннюю Литургию, в 5 часов утра я решила немного отдохнуть. Чтобы не проспать, не легла, а задремала в кресле. И тут, не знаю, во сне или наяву, я увидела следующее:

Большая старинная толстая книга в кожаном переплете с застежками раскрылась передо мной. На чистых, глянцевої белизны листах книги появились чудной красоты драгоценности: золотые кольца, серьги с драгоценными камнями. Особенно привлекло мое внимание ажурной работы золотое яичко: внутри него было другое яичко, еще более чудное. Все эти драгоценности были удивительно сделаны, и я подумала, что никакая человеческая рука не могла их создать.

Затем я задумалась о смысле увиденного и стала постепенно догадываться, что эта книга с драгоценностями изображает собой творения святителя Игнатия. Тогда я спросила: «Господи, таковы творения епископа Игнатия?» И тут же как бы услыша-

* Записано в Оптиной пустыни в 1991 г.

ла в сердце ответ: «Да, таковы его книги, читай — и спасешься».

После этого я нашла возможность достать все его книги, прочитать их, была на Толге для поклонения его святым мощам, постепенно созрело желание монашеской жизни, я приняла иночество. Чувствую водительство свт. Игнатия во всей моей жизни”*

В одном из своих писем свт. Игнатий говорил, что все читающие его творения входят как бы в духовное общение между собой и становятся единой семьей. Пускай эта книга явится даром тем, кому дорога память святителя Игнатия, так много трудившегося в проповеди евангельской любви к ближнему.

Г

* М.
1998.

** Прославлен в лике Новомучеников и Исповедников Российских в 2000 г.

*** Впоследствии издана под названием “Старчество в

Преподобномученик
Игнатий (Лебедев)
и созданная им тайная
монашеская община

*О книге “Монашество последних времен”**

В 1996 г. вышла книга, повествующая о жизни ученика старцев Свято-Смоленской Зосимовой пустыни, старца и исповедника Православия, погибшего в 1938 году в концлагере, схиархимандрита Игнатия (Лебедева)** и о его духовных чадах. Жизнеописание прмч. Игнатия было составлено его духовной дочерью, монахиней Игнатией (Петровской). Много из того, что матушка рассказывала об о. Игнатии в своих беседах, по тем или иным причинам не вошло в ее книгу, написанную в сороковые годы***, и, чтобы ничего не было забыто, мы дополнили жизнеописание этими устными рассказами.

Общение с монахиней Игнатией явилось для нас великой милостью Божией. Мы узнали о ней случайно: в одной из православных телепрограмм она рассказывала о своем духовном отце. Живой рассказ матушки нас глубоко тронул. Кроме того, выяснилось, что она пишет службы святым. Матушкой написано тринадцать служб, в том числе — служба свт. Игнатию Ставропольскому. Так как в нашем храме очень почитают этого святого, мы стали искать мать Игнатию, чтобы иметь возможность использовать составленный ею текст при богослужении. Было у нас и желание подробнее узнать о схиархимандрите Игнатии. С Божией помощью нам удалось познакомиться с матушкой.

Несмотря на свои 95 лет, монахиня Игнатия сохраняет живой ум и прекрасную память. Она пришла к батюшке в 1924 году еще совсем молодой и до самой кончины о. Игнатия была одной из его ближайших, преданных учениц. Всю свою жизнь бережно храня заветы дорогого батюшки, мать Игнатия донесла до нас его духовный облик, его заповеди и наставления и явилась связующим звеном между старчеством Зосимовой пустыни и христианами конца XX века. Общаясь с ней, видишь и чувствуешь, каким было монашество прежней, Православной России, не тронутой золоторным духом безбожия.

Матушка принадлежала к тайной монашеской общинке, созданной о. Игнатием по благословению архиеп. Варфоломея (Ремова, †1935). За послушание своему старцу она окончила Московский университет и, уже будучи тайно пострижена о. Игнатием в рясофор, вела большую научную работу. Постриг в мантию она приняла уже в 1938 году, после кончины батюшки. По завету о. Игнатия воспринимая свою работу в медицине как монашеское послушание, как служение ближним, матушка проработала шестьдесят лет в одном из крупных научных медицинских учреждений. Она неоднократно была на международных конференциях и симпозиумах, изучила несколько европейских языков. Мать Игнатия имеет степень доктора наук, является автором нескольких книг, двухсот пятидесяти статей. Ее богословские работы и воспоминания публиковались в Журнале Московской Патриархии, в журналах “Троицкое слово”, “Альфа и Омега”.

Всю эту обширную внешнюю деятельность мать Игнатия сочетает с подлинным монашеским деланием. Исполнение своего келейного правила, частое, по возможности ежедневное посещение хра-

ма — так воспитывал ее о. Игнатий. “Батюшка прежде всего научил нас любви к православному богослужению, погрузил нас в радость церковной службы,— говорит сама матушка.— Я читаю службу ежедневно, и, если не прочитаю, то день как бы без души. Поэтому я стала великим поклонником святых песнотворцев”. Отец Игнатий привил ей и любовь к чтению святоотеческих писаний, особенно творений святителя Игнатия (Брянчанинова), которого мать Игнатия глубоко почитает.

Монахиня Игнатия — известный человек в медицинском мире, но очень немногие близкие ей люди посвящены в тайну ее внутренней сокровенной жизни. Тем не менее, к ней тянутся сердца людей верующих и неверующих, образованных и простых. Многие из ее коллег, видя ее христианскую отзывчивость и искреннюю заботу о людях — качества, ставшие, к сожалению, редкими в современном мире,— обратились к Богу. Кое-кто признался, что много лет по заданию “органов” наблюдал за ней, и со слезами просил прощения. Матушка всегда старалась иметь со всеми простые, душевные отношения, и сотрудники относились к ней с симпатией, что, скорее всего, и спасло ее от ареста.

За свою долгую жизнь мать Игнатия была знакома и общалась со многими духовными людьми. Она хорошо помнит служение в храме Трех святителей у Красных Ворот св. Патриарха-Исповедника Тихона, видела она его и у нас, на Лазаревском кладбище, на погребении прот. Алексия Мечева. Матушка была знакома с митр. Трифоном (Туркестановым).

Мать Игнатия — человек совсем иной эпохи, во многом уже непонятной нам “Руси уходящей”. О времени том можно сказать словами русского клас-

сика XX века Ивана Бунина: “Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили, которую мы не ценили, не понимали,— всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...”

Матушка — живой носитель духа эпохи мучеников и исповедников. Когда она говорит о том времени, о тех, кого она знала, о близких людях, большинство из которых прошли ссылки и лагеря, возникает удивительное чувство: эти люди как бы присутствуют рядом, как бы говорят ее устами нашему поколению, заставляют хранить Святое Православие, ради которого они страдали и умирали, как великое сокровище, как смысл бытия.

Общение с матушкой всякий раз оставляет в душе теплое чувство. С какой любовью она относится к своему духовному отцу! С какой радостью, как драгоценность, показывает она принадлежавшие батюшке вещи, святыни, иконы, перед которыми батюшка молился. Матушка всегда готова рассказывать о старце, несмотря на свой преклонный возраст и угасающие силы. Она живет памятью о нем. Передав нам свою рукопись для издания, матушка сказала: “Теперь я могу спокойно умереть”.

Мать Игнатия — типичный представитель монашества XX века, того монашества, которое служило Богу не в стенах монастырей. Монашескими кельями были комнаты в коммунальных квартирах, а братия собиралась для совместной молитвы и общения в немногих, чудом уцелевших приходских храмах.

Еще святитель Игнатий (Брянчанинов) предсказал появление такого монашества, назвав его представителей “монахами во фраках”. Эти иноки не имели ничего из того, что связывается с традицион-

ными представлениями о монастырях: ни тихого монастырского уединения, ни стен, ни келий, ни, порой, иноческих одежд, ни уставных богослужений, ни игуменов — они постоянно находились среди соблазнов мира, вынужденно несли послушание на светской работе. Тем не менее, несмотря на враждебную обстановку и постоянные преследования, они благовествовали о Христе. Главная их заслуга заключается в том, что они сохранили и передали нам идеал иночества, доказали, что “монашество было, есть и будет во веки веков, пока жив на земле человек-христианин” (свт. Феофан Затворник).

Рассматривая жизнь Церкви XX века, убеждаешься в том, что монашеская жизнь может принимать самые разнообразные формы; собственно, в годы гонений не может быть иначе. Вечны и неизблемы догматы христианства, неизменны заповеди его, внешние же формы жизни могут быть различны. История христианства еще не дописана, Церкви еще предстоит явить миру множество святых: апостолов, святителей, мучеников, преподобных. Впереди годы торжества и гонений, процветания и упадка. Мы живем в удивительное время, когда после застоя Синодального периода, вылившегося в семидесятилетие коммунистических преследований, возрождается Православная Церковь в России, возрождается и сама Россия.

Недавно в архиве Государственного исторического музея была найдена никогда не издававшаяся переписка святителя Игнатия (Брянчанинова) с его духовным другом Н. Н. Муравьевым-Карским, крупным государственным деятелем, русским патриотом, глубоко верующим православным христиани-

* Ныне издана под названием: Будущее России в руках Божественного Промысла. М. 1998.

ном, несколько лет служившим Главнокомандующим и Наместником на Кавказе*. Одно из этих писем содержит замечательное пророчество о России. 14 мая 1863 года святитель Игнатий пишет:

“Ныне или после, но России необходимо со- считаться с Европою. Усилия человеческие судеб Божиих уничтожить и изменить не могут. России пред- назначено огромное значение. Она будет преобла- дать над вселенной. Она достигнет этого, когда на- родонаселение ее будет соответствовать пространст- ву. Это народонаселение ежегодно приращается больше, нежели на миллион; Россия должна вступи- ть в грядущее столетие при народонаселении в 100 миллионов. Нападение завистливых врагов за- ставит ее развить силы и понять свое положение, ко- торое уже будет постоянно возбуждать зависть и козни. Это потребует огромного труда, подвига, самоотвержения; но что делать, когда приводит к ним рука непостижимой Судьбы! Единственное средство к исправлению упавших сил, нравственной и духов- ной,— положение, требующее труда, приводящее к самоотвержению.

В 38-й и 39-й главах пророка Иезекииля описа- ны могущество, многочисленность северного наро- да, названного Россом; этот народ должен достичь огромного вещественного развития пред концом ми- ра и заключить концом своим историю странствовани- я на земле человеческого рода. На упомянутые главы Иезекииля делается ссылка в 20-й главе Апо- калипсиса. Многочисленность войска, которое будет в Государстве, уподоблена песку морскому. Святой Андрей Критский, церковный писатель VII века, объясняя 20-ю главу Апокалипсиса и находя проро- чество ее тождественным с пророчествам Иезекии- ля, говорит: “Есть на севере народ, скрываемый от

прочих народов рукою Божией, народ, самый многочисленный и воинственный. Пред концом мира он внезапно откроется и преодолет все народы”.

Точно! Европа узнала Россию после Америки, почти только со времен Петра I. Петр I пожаловал в Париж гостем в 1714 году, а в 1814 пожаловала туда русская армия. Какая быстрота событий! Нынче, навстречу грозящимся на нас врагам, можно сказать словами второго псалма: *Зачем волнуются народы и племена замышляют тщетное* (Пс. 2; 1). Враги разбудят, потрясут Россию, произведут в ней невольное развитие силы, но не унижат России: они возвысят ее, таково ее предопределение”.

Стоит обратить внимание на ту строчку в письме, где святитель говорит о том, что народонаселение России должно соответствовать ее пространству. Не следует ли отсюда, что русские еще должны заселить бескрайние просторы Севера и Сибири так же, как сейчас заселена Европейская часть?

Возрождение Церкви тесно связано с возрождением монашеской жизни: возрождение монашества предшествует возрождению Церкви. Каждый православный человек хорошо понимает, что возрождение состоит не только и не столько в восстановлении монастырских стен и храмов, умножении количества насельников и возобновлении исторических традиций. Все это хорошо, но будет *медью звенящей и кимвалом звучащим* (1 Кор. 13; 1), если при этом не будет воскрешен дух монашества и не будет достигнута цель, ради которой существуют иноческие обители: тщательное изучение и наиболее точное и полное исполнение евангельских заповедей* их

* См. Творения свт. Игнатия. Т. V. Приношение современному монашеству. Гл. III, XIV.

насельниками, достижение духовного совершенства лучшими из них.

Монашество должно быть основано на свято-отеческих традициях и на всем том лучшем, что было явлено в Церкви за последнее столетие. Чтобы обогатить свои представления о монашеском делании, необходимо изучать жизнеописания и творения близких нам по времени подвижников благочестия, не только Русской Церкви, но и других поместных Православных Церквей.

Книга “Монашество последних времен” изображает схиархимандрита Игнатия не только как исповедника Православия, но и как последователя и продолжателя традиции Зосимовского старчества. Книга содержит аскетические наставления батюшки, раскрывает методы воспитания и приемы духовного руководства, унаследованные им от схиархимандрита Гавриила (Зырянова) и зосимовских старцев, повествует о внутренней жизни созданной о. Игнатием женской общины.

Опыт жизни этой общины заслуживает особого внимания. По всей видимости, она не была единственной: такие общины, мужские и женские, существовали в годы гонений по всей России. К сожалению, сведений о них мало, а те, что сохранились, нужно искать в архивах НКВД-КГБ. Там достаточно “расстрельных дел” по обвинению в создании тайных монастырей. Но и в этих делах содержатся большей частью внешние факты: конечно же, следователей не интересовали вопросы духовного устройства и внутренней аскетической жизни этих

* Исключением пока является книга писем игумена Никона (Воробьева) “Нам оставлено покаяние”. М. 1997.

** Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 317.

обитателей. В то время, когда обнаружение при обыске Св. Писания или других религиозных книг являлось достаточным поводом для ареста, духовных дневников и записей не принято было оставлять. Даже короткие письма уничтожали сразу же после прочтения, чтобы не пострадали люди, их написавшие.

По этим причинам почти не существует книг, которые подробным образом освещали бы аскетическую жизнь и воззрения русских подвижников XX века*. По попущению Божию мы бедны такими книгами, тогда как в православной Греции, например, они не редкость.

Особый недостаток ощущается в книгах о женском монашестве. Хотя во Христе нет *ни мужского пола, ни женского* (Гал. 3; 28) и духовные законы одинаковы для тех и других, но женщина имеет более слабое телесное сложение, да и душевное устройство ее иное, чем мужчины: “Женщина руководится чувствами падшего естества, а не благоразумием и духовным разумом, ей вполне чуждыми. У нее разум — служебное орудие чувств”**. Поэтому некоторые страсти и грехи присущи женщинам в большей мере, чем мужчинам. Женское монашество всегда было значительно более многочисленным, но духовного совершенства и святости, тем не менее, в основном достигали мужчины. К женскому монашеству нужно иметь иной подход, и в руководстве женскими обителями, имеющими иное устройство, чем мужские, не всегда пригодны правила, уставы и принципы, которыми руководствуются мужские монастыри. Преподобный Серафим Саровский признал устав Саровской пустыни непригодным — слишком суровым и неисполнимым — для Дивеевской женской общины и дал сестрам другой устав.

Не принято женщине в Церкви заниматься учительством, поэтому практически не существует аскетической литературы, написанной женщинами, а замечательных духовников женских обителей было немного, и они почти не оставили книг. Вообще, вопрос о женском монашестве далеко не изучен: к сожалению, о женских монастырях III–IV веков почти не сохранилось сведений, а в последующие времена можно найти немного женских обителей, которые можно было бы признать образцовыми. Поэтому очень ценны те, увы, неполные сведения, которые содержит книга “Монашество последних времен”: благодаря им, мы имеем замечательный образец духовной жизни женской иноческой общины XX века, общины, существовавшей в условиях гонений.

К сожалению, не редко в жизнеописаниях современных подвижников встречаются фантастические эпизоды; люди, по рассказам которых составляются эти жизнеописания, не всегда заслуживают доверия. Книга воспоминаний об о. Игнатии ценна и тем, что она написана непосредственной участницей событий, близко знавшей о. Игнатия, при том — монахиней.

Монашествующие знают и понимают духовную жизнь более глубоко, чем миряне; многие явления духовной, аскетической жизни не могут быть мирянами до конца поняты, а большей частью просто не замечаются ими. Взгляд мирского человека на духовную жизнь, к сожалению, обычно бывает поверхностным. Аскетические же воззрения монашествующих, почерпнутые из святоотеческих писаний, более здравы, чем у мирских людей, лишены

* Монахиня Игнатия. Старчество в годы гонений. М. 2001. С. 9.

восторженности. Поэтому большим доверием вполне справедливо пользуются воспоминания и наставления монашествующих и книги, ими написанные.

Жизнеописание схиархимандрита Игнатия знакомит нас с замечательным подвижником XX века, раскрывает его, несомненно, безупречный духовный настрой. Мы надеемся, что в обстановке лжедуховности и повсеместного младостарчества о. Игнатий послужит примером наставника, образ духовного руководства которого был для нашего времени вполне правилен и принес благие плоды. Вместе с тем, пусть эта книга будет данью памяти приснопоминаемому схиархим. Игнатию, а также всем братьям Зосимовой пустыни и Высоко-Петровского монастыря, сохранившим свечу Православия в тяжкие годы гонений и создавшим целую духовную традицию, до сих пор почти не изученную.

Р. С. К сожалению, мон. Игнатия не разрешает нашему издательству переиздать книгу “Монашество последних времен”. Она считает, что “текст был ужат, переписан, дополнен чуждыми фрагментами”*. На самом деле, мы лишь дополнили книгу устными рассказами самой м. Игнатии. Просим извинения у матушки. Сожалеем, что некоторые, на наш взгляд, важные факты из жизни примч. Игнатия (Лебедева), которые не отражены в книге “Старчество в годы гонений”, будут со временем забыты.

Тем не менее, составителям книги “Монашество последних времен” недавно позвонила православная женщина, чтобы выразить свою глубокую благо-

* Доклад на Глинских чтениях в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя 31 января 2002 года.

дарность за издание этой книги. Женщина сказала, что именно эта книга “перевернула” ее жизнь.

Глинский летописец*

О схиархимандрите Иоанне (Маслове)

Нелегкая задача — говорить о человеке, которого не знал лично. Но *праведники во веки живут* (Прем. 5; 15), а значит, принимают самое деятельное участие и в нашей жизни. Не зная лично схиархимандрита Иоанна (Маслова), не имею права говорить о его пастырских дарованиях. Это должны сделать те, кто по милости Божией имел с ним общение и знал его как духовника. Не смогу говорить о нем как о богослове, так как недостаточно изучал его творения. Они достойны пристального изучения, потому что схиархимандрит Иоанн — богослов в самом высшем понимании этого слова. Ибо как говорит прп. Симеон, “кто правильно молится, тот истинный богослов, и богослов только тот, кто правильно молится”. Дерзну лишь сказать несколько слов о той стороне многогранной и плодотворной деятельности этого делателя на ниве Христовой, которая немного мне известна: скажу об о. Иоанне как о духовном писателе-агиографе.

Я впервые услышал это имя в начале восьмидесятых. Книги о. Иоанна (Маслова) были тогда недоступны, и я даже не знал о том, что они существуют. Первая встреча с ними состоялась уже в конце 90-х, после смерти праведного старца, когда, благодаря Николаю Васильевичу Маслову, замечательные книги о. Иоанна стали издаваться. На их страницах воскресала и благоухала дивным фимиамом

святости из глубины веков чудная Глинская пустынь, восставал сонм ее духоносных отцов и подвижников, истекали благодатные источники их поучений и наставлений, рождающих в жизнь вечную. Многочисленные примеры святости и благочестия вдохновляли читателя последовать им, возжигали ревность к богоугождению, как некую чистую восковую свечу пред иконой преподобных. Это поистине патерик святости, подобный древним Отечникам, весьма полезный и назидательный для чтения. Если бы не подвижнический труд о. Иоанна, многие крохи сведений о пустыни, рассеянные по разным письменным источникам, никогда не были бы собраны в единую мозаику истории обители.

“Глинский патерик” и “Глинская пустынь. История обители” восполнили пробел в истории Русской Церкви и русского монашества, особенно же — в истории старчества на Руси. Эти книги приподняли завесу над глубокой тайной подвижничества и старчества, как одного из видов подвижничества, подвижничества редкого, а в настоящее время, по пророчеству свт. Игнатия (Брянчанинова) и других духоносных Отцов, практически исчезнувшего.

До выхода в свет трудов о. Иоанна (Маслова) большинство из нас при упоминании слова “старец” представляли себе прежде всего учеников прп. Паисия Молдавского, затем — старчество оптинское, прп. Серафима и саровских старцев, подвижников Валаамского монастыря и Соловецкой обители. Немного слышали о Филарете глинском. Глинская Пустынь воспринималась как один из обыкновенных русских монастырей, ничем не примечательных, разве только своей чудотворной иконой Рождества Пресвятой Богородицы.

Но отец Иоанн доказал, что это не так и что

Глинская пустынь — удивительный духовный оазис. Его книги открыли глинское старчество, совершенно особое, имевшее свои глубокие корни и плодотворные ростки, которые протянулись до наших дней и сохранили живоносную силу. Оказывается, кроме Филарета глинского, в ней процвело множество преподобных игуменов, пустынных исихастов — молитвенников за Россию и весь мир, духоносных старцев — руководителей иноков и мирян на пути ко спасению. По молитвам глинских преподобных отцов перед чудотворной иконой Божией Матери совершилось множество знамений и исцелений. А в 1915 году произошло вовсе неслыханное в XX веке, ни до, ни после того: один из настоятелей пустыни, схиархимандрит Иоанникий, на глазах множества людей перешел “яко по суху” разлившуюся реку.

Служение глинских иноков ближним, продолжавшееся в течение веков, не ослабело в предреволюционные годы, как и в дни великой смуты. Не окончилось оно и с разрушением Православной Державы. Не только не окончилось, но стало еще более востребованным. Рассеянные, *не имевшие пастыря* (Мф. 9; 36), страждущие души притекали в Глинскую пустынь, как к некоему спасительному прибежищу. *Малые сии* получали там исцеление, утешение, вразумление, ободрение, а порой и материальную помощь, хотя обитель уже была ограблена и сама сильно нуждалась. Столь плодотворно было служение глинских иноков страждущему человечеству, что завистливый дьявол не мог этого терпеть дальше. Богоборцами, слугами дьявола обитель была закрыта и разорена, иноки разогнаны. Некоторые удостоились принять мученический венец, другие — исповеднический. Вернувшись из тюрем, лагерей и ссылок, некоторые из них поселились недалеко от того

святого места, где давали свои монашеские обеты,— в близлежащих деревнях. В самом монастыре властями был устроен интернат для душевнобольных.

В новых условиях, чуждых монаху, среди мирских жилищ, несмотря на трудности своего положения, искушения, голод, издевательства и насмешки, глинские иноки продолжали нести подвиг молитвенного служения Богу, ни на йоту не отступая от заветов своих богоносных старцев-наставников. Продолжали они, как истинные монахи, и посильное служение ближним, заповеданное старцами. Все это, конечно же, вызывало злобу атеистических властей, и иноки постоянно терпели преследования и обиды.

Притеснения продолжались до тех пор, пока безбожные коммунисты Промыслом Божиим не были, хотя и временно, изгнаны из пределов Глинской обители. Как только появилась возможность, на развалинах монастыря затеплилась молитва. Обитель начала возрождаться, собралась братия, открылись храмы, народ стал приносить сохранившиеся святыни. Как и прежде, потекли к инокам ручейки людей, жаждавших услышать слово Божие, прикоснуться к святыне. В то время, в 1954 г., пришел в Глинскую пустынь и юный Ваня Маслов, будущий схиархимандрит Иоанн.

Послушник Иоанн Маслов попал в благодатную среду. Несмотря на трудности: произвол властей, нищету, скудную пищу, тяжелый физический труд, присутствие на территории монастыря мирских людей, непрестанную радио-музыку громкоговорителей, тесноту и многое другое,— в обители он нашел главное — старческое окормление. Для послушника Иоанна возможность общения со старцами перевесила все неудобства и трудности. Милость из милостей Царя царей, если кто в наше ос-

кудевшее духом время, эпоху торжествующей лжи, обретет непрелестного наставника — руководителя, которому можно безопасно поручить дело своего спасения, довериться всем сердцем, всей душой, всем помышлением!

Под руководством глинских старцев послевоенного периода о. Иоанн духовно возрастал, восходил *в меру возраста Христова* (Еф. 4; 13). Он видел перед собой примеры святой жизни иеросхимонаха Серафима (Романцова), схиархимандрита Серафима (Амелина), схиигумена Андроника (Лукаша) и многих других подвижников. Слышал их наставления, впитывал предания старцев о той прежней Глинской пустыни, которая возростила многих и многих угодников Божиих. Вошедшие в “Глинский патерик” жизнеописания подвижников XX века представляют особую ценность, так как многих из них о. Иоанн знал лично. Если бы он не рассказал об их монашеском служении, оно было бы забыто.

Большинство современных монастырей, открытых в 90-х годах XX столетия, имеют тот существенный недостаток, что они лишены преемственности. Основаны эти обители, к сожалению, не подвижниками, воспитанными в строгих правилах монашеского общежития под руководством опытных наставников умного делания, а большей частью, кабинетными семинаристами или вдовыми священниками, принявшими постриг по необходимости. Поэтому монашеская жизнь там не на высоте: некому научить молодых послушников, некому показать пример подлинного монашеского жития, ревностного, но в то же время растворенного рассуждением.

В своем монашеском подвиге о. Иоанн избежал этих и многих других недостатков. Жизнь Глинской пустыни хотя и была временно пресечена желез-

ной рукой “строителей всемирного счастья”, но промыслом Божиим вновь возобновлена теми же насельниками и старцами, которые подвизались в ней до закрытия. Будучи ревностным учеником богоносных старцев, о. Иоанн приобщился к их духовному опыту, вместе с тем став и причастником их дарований.

Случилось это, несомненно, промыслительно, но, как говорит свт. Игнатий Ставропольский, Божия благодать благоволит сделать старцами тех, кто и сам строго трудится в постническом подвиге. Дальнейшим служением о. Иоанна (Маслова) стало не совсем обычное для монастырского инока послушание преподавателя Духовной Академии. Став наследником глинских старцев, схиархимандрит Иоанн должен был преумножить и передать это духовное наследство будущим пастырям Церкви. Как вспоминают его ученики, студенты семинарии и Академии, лекции схиархимандрита Иоанна по пастырскому богословию были живыми и запоминающимися, отличались множеством примеров из жизнеописаний подвижников благочестия, особенно глинских, и самого о. Иоанна. Это были не сухие, отвлеченные рассуждения теоретика, но изливавшиеся из сердца назидания доброго пастыря, подкрепленные святой жизнью, которая была у всех на виду. На нем исполнились отеческие слова: “Слово свою силу получает от силы жития”.

Такими же являются его боговдохновенные книги. Они написаны не кабинетным исследователем, а свидетелем святой жизни тех, о ком он пишет, их учеником и последователем, в полной мере вместившим в себя духовный опыт глинских подвижников. В отличие от многих подобных книг, авторы которых – ученые-теоретики, история Глинской пустыни написана настоящим подвижником, участником

событий самой этой истории. Особенно уникальны и ценны страницы, которые описывают жизнь многострадальной обители и ее духоносных насельников в XX веке. Автор не просто хронологически перечисляет события, а глубоко переживает их, при этом анализируя с духовной и исторической точек зрения. “Глинская история” — настоящая летопись духовных событий, происшедших в этой обители от самого ее основания до закрытия в 60-х годах XX в., изложенная подвижником-летописцем, осмысленная духовным разумом автора. Это история-назидание в духе и традициях лучших русских летописцев, таких, как преподобный Нестор Печерский.

Имя о. Иоанна уже нельзя привязать к какой-то определенной географической точке. Он принадлежит всей России. Принадлежит своими делами и книгами, которые, думаю, будут переведены на многие языки. Конечно, о. Иоанн — прежде всего глинский, потому что там он получил “закваску”, духовное воспитание, говоря словами свт. Игнатия Ставропольского, направление духовной жизни. Дальнейшее его служение и духовный рост продолжались в стенах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, где он провел достаточно много времени, приехав туда в 1961 году, а в 1991 вернувшись туда умирать. Там прошла наибольшая часть его жизни, поэтому, думаю, в соборе Радонежских святых с его кончиной загорелась новая звезда, еще не прославленная людьми, но прославленная Богом. В 80-х годах некоторое время он совершал свой старческий подвиг в Жировицах, наставляя инокинь, семинаристов, мирян. Поэтому он и жировицкий.

Отец Иоанн сгорел в благородном пламени служения Богу и ближним, и ныне, уверен, представляет за всех нас на небесах. Он донес искру

глинского огня до наших дней, когда Россия начала возрождаться. Думаю, что среди его учеников и духовных детей есть светильники веры, являющиеся восприимчивыми этой благодати.

Отца Иоанна переполняла любовь, сочетавшаяся с подвигом, с теми навыками аскетического делания, которые он получил в Глинской пустыни. Насколько можно заметить из рассказов его духовных чад, он не возлагал на людей *бремена неудобноносимые* (Лк. 11; 46). Никто не вспоминает, чтобы он учил кого-либо крайней аскезе. Вспоминают багюшкину любовь и милосердие.

Духовные и духоносные люди всегда были, есть и будут. Этим держится Церковь. Пока совершаются Таинства, пока в Церкви есть благодать Святаго Духа, будут освященные Богом люди. Но как отличаются святые первых веков от современных подвижников? Мы знаем пророчество св. Нифонта Константинопольского, святого первых веков, которое проливает свет на тайну нашего времени. Он говорит, что в последние дни будут святые, но они не совершат знамений и чудес, а покроют себя смирением, при этом они превзойдут по духовной высоте святых первых веков. Подвижники наших дней скрывают свою святость, свою прозорливость, однако по глубине рассуждения, по силе благодати, они, может быть, не меньше святых первых времен.

Таких подвижников Господь прославляет Сам, чтобы люди узнали, как дивен Бог во святых Его. Любой святой — это не только его собственный подвиг и труд, а всякий раз — явление Божией благодати, Божие чудо для спасения ближних. Поэтому, говоря о каком-либо подвижнике, мы говорим о тайне благодати, действующей в нем, о его делах во славу Божию, о Боге.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) — великий духовный писатель Русской Православной Церкви XX века. Его духовное творчество — зрелый плод праведной жизни. Слово его легко и со властью входит в сердце читателя, как исполненное благодати. Не много подлинно духовных, аскетических писателей было на Руси в XX веке. В их числе с полным правом должно быть упомянуто имя схиархимандрита Иоанна. Оскудевает вера, оскудевает и подвиг, вместе с тем, увь, оскудевает и слово. От этого слово, родившееся из подвига веры, становится еще более драгоценным, еще более значимым для слышащих, незаменимым никаким другим словом, особенно же, рожденным из лжеименного разума. Цена благодатного слова — вечная жизнь или вечная гибель для того, кто не примет слово.

Стоит обратить внимание не только на содержание, но и на язык творений схиарх. Иоанна. Это удивительно чистый, высокий русский язык, который заслуживает того, чтобы его изучали на кафедре филологии. Отец Иоанн вырос на Священном Писании, на святоотеческих творениях, на богословских трудах. Он обладал благодатным даром слова, обращенного именно к человеку XX века.

За его книгами стоят огромный труд и, наверное, бессонные ночи. Мы уже не узнаем об этом. А в результате мы имеем книги, множество статей и проповедей.

Подвижнические творения схиархимандрита Иоанна (Маслова) навсегда войдут в золотую библиотеку русской и мировой духовной литературы. А имя его, верим, будет благодатью вписано в патерик глинской святости вместе с теми, кто его воспитывал, с кем он подвизался, кого прославлял своим сло-

вом. *Праведники во веки живут и в Господе мзда их* (Прем. 5; 15).

Отцу Иоанну не нужна была слава в земной жизни, не нужна она ему и сейчас. Но она необходима нам. Нам нужно знать о его делах для того, чтобы этим делам по мере сил своих подражать и с помощью Божией его молитвами войти в славу Божию.

Прославление в лике святых — дело Божеское, а не человеческое. Мы можем лишь засвидетельствовать, что о. Иоанн — подлинный подвижник, и сделанное им должно стать достоянием всей Русской Церкви. И не только Церкви. Замечательно, что его книги уже входят в программу общеобразовательных школ, по ним учатся наши дети. Это начало вхождения русской духовной литературы туда, где она должна быть прежде всего, — в школы и вузы. Думаю, со временем, там будут изучаться и творения свт. Игнатия, свт. Феофана. Постепенно Россия стряхнет хлам безбожия, безбожной культуры и морали, постепенно русские люди обратятся к своим истокам, к своей национальной идее, которой, несомненно, является Православие. Промыслительно, что изучение духовной литературы в школах начинается с книг схиархим. Иоанна — с описания по-

* М. 2000.

движничества и духовности XX века. И, может быть, не один из юношей, которые прочитают в школе “Глинский патерик”, в конце концов переступит порог Глинской пустыни.

I

* Сергей Нилус. Сила Божия и немощь человеческая. М. 2000.

** Собрание писем свт. Игнатия. М.— С-Пб. 1995. С. 761.

Часть IV

Об отношении к монашеству

Возможно ли возрождение монастырского старчества?

*О книге “Старчество”**

В начале прошлого века была издана небольшая брошюра “Старчество”. Автор ее, подписавшийся именем “пустынножитель”, ревнуя о восстановлении монашеской жизни в прежней ее красоте, как на одно из существенных средств к этому, указывает на восстановление старчества.

Упадок монашеской жизни в России начал замечаться еще в Синодальный период. Патриаршество было упразднено. Поместные Церковные Соборы были заменены Синодами с обер-прокурорами во главе. Соборное начало Церкви тем самым было поприано и поглощено светским государственным началом. У монастырей отнималось имущество и земли. Были введены ограничения на количество насельников, постриги разрешались лишь определенным возрастным и социальным группам лиц. Многие обители были упразднены и закрыты императорскими указами. Все это отнюдь не способствовало развитию монашеской жизни.

Яркую картину страшного нравственного упадка в обителях XIX века представляет собой

* См. наставление игум. Макария (Сушкина) на с. 139 настоящего издания.

дневник скончавшегося в Оптиной пустыни игумена Феодосия, ученика оптинских старцев, много лет подвизавшегося в Троицко-Лебедянской пустыни*. В частности, игумен Феодосий горько сетует о нравственном вреде, причиняемом монастырям насельниками, не имеющими стремления к монашеской жизни.

Святитель Тихон Задонский взывал: “Нынче почти нет истинного благочестия, нынче одно лицемерство”; “Христианство незаметно удаляется от людей, остается одно лицемерство”. Созвучно свт. Тихону писал святитель Игнатий, еп. Ставропольский: “Христианство, этот таинственный духовный дар человекам, удаляется неприметным образом для не внимающих своему спасению из общества человеческого, пренебрегшего этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутым актерами и актерством благочестия”**. Конечно, во все периоды жизни Церкви являлись святые. Были они и в Синодальный период. Стоит отметить такое отрадное явление, как преп. Паисий Величковский с его учениками — возобновителями монастырей и монашеской жизни. Были и благоустроенные обители. В них процветало старчество, духовная жизнь насельников стояла на высоком уровне. Таковы были Оптина пустынь, Валаамский монастырь, Саровская пустынь, Глинская пустынь, Свято-Троицкая Сергиева пустынь Санкт-Петербургской епархии, Зосимова пустынь Владимирской епархии и немногие другие. Но на фоне общего упадка все это может рассматриваться, скорее, как редкие исключения. Последовав-

* Пожалуй, только в Глинской пустыни на короткое время удалось возобновить старчество.

** При Хрущеве было закрыто около 70 монастырей.

шее затем гонение на Церковь коммунистической власти повсеместно вызвало окончательное закрытие монастырей, что привело монашескую жизнь к еще большему упадку.

В раннюю эпоху мучеников христиане были духовно сильными и гонения на Церковь только еще сильнее воспаляли благочестивую ревность подвижников. В последующие времена монашество и вообще христианство утратило прежнюю силу, нас, скорее, можно назвать “солью обуявшей” (Мф. 5; 13). Монашествующие первых веков жили в пустынях, не имея порой самого необходимого, несли великие аскетические подвиги. Подражание им сделалось невозможным по нашей душевной и телесной немощи. Иноки более позднего времени уже проводили жизнь в условиях менее строгих. Современные иноки, по возможности, должны иметь все необходимое*.

Скорби Св. Отцами признавались существенным оружием дьявола, коим он старается совратить душу с пути спасения. Господь, по Своей премудрости и благодати, обращает это оружие дьявола в средство для спасения, Он попускает только такое зло, которое имеет добрые последствия (свт. Иоанн Тобольский). Безмерные скорби более разрушительны, чем созидательны. Лишения и гонения современными христианами переживаются тяжелее. Если иноки первых времен мужественно вступали даже в борьбу с бесами, то более немощным и слабым Святые Отцы, например, преп. Исаак Сирин, советовали благоразумно уклоняться от искушений, превышающих их силы. Само Священное Писание говорит: *Какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью*

* Творения свт. Игнатия. М. 1996. Т. I. С. 482

тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство просить о мире (Лк. 14; 31).

В годы коммунистических гонений лучшие представители монашества были расстреляны или погибли в лагерях и тюрьмах. Когда во время некоторого ослабления гонений в 50-х годах небольшое количество обителей было вновь открыто, некому в них было воспитывать новое поколение иноков, за редким исключением, некому было возобновить старые монашеские традиции*. Испытывался острый недостаток в духовной литературе, а та, которая была, не всегда отвечала на вопросы, поставленные современностью.

После хрущевских гонений, в так называемый период “застоя” осталось всего 16 обителей** , и то лишь для того, чтобы показывать “империалистам”, что “религия в СССР не подвергается преследованиям”. Прием в эти монастыри новых насельников светские власти опять-таки ограничивали жесткими насильственными мерами. Особенно старались не допустить в них молодежь, то есть как раз ту часть церковного народа, которая еще не испорчена грехом, которая способна наиболее здраво воспринять понятия о монашеской жизни и наиболее перспективна в дальнейшем.

“Из жизнеописаний преподобных иноков видно, что большинство их вступило в монастырь в двадцатилетнем возрасте. Старость была признаваема Святыми Отцами неспособною к монашеской жизни. Неспособна к этой жизни старость! Okрепла

* В ранние годы советской власти этот отдел ГПУ (КГБ) назывался Отделом по борьбе с религией.

** Свидетельство очевидца.

она в навыках, в образе мыслей, притуплены ее способности! Подвиг юношеский несвойственен ей! Преподобный Антоний Великий первоначально отказался принять в монашество шестидесятилетнего Павла Препростого, сказав ему, что он неспособен к монашеской жизни именно по старости. Напротив того, многие Отцы вступили в монастырь в детском возрасте и достигли высокого духовного преуспеяния по причине целости произволения, непорочности, прямого стремления к добру и восприимчивости, столь свойственных детскому возрасту”, – писал свт. Игнатий (Брянчанинов)*.

Братия и паломники также подвергались прямым гонениям: постоянно устраивались обыски, аресты, здоровых людей насильственно отправляли в психбольницы. Чем-либо проявивших себя с положительной стороны насельников, как правило, тут же отправляли на отдаленные приходы или просто изгоняли из обителей, лишив регистрации и позаботившись о том, чтобы их не приняла ни одна епархия. Атеистическое государство бесцеремонно вмешивалось во внутреннюю жизнь монастырей. Делалось все, чтобы разрушать существующие обители изнутри путем разложения духа их насельников. Зная влияние монастырей на православный народ и то уважение, которым пользуются монашествующие, безбожники пытались представить их в глазах “трудящихся масс” как развратников, пьяниц и тунеядцев. Как правило, это достигалось путем искусственного внедрения в число насельников обителей платных агентов КГБ, которые в большинстве своем действительно являлись пьяницами, ворами и развратниками.

* Другими сведениями не располагаем.

Поскольку назначение игуменов и игумений обязательно согласовывалось с Комитетом по делам религиозных культов*, нередко такие “насельники” и назначались игуменами монастырей. В 70-х годах братия одного из известнейших монастырей после назначения очередного настоятеля выражала радость по поводу того, что, в отличие от нескольких его предшественников, “этот хотя бы верующий”**.

Нечего и говорить о том, что духовная атмосфера в таких монастырях не могла быть здоровой. Царила подозрительность, спокойной мирной жизни не было. Разрушительная роль государства, конечно, тщательно скрывалась, так как религия “в самой передовой стране мира не подвергалась преследованиям”. Пережившие лагеря и ссылки монахи и монахини, которые могли бы действительно явиться наставниками для молодого поколения иночествующих, видя все это, не хотели поступать в такие обители и предпочитали оставаться на приходах, где о них мало кто знал.

Тем не менее, в существующих монастырях теплился огонек монашеской жизни: благонамеренно настроенные их насельники, которые все-таки составляли большинство, лишённые духовного руководства, лишённые нормальных духовных, а часто и материальных условий существования, среди постоянных преследований, соблазнов, скорбей, клеветы

* Накануне революции Русская Православная Церковь насчитывала 1025 монастырей, не считая скитов и подворий; общее количество насельников в мужских монастырях равнялось 21330, в женских — 73299 (Прот. М. Польский. Новые мученики Российские. Ч. I. И. К. Смолич. Русское монашество. М. 1997), не считая трудников, паломников и других мирян, которые жили при монастырях.

и поношений, как могли, следовали святоотеческому учению о монашеской жизни, сохраняя верность идеалам монашества, что в конечном итоге и спасло монастыри. Чудом Божиим в таких обителях, как Псковские Пещеры, Глинская пустынь и Троице-Сергиева Лавра* явилось старчество. Подвиг жизни в монастырях в те годы поистине был бескровным, а порой и кровавым мученичеством.

Кроме монастырей, монашеская жизнь существовала на приходах. Монахи и монахини даже объединялись в небольшие общины и жили либо при храмах, либо приобретали дома. Были широко распространены тайные постриги. Таких монашествующих было гораздо больше, чем насельников в обителях. Хотя за ними постоянно велась слежка, они все же испытывали меньшее давление со стороны светской власти. Поэтому их духовная жизнь была более здоровой. В те годы немногие выдающиеся пастыри, которых можно было бы назвать старцами, в основном несли свое служение на приходах.

Когда, после “перестройки” и закономерно последовавшего за ней падения агонизировавшего коммунистического режима, стали вновь открываться святые обители, туда назначались насельники из тех монастырей, которые существовали при коммунистической власти. Причем не всегда лучшие. Епархиальные Преосвященные и настоятели обителей неохотно расставались с хорошими насельниками, действительно нужными их монастырям. Приходские же монахи не спешили вступить во вновь открытые монастыри и скиты, а многие из тех, кто вступили, в скором времени уходили оттуда, не увидев для себя

* Собрание писем свт. Игнатия. М.–СПб. 1995. С. 116.

** Там же. С. 769–770

пользы и столкнувшись с трудностями, не всегда оправданными с духовной точки зрения.

Сейчас наша Церковь имеет несколько сотен обителей, большинство из которых существует пять — восемь лет. Почти все они не устроены, испытывают большую материальную нужду. Еще больше духовных проблем. Насельниками их в основном являются неофиты, имеющие очень приблизительное представление о монашеской жизни, или люди преклонного возраста, которые идут в монастыри не всегда только по желанию монашеской жизни. Учить их некому, учителя — скорби.

Как бы ни был глубок упадок монашества перед революцией, он несравним с тем, что мы имеем сейчас. Дай Бог нашим монастырям вернуться хотя бы к тому состоянию, в каком они были в XIX веке,* вернуться, постаравшись не повторить тех ошибок, по причине которых Господь попустил закрытие монастырей.

Только при поверхностном взгляде можно не понять и не оценить всех трудностей возрождения современных обителей. Такой взгляд большей частью имеют миряне, которые с большой легкостью берутся судить и толковать о таких высоких предметах, как старчество и монашество. Еще святитель Игнатий писал о своем времени: “Ныне некоторые разгоряченные верхоглядцы, даже из светских, берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно — великая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих, и дела Божия. Такие умницы и ревнители что ни сделают, все ко вреду. Заметно, что древний змий употребляет их в орудия

* М. 1998.

умножения в монастырях житейской многопопечительности и подъяческого характера, чем решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты. Надо покоряться самым попущениям Божиим”*. Монастыри должны возрождать монашество. Только они могут полностью понять и оценить проблемы этого возрождения и что-то сделать реально.

“Не предвижу, по духу времени и вообще по нравственности всего народа, чтоб могло быть восстановление Церкви в древней красоте ее, так же, как и монашества. И то должно будет счесть великою милостию Божией, если не последует вскоре какого-либо тяжкого удара на монастыри”, — пророчествовал в XIX в. свт. Игнатий**.

При существующих условиях возрождение обителей кажется почти невозможным. Оно действительно невозможно человеческими средствами. Единый Всемогущий Господь, насадивший монашество, сохранивший его в годы жестоких гонений, силен возродить монашество во всей его первоначальной красоте, если это будет Ему угодно. Поскольку полноценная монашеская жизнь невозможна без подлинного духовного руководства, Господь, если будет Его святая воля, в свое время восстановит и старчество, для которого не достаточно только иноческого постнического подвига, необходима прежде всего Божия благодать.

Каждый из нас, если может, да внесет свою лепту в восстановление обителей — материальную или духовную. Не в нашей воле возрождение старчества, но в нашей воле всячески способствовать этому; прежде всего — исполнением евангельских заповедей, а для тех, кто может и кто на это поставлен Богом, — созданием условий для этого возрождения.

В настоящее время, может быть, как никогда, *жатвы много, а делателей мало* (Мф. 9; 37). Будем же молиться Господину жатвы, чтобы Он послал духоносных старцев-делателей на ниву Свою.

Аминь.

Мир и монастырь

О книге

*“Обитель старца Зосимы Верховского”**

Читатели, внимательно наблюдающие за книгами, выходящими в издательстве им. свт. Игнатия Ставропольского, наверное, заметили, что значительную часть наших изданий составляют книги о монашестве. Это объясняется нашим глубоким почитанием монашества как установления Божия.

Критики, коим мы искренно благодарны, упрекают нас в том, что книги наши не коммерческие и поэтому спрос на них невелик. Возможно, это и так. С любовью ответим им: цели нашего издательства никогда не были коммерческими. Мы хотим нести людям Слово Божие, благовествовать мир ближним и дальним, рассказывать о Боге, но не своими словами, а словами Отцов и учителей Церкви, подвижников и духовных писателей древних и новых.

Действительно, книги о монашестве не всегда пользуются спросом. Люди читают то, что ближе их душе. Современная Церковь состоит, в основном, из тех, кто недавно, после десятилетий мрачного безбо-

* Творения свт. Игнатия. Троице-Сергиева Лавра. 1991. Т. V. С. 301–302.

** Аввы Исаака Сирина слова подвижнические. М. 1993. Слово 2.

жия переступил порог храма. Монашество — высшая школа духовной жизни. То, что проходят в высшей школе, не может быть правильно понято в начальных классах, да и не только в начальных.

Мир всегда недопонимал монашество, к сожалению, не только безбожный мир, но и мир христианский. Вот как объясняет значение слова “мир” свт. Игнатий Ставропольский:

“Слово “мир” имеет два значения в Священном Писании. 1) Словом “мир” обозначается все человечество: *Так возлюбил Бог мир, что и Сына Своего Единородного отдал, да всякий верующий в Него не погибнет, но получит жизнь вечную* (Ин. 3; 16). 2) Словом “мир” обозначаются те люди, которые проводят греховное, противное воле Божией жителство, жителствуют для времени, а не для вечности: *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел* (Ин. 15; 18). *Не любите мира, ни того, что в мире* (1 Ин. 2; 15).

Блаженный Феофилакт Болгарский определяет “мир” так: “Обычно Писанию называть миром житие грешных и пребывающих в нем людей плотского мудрования, почему и Христос сказал ученикам Своим: *вы не от мира* (Ин. 15; 19). Они составляли часть живущих в мире человек, но, не пребывая в грехе, не были от мира” (Толкование на Мф. 18; 7).

Большинство человек проводило и проводит жизнь греховную, мерзостную пред Богом, враждебную Богу: по этой причине и потому, что большинство врагов Божиих несоизмеримо велико в сравнении с числом верных служителей Бога, большинство называется в Писании миром. Относящееся

* Карагандинский старец преп. Севастиан. М. 1998.

к большинству приписывается всему человечеству. Так надо понимать слова евангелиста: *Был Свет Истинный, Который просвещает всякого человека, грядущего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. К Своим пришел, и Свои Его не приняли* (Ин. 1; 9–11)*.

Святой преп. Исаак Сирий определяет “мир” как совокупность всех страстей, говорит, что “мир” есть плотское жительство и плотское мудрование** . Поэтому выражение “мирской человек” в полном смысле этого слова обозначает человека страстного, живущего страстями. Поскольку, как свидетельствует свт. Игнатий, таких людей всегда было большинство, этот страстный, мирской дух преобладает и среди современного христианского мира.

Духовные воззрения и идеалы мирских людей неизбежно несут на себе печать страстей. Не может мир полностью вместить идеалы Христа. Для большинства мирян монашество было и остается, в лучшем случае, всего лишь красивой экзотикой, а чаще всего — юродством и безумием. Ныне прославленный в лике святых преп. Севастиан Карагандинский говорил: “Между нами, монахами, и миром — глубокая пропасть. Миру никогда не понять нашей жизни”*. Отвергает мир людей, которые, оставив удовольствия и радости века сего, решились последовать за Христом. Древние Отцы свидетельствуют, что, как только возникло монашество, еще в первые века, в среде самой Церкви сразу же нашлись люди, которые не захотели понять его. При этом даже не замечали, что большинство святых выросло в монастырях. А те христиане, которые, живя в миру, достигли святости, проводили фактически монашескую

* Творения свт. Игнатия. М. 1996. Т. I. С. 554.

жизнь, и некоторые из них перед кончиной приняли постриг. Другие же не приняли его только потому, что сочли себя недостойными монашеского чина.

Получается удивительный парадокс: большинство православных святых — монахи; христианский мир почитает их, признавая тем самым их жизнь совершенной, считая ее идеалом, примером для подражания. Однако, почитая святых и молитвенно обращаясь к ним, мир настороженно, и даже непочтительно, относится к тому, что их воспитало,— к самому монашеству. Выходит, что для мирского человека монашеские идеалы хороши только теоретически, только тогда, когда ничего не требуют от него самого. Если же родной сын или дочка обнаруживают намерение уйти в монастырь, родители приходят в ужас и говорят, что это будет позором для всей семьи, что в монастыре дети потеряют здоровье, что монашество — извращение человеческой природы, а монахи — это фанатики или психически ненормальные люди.

Различествуют понятия о духовной жизни мирян и монашествующих. Если монашествующие стремятся осуществить Евангельские идеалы в совершенстве, стараются во всей полноте исполнить Евангельские заповеди, миряне относятся к делу спасения души прохладнее, с меньшей ревностью. Их понятия о духовной жизни нередко не соответствуют святоотеческому учению о спасении, да и само святоотеческое учение большей частью им незнакомо, не вызывает интереса. Напрасно искать среди мира точного последования словам Господа. Евангельские заповеди попираются, нарушения их

* Творения свт. Игнатия. М. 1996. Т. I. Жизнеописание. С. 24.

легко оправдываются. Мир все дальше и дальше отступает от Бога. Исполняются Евангельские слова: *Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18; 8)

В своей духовной автобиографии “Плач мой” святитель Игнатий свидетельствует, что до того, как он стал читать Святых Отцов, он считал заповедями Божиими лишь Ветхозаветное десятословие, а Евангельские заповеди считал “одним нравоучением, последование которому и полезно, и похвально, но не долг непрременный”*. К великому сожалению, многие и сейчас так считают.

Они полагают, что исполнить Евангельские заповеди невозможно, и поэтому, признавая Бога, даже не пытаются этого делать. Это действительно невозможно без помощи Божией. Но помощь Божия всегда готова для ищущих ее, что засвидетельствовали тысячи угодников Божиих, в совершенной мере исполнивших Его заповеди. *Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему* (Мк. 9; 23).

По учению Св. Отцов, спасаются и миряне, если недостаток исполнения Евангельских заповедей будут восполнять покаянием. Но если спасения можно достигнуть в миру, то для достижения христианского совершенства преимущественно уходят в монастыри. Кто, собственно, уходит в монастырь? Наиболее ревностные христиане, подвижники, которых христианская жизнь в миру перестает удовлетворять. История Церкви свидетельствует, что все гонители Церкви начинали с преследования монашества, справедливо полагая, что наиболее преданные Православию люди находятся среди монашествующих.

Получается, что истинное, то есть совершен-

ное христианство невозможно в миру, хотя некоторые с этим не согласятся, фактически мирское христианство есть христианство, “разбавленное водичкой”.

Когда офицера Дмитрия Брянчанинова, будущего свт. Игнатия, пытался отговорить от вступления в монашество Великий Князь Михаил Павлович, Дмитрий Александрович ответил: “Оставаться в мире и желать спастись — это все равно, что стоять в огне и желать не сгореть”*.

Наставления белых священников существенно отличаются от наставлений монастырских духовников. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что миряне преимущественно спасаются милостью, а монахи — молитвой. Поэтому благочестивая деятельность белого духовенства большей частью направлена на дела благотворительности. Белыми священниками устраиваются школы, приюты, богадельни, гимназии, благотворительные обеды, раздается гуманитарная помощь. В благотворительных целях устраиваются сестричества или братства. Духовники из монашествующих прежде всего стараются воспитать в своих пасомых любовь к молитве и смирение. С этой целью они стремятся оградить своих духовных детей от суетного общения, излишних знакомств, множества дел, отвлекающих от молитвенной сосредоточенности. Если на приходе какой-нибудь юноша или девушка начинают проявлять интерес к монашеству, нередко их начинают отговаривать, убеждая “жить, как все люди”. Прискорбно, но иногда это делает приходское духовенство.

Немногие любят совершать паломничество по

* Русский Паломник. № 2. 1990.

св. обителям. А жаль: непосредственное общение с монашествующими могло бы принести неоценимую пользу в деле спасения души, и хорошо бы любому православному человеку, особенно священнику, хоть немного пожить в монастыре.

Архимандрит Афанасий (Нечаев), принявший монашество на Валааме уже после революции, скончавшийся в Париже в 1944 г., пишет в своих воспоминаниях:

“Монастыри всегда играли крупную роль в духовной жизни народа, но как? — лишь через паломничество. И других путей влияния нельзя отыскать. Монастыри никогда не гнушались оказанием помощи миру и благотворительностью, школами для детей, издательством. Но все это было лишь побочным, очень незначительным приложением. Духовное море монашеской жизни разливалось по матушке-России через монастырские толпы паломников. Через исповедь их у монахов, через наставления старцев, через чудеса у мощей и икон. Через невидимые связи всех святых, Русь скована была воедино силой монашеского духа.

Это влияние монашеского мира я испытал в сильнейшей степени на себе самом. И получил я это не через благотворительность монастыря, не через просветительскую работу, а непосредственно от соприкосновения с монахами. Как в христианстве сила и значение религии заключаются в Самой Личности Христа, так и в монастыре сила его влияния — в личностях, в которых отражается образ Христа.

В чем же увидел я Христа на Валааме? Во-первых, в богослужениях, в молитве. Каждый раз после воскресной Литургии я испытывал необыкновенную радость. Сердце исполнялось молитвенной тепло-

той, которая есть признак присутствия в нас Духа Святаго. То же чувство овладевало мною много раз после бесед с отдельными старцами. Значит, присутствие Христа и воздействие Его через них несомненно. И получить это воздействие иначе нельзя, как только в личном общении. Вот почему и идут паломники, чтобы соприкоснуться с монашеским миром в лице отдельных монахов, старцев, духовников”.*

Белое духовенство, всегда составлявшее большинство, настороженно относится к духовенству черному. Во все века встречались печальные недоразумения между этими двумя ветвями православного духовенства. В силу своей многочисленности, белое духовенство занимает главенствующую роль в епархиальных структурах. Значительная часть епископата, едва ли не большинство, происходит из белого духовенства, в лучшем случае — из духовных школ, где оно занималось административной и преподавательской работой. В силу своего положения, оно никогда не знало монашеской жизни изнутри, наблюдало ее извне, отчего очень многое осталось непережитым и непонятым. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в одном из своих писем говорит: “Я — инок монастырский, академические иноки большей частью готовят себя к служению Церкви в высших степенях; они не понимают и не принимают моего учения”.

Лучшие представители духовенства из монашествующих остаются в стороне. Их интересы редко учитываются, да их никто и не спрашивает. Эти поистине духовные самородки служат либо в отда-

* Симеона Нового Богослова главы деятельные и богословские. Добротолюбие. Ч. I. М. 2001. С. 117–118.

** Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 30.

ленных малочисленных приходах, куда не соглашается идти белое духовенство, либо остаются в монастырях.

В XIX в. свт. Игнатий, великий учитель современного иночества, после того, как был рукоположен в епископский сан в отдаленную Кавказскую епархию, говорил: “Наконец-то монахи получили своего архиерея”. К нему сразу же стали обращаться с просьбой о переводе в его епархию монашествующие, состоявшие с ним в духовном общении. А сколько было противников его хиротонии?! В числе их, например, митр. Санкт-Петербургский Никанор, который, занимая столичную кафедру и непосредственно общаясь с Императорской Семьей, имел решающее влияние на церковные дела, являясь, фактически, первоиерархом. Даже свт. Филарет (Дроздов), митр. Московский, не во всем находил взаимопонимание со свт. Игнатием.

Святость редко бывает понята современниками, они ее не вмещают. Поступки святых, живущих по духу, а не по букве, истолковываются и как проявление гордыни. Их милосердие называют вредным попустительством, слабоволием. Чаще всего мир считает современных ему святых людей прельщенными.

Преподобный Симеон Новый Богослов говорит: “Тех, которые притворяются добродетельными и кожей овчею по наружному виду являют одно, а в сущности по внутреннему человеку суть другое, ко-

* Несмотря на полемику по некоторым вопросам, свт. Феофан глубоко уважал еп. Игнатия, состоял с ним в переписке, спрашивал советов.

** Канонизирован Украинской Православной Церковью Московского Патриархата в 1997 г.

торые исполнены всякой неправды, исполнены зависти, ревности и злосмрадных страстей, почитают святыми и бесстрастными весьма многие, имеющие неочищенное душевное око и не могущие познать их от плодов их.

Пребывающих же во благоговении, добродетели и простоте сердца, истинно святых — пренебрегают, как бы обыкновенных людей, оставляют их без внимания и презирают, вменяют за ничто. Таковые говорливого и тщеславного признают учительным и духовным, а молчаливого и хранящегося от празднословия провозглашают невеждою и безгласным. Высокомудрые и недугующие диавольскою гордостью отвращаются от говорящего Святым Духом, как от высокомудрого и гордого, более ужасаясь слов его, нежели умиляясь от них; напротив того, они очень похваляют и приемлют тонкословствующего из учения своей или чрева (под словом “чрево”, по объяснению свт. Игнатия, здесь надо понимать плотское состояние), и глущего против спасения своего”*

“Притворство очень нравится слепотствующему миру, привлекает к себе похвалу, уважение, доверенность человеков,” — пишет свт. Игнатий**. “Святые различными способами скрывают свои добродетели. Неглубокие люди не могут их понять, и поэтому понимают их неправильно”, — говорит афонский старец Паисий (1924–1994).

Человек, об аскетических воззрениях которого преподобный Варсонофий Оптинский отозвался следующим образом: “Не читая книг еп. Игнатия (Брянчанинова), невозможно понять современное монашество, его дух и направление”, — фактически находился в опале. Буквально несколько архиереев из современников свт. Игнатия сочувствовали ему. Среди них — святители Феофан Затворник Вышен-

ский* и Иннокентий Херсонский**.

Современники свт. Игнатия не вмещали его учения, строго основанного на Св. Отцах, вытекавшего из учения святоотеческого. Оно казалось им чем-то революционным, каким-то новшеством. Впрочем, и учение Господа нашего Иисуса Христа Его современниками было также воспринято, как нечто революционное, Его обвиняли в том, что Он пришел *разорить закон и пророков* (Мф. 5; 17).

Диавол ненавидит монашество лютой ненавистью. Везде, где только может, он пытается монашество уничтожить или хотя бы как-то навредить ему. Где не получается навредить открыто, диавол щитится подменить великий подвиг монашества его профанацией.

В начале XX века мнения прямых противников монашества, в основном из среды вольнодумной интеллигенции, вылились на страницы Российской периодической печати. В церковной и светской прессе развернулось широкое обсуждение вопросов, свя-

Г

занных с монашеской жизнью. Поднимались самые разнообразные темы: от того, какими должны быть современные монастыри и как они должны служить миру, до того, нужны ли монастыри вообще.

В 1909 г. постановлением Св. Синода специально для решения этих вопросов в Троице-Сергие-

* Живя в Москве, писатель был прихожанином нашего храма; у нас, на Лазаревском кладбище, была похоронена его мать. Будучи отроком, в нашем храме Сошествия Святаго Духа на апостолов, во время причащения Святых Таин он увидел парящего голубя.

вой Лавре впервые был созван Съезд монашествующих, главной задачей которого была выработка мер для поднятия духовной жизни в монастырях. На Съезде присутствовали представители нескольких десятков наиболее значительных в духовном отношении монастырей. Практически ни одно из принятых на Съезде решений не было проведено в жизнь. С 16 по 23 июля 1917 г. состоялся и второй монашеский съезд под председательством еп. Феодора (Поздеевского), который еще менее смог повлиять на жизнь иноков, а грянувшая вскоре революция уничтожила сами монастыри. Но их насельники, переполнившие тюрьмы и лагеря, своим исповедничеством и мученическим подвигом лучше всего опровергли все обвинения и клеветы и явили внутреннюю силу и жизненность монашества, защищать которое нужно не словами.

Надеемся, что наши книги будут интересными для читателей, помогут им обрести ориентиры в современной духовной жизни, которая крайне

* Из доклада на Глинских чтениях в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя 31 января 2002 года. Впервые статья была опубликована в Журнале Московской Патриархии, № 10, 2002. С. 42–47.

затруднена отсутствием подлинных духоносных наставников.

Надеемся, что особенно желанными наши книги будут в монастырях Русской Православной Церкви, которые в наше время начинают восставать из руин, возрождаться духовно, некоторые буквально на пустом месте. Думаем, что для них всякое упоминание об обителях старой, неразрушенной России явится ценным и поможет в деле возрождения. Преподобный Варсонофий Оптинский говорил, что обитель будет стоять до тех пор, пока там почитают память основателей и подвижников, в ней просиявших. Почитать — это значит заботиться и о том, чтобы их имена и подвиги знал церковный народ. Это наш долг перед святыми предками.

Святая преподобномученица Великая Княгиня Елизавета Феодоровна Романова так говорила в страшные годы гонений и разорения страны: “Великой России больше нет, но Святая Русь не может погибнуть”. Русский писатель-христианин и выдающийся мыслитель Ф. М. Достоевский так писал о монашестве: “И сколь подивились бы, если скажу, что от сих кротких и жаждущих уединенной молитвы, выйдет, может быть, еще раз спасение земли Русской. Ибо, воистину, приготовлены в тишине, на день и час, месяц и год. Образ Христа хранят пока в уединении своем, благолепен и неискажен, в чистоте и правде Божией”*.

Проблемы современного иночества

Райские сады не растут в одночасье*

Сегодня существует множество собраний, подобных Глинским чтениям, но Глинские чтения — единственная попытка обратиться к духовно-нравственному потенциалу монастырей с целью приложить это многовековое богатство к реалиям современности, найти в нем ответы на насущные вопросы о смысле жизни, о том, как нужно строить современную жизнь, возрождать Россию, образование в ней и каждого человека. Будучи монахом, я хотел бы поговорить о монастырях, поскольку они представляют собой училище нравственности не только для их насельников, но и для очень многих людей, которые туда приезжают.

Глинская пустынь — образец русского монастыря второй половины XX века. Хотя в этот период она просуществовала и недолго (была закрыта в 1961 году), но ее опыт необходимо изучить в тех обителях, которые возрождаются сегодня.

Здесь присутствуют те, кто посещал монастыри в качестве паломников или туристов; юноши и девушки, которые в будущем думают связать свою жизнь с монашеством, а также пастыри, которые воспитывают и готовят своих духовных чад к вступлению в монастырские братства. Поэтому мне хотелось бы рассказать вам о тех трудностях,

которые испытывает современное монашество. Для монахов то, что я скажу, не новость, но люди мирские, даже воцерковленные, вряд ли представляют себе, что ожидает тех, кто собирается поступить в современные обители. Наверное, я имею право коснуться этих проблем, так как был пострижен в одном из таких монастырей. Не будем вспоминать экономические трудности; они известны всем здесь присутствующим. Поговорим о проблемах более значимых: внутреннего, духовного порядка.

Отличие форм жизни современного монашества от иночества древнего и даже монашества XIX века весьма существенно. Еще святитель Игнатий (Брянчанинов), еп. Ставропольский, говоря об упадке духовности в современных ему монастырях, указывал на то, что иноки приходят в монастырь из мира, где они воспитывались до этого, с теми взглядами и страстями, которые получили в миру. Если монашество XIX века, монашество времен духоносных Глинских старцев и святителя Игнатия — все-таки монашество благочестивой великой России, то современные иноки выросли в советской стране, в безбожном обществе, в семьях, где к религии относились, если и не враждебно, то, в лучшем случае, равнодушно. Эти люди приходят в святую обитель, по сути дела ничего не зная, представляя монашество по книгам, иногда движимые некими романтическими идеалами. Естественно, они ничего не умеют и начинают духовную жизнь почти с нуля. Некоторые уходят сразу, поняв, что монастырь — совсем не то, что рисовалось им в мечтах. Но многие остаются. И это уже Божие чудо.

Еще одна существенная проблема современных монастырей заключается в том, что в них утеря-

на преемственность традиций. Почти все прежние монахи были расстреляны, погублены, сосланы, замучены в советских лагерях и тюрьмах. Очень мало осталось тех, кто выжил, пройдя жернова советского времени. Делалось все, чтобы уничтожить Церковь, и, прежде всего — чтобы уничтожить монашество, так как его представители небезосновательно считались самым крепким оплотом православной веры. На монастыри был направлен один из главных ударов дьявола. Поэтому нет ничего удивительного в том, что до нашего времени почти никто не дожил. Приходится начинать сначала.

Послушник Иоанн Маслов, будущий схииеримандрит Иоанн, попал еще в обстановку здравую, в тот монастырь, который возродили насельники еще дореволюционной Глинской пустыни. От юности он слышал предания старцев о тех благодатных явлениях, которые происходили в этом святом месте, о чудесах, которые там совершались, о насельниках и подвижниках этой обители, видел примеры благочестия. Современный же послушник ничего этого не видит. Он приходит в разоренные стены. Игуменом зачастую является человек, который ничего не знает о монашеской жизни, в лучшем случае это вдовый приходской священник. Если настоятель обители начало своей монашеской жизни положил в монастыре, это уже милость Божия.

Молодой человек попадает в общество таких же юношей, которые ничего не знают о монашеской жизни, кроме, может быть, того, что прочитали в книгах. Но книги весьма отличаются от реальности уже потому, что были написаны много веков назад, когда была совсем другая жизнь. Возможно, кто-то в миру имел духовника-монашествующего и чему-то научился от него, но и это — большая редкость. Нет

той школы, нет того духа, который воспитывал послушников древности. Их воспитывали самые уставы, сам уклад жизни, пример тех седых иноков, состарившихся в духовном подвиге, которые, может быть, не были преподобными отцами, но, тем не менее, были настоящими монахами.

Особенно серьезна проблема, которую Святейший Патриарх Алексей обозначил на епархиальном собрании духовенства г. Москвы 2001 года и которую свт. Игнатий Ставропольский называл самой главной причиной современных монашеских скорбей: отсутствие духоносных старцев-руководителей, опытных духовников, отсутствие учителей монашеской жизни. И, к сожалению, здесь пока ничего нельзя сделать, можно лишь терпеливо ждать.

Молодые приходят в монастырь в надежде, что их тут всему научат: молиться, правильно поститься, заниматься богомыслием, научат рассуждению, смирению, послушанию, другим добродетелям и иноческим деланиям. Однако в действительности до всего придется доходить самим, в лучшем случае — с помощью отеческих писаний. Юный послушник должен многое сделать сам, чтобы узнать, что такое монашество, должен сам дойти до этого, в основном, через скорби: по-другому не бывает.

И это только некоторые из множества проблем современных обителей. Так, может быть, вообще невозможно спасение в современном монастыре? Может быть, и не стоит возрождать обители? Да не будет.

Святитель Игнатий Ставропольский, великий учитель монашества нашего времени, отец современного иночества, говорит, что когда нет духоносных наставников, таковыми руководителями являются писания преподобных Отцов древности, ко-

торые были совершенными, святыми монахами. Писания их можно уподобить некоему мудрому духоносному старцу, постоянно находящемуся в келье современного инока. Но эти книги, говорит свт. Игнатий, должно читать при совете единокровного брата, а не толковать самочинно своим лжеименным разумом. Кто же этот единокровный брат? Это человек, который уже не один год пробыл в монашестве, желательно — в священном сане, понимающий Святых Отцов, усвоивший себе их дух и направление, способный применить их советы к современности и сам преуспевший в такой жизни. В идеале — это монастырский духовник. Но в реальности таких духовников в обителях сегодня недостаточно. А ведь они нужны ничуть не меньше, чем рассудительные игумены. В некоторых монастырях заботятся о том, чтобы найти такого духовника, но в некоторых, особенно женских, — совсем не заботятся.

В монастыре, где я полагал начало своей иноческой жизни, был такой случай. Наступил двенадцатый праздник, и все иеромонахи заболели, а наместник сказал: “Братия, хорошо бы всем причаститься в великий праздник. К сожалению, поскольку я один здоров из всех наших священников, мне придется вас исповедовать самому. Вы уж меня простите, пожалуйста. Вы знаете, что я делаю все для того, чтобы найти духовника, но пока опытного духовника нет, а все остальные заболели, поэтому уж придется вам принести исповедь мне”. И еще раз извинился. Меня это покорило: я проникся большим доверием к этому пастырю, который не предлагал себя в духовные отцы, в наставники, в руководители, он понимал, что его дело — это административная деятельность, которая сама по себе весьма тяжела. Такой шаг показал истинное

смирение этого человека, и все мы со временем прониклись уважением к о. Евлогию (ныне — архиепископу Суздальскому), и некоторые сами стали ходить к нему и спрашивать советы о духовной жизни.

Не в силах человеческих сделать так, чтобы в одночасье появились опытные духовники, смиренные, рассудительные подвижники. Господь Сам Себе избирает таковых на служение, призывает их и воспитывает. Сам ведет Своими путями, большей частью, крестными.

Можно ли что-либо сделать для возрождения — я не говорю старчества, но хотя бы какого-то более или менее удовлетворительного духовного руководства в святых обителях, которое существенно необходимо для возрождения русского иночества? Прежде всего не должно мешать этому. Часто миряне или люди, облеченные высоким саном (церковным или мирским), вмешиваясь в такое тонкое дело, как духовная жизнь, из благих побуждений навязывают свои условия, но только все портят. Не надо спешить, нужно создать условия, при которых инок мог бы вырасти. Ведь вырастить настоящего духовного монаха-делателя не менее, а может быть, и более трудно, чем вырастить профессора в какой-либо научной области.

Не нужно без особой нужды переводить иноков из монастыря в монастырь. Зачастую бывает так: человек пришел в обитель, побыл там два-три года, принял постриг, священный сан, показал себя благоговейным, хорошим иноком. Его тут же дела-

* См. Иером. Серафим (Кузнецов). Первый Всероссийский съезд монашествующих. Воспоминания участника. М. 1999.

ют настоятелем нового монастыря. Ему еще только-только начали открываться тайны духовной, молитвенной жизни, а на него возлагают административную ответственность, и тем самым разоряют то, что было начато. Необходимо выждать хотя бы 5–8 лет, в идеале — лет 20, как было в древности, и тогда такой монах может стать полноценным руководителем других иноков ко спасению.

Может быть, не нужно спешить открывать так много монастырей? Где-то действительно нужны новые обители, а где-то стоит подождать, не рассеивать людей, не распылять средства, создавая искусственные трудности. Не нужно спешить рукополагать новопостриженных иноков в священный сан, делать их духовниками, заставлять заниматься общественной, благотворительной деятельностью. Последним более должны заниматься миряне, белые священники. У монастырей свое, во многом уникальное назначение. А прежде всего — задача возрождения их самих, возрождение обителей, где совершалась бы ежедневная литургическая молитва, куда приезжали бы паломники, где назидал бы сам дух и строй монастыря, назидал бы один вид его насельников. Для этого нужно время и неисчислимы труды. Я уже не говорю о материальных средствах. Нужно предоставить иноку, пришедшему в обитель, возможность для молитвы, возможность хотя бы относительного уединения. Не надо загружать иноков несвойственными им делами. Не менее важно предоставить им возможность изучать творения Святых Отцов Православной Церкви, аскетов, которые исполнили Евангелие своей жизнью.

Только тот может действительно руководить другими, кто сам исполнил заповеди, а чтобы исполнить, нужно сначала правильно понять их со-

гласно Преданию, традициям Православной Церкви, и никак иначе. Для этого необходимо общение с современными подвижниками, которые, хотя и редко, но все-таки встречаются нам. Хорошо бы, чтобы настоятели монастырей предоставляли своим инокам возможность такого общения, отпускали их по святым местам не с туристическими целями, даже не просто помолиться у святыни, но именно поискать подвижников, которые сохранили преемственность, которые видели старцев, которые сами воспитывались на святоотеческих творениях. Хорошо бы приглашать таких подвижников погостить в свои монастыри, предоставив братии возможность общаться с ними, попросить провести общую беседу с насельниками на аскетические темы. Возможно, стоит возродить монашеские съезды, два из которых состоялись в начале XX века в Троице-Сергиевой Лавре*. К сожалению, доброе начинание было прервано революцией, смутами и гонениями. Сейчас, как никогда, необходимо, чтобы иноки собирались и свободно обсуждали свои проблемы, помогали друг другу.

Революцией было прервано еще одно доброе начинание — периодические издания для иночества, такие, как журналы “Монастырь” и “Русский инок”, где, наряду со святоотеческими наставлениями печатались жития современных подвижников и их советы относительно духовной жизни, опытные духовники решали духовные проблемы, порождаемые современными обстоятельствами. Сегодня подобные издания актуальны как никогда. Они были

* Автор статьи готовит к изданию книгу, где рассматривается подробно такое явление, как приходское монашество, его сегодняшний день и перспективы.

бы полезны не только тысячам монашествующих, которые являются насельниками монастырей РПЦ, но и многим тысячам тех, кто желал бы связать свою жизнь с монашеством, но пока еще готовит себя к этому и находится в миру. Для последних такое издание незаменимо, если учесть главную духовную проблему сегодняшнего дня: отсутствие духовных или даже просто сколько-нибудь опытных руководителей.

Вокруг такого издания могли бы консолидироваться лучшие силы современного русского монашества, посредством его послушники и миряне могли бы находить себе духовников. На страницах журнала помещались бы переводы аскетических творений современных греческих подвижников, их жизнеописания, сведения о современных монастырях РПЦ и других Поместных Церквей, выносились бы на общее обсуждение проблемы современного иночества. Необходимость такого издания, где монашествующие свободно могли бы высказать свое мнение по тем или иным вопросам, как аскетическим, так и общецерковным, назрела давно, но без воли священноначалия оно не может быть предпринято, так как инициатива монашествующих связана долгом послушания.

В журнале можно было бы рассматривать вопросы, актуальные не только для монашествующих, но давать ответы и мирянам, например, по проблеме пресловутого ИНН и другим волнующим ныне Церковь вопросам. Влияние такого журнала на мирян было бы огромным, так как слово монаха исторически пользуется особым авторитетом.

Стоит обратить внимание и на такое явление XX века, как приходское монашество. Оно возникло в России как следствие гонений на Церковь и монастыри: иноки вынуждены были спасаться на прихо-

дах, поскольку обители были разорены. При приходских храмах они созидали маленькие монастыри и скиты, даже отшельнические, потому что в деревне, где три дома и четыре старушки, священник-монах — это, без преувеличения, настоящий отшельник. Приходское монашество существует не только в России, но и в других православных странах, например, в Греции. Это реалии нашего времени. Иноки несут служение ближним на приходах несколько иначе, чем белые священники, и вносят в духовную жизнь своей паствы живую струю*. Опыт показывает, что лучшие, наиболее самоотверженные миссионеры бывают из монашествующих.

Необходимо изучить опыт Поместных Церквей в том, что касается монашества, обобщить его, чтобы в современных монастырях РПЦ можно было к нему обратиться.

Назрела необходимость ученым инокам написать и издать подробную историю монашества XX века, где будет описан и осмыслен подвиг монашеской жизни в России и вообще в православном мире: преподобномученичество, исповедничество и подвижничество иноков XX века.

Большая ошибка современных монастырей — копирование уклада экономической жизни XIX века. Мы живем совсем в другом мире. Нельзя надеяться на спонсоров, потому что это люди большей частью малоцерковные, порой неверующие. Раньше у благочестивых купцов и дворян считалось почетным жертвовать на святые обители для спасения своей души. Сейчас же большей частью люди создают себе “имидж”. Обратимся к истокам иночества:

* В настоящее время материалы об иг. Никоне (Воробьеве) поданы для рассмотрения в Комиссию по канонизации святых Русской Православной Церкви.

иноки зарабатывали хлеб своими руками, строили монастыри своим трудом. Для этого не надо плести цинковки или заниматься сельским хозяйством, которое на самом деле нерентабельно и сегодня во всех цивилизованных странах существует за счет дотаций государства. Но возродить какие-то производства вполне возможно и, если привлечь мирян-специалистов,— нетрудно. Таким образом, монастыри будут иметь свой постоянный доход и не будут ни от кого зависеть.

Не будем здесь говорить о женских монастырях. Это особый большой разговор. Особенности женского менталитета усугубляют в этих обителях все те проблемы, о которых я кратко упомянул.

В современном русском монашестве существуют не только проблемы. Все же больше хорошего. В целом монашество возрождается. Те проблемы, с которыми приходится сталкиваться,— неизбежные болезни роста. Монашество обязательно возродится, потому что, несомненно, на это есть воля Божия. Не будем уподобляться безумному мужу, который, посадив прекрасное, драгоценное растение, каждый день приходит, вынимает его из земли и смотрит, пустило ли оно корни. Подождем, пока послушники станут настоящими монахами, которые смогут “творить и учить” (см. Мф. 5; 19). Ждать нужно терпеливо, и тогда обязательно из наших монастырей снова выйдут и мудрые архипастыри, и преподобные игумены, и богومудрые старцы-молитвенники; не в одночасье, не сегодня, не завтра, может быть, даже и не через десять лет, но иночество принесет свой плод.

* Творения свт. Игнатия. Т. V. М. 1998.

Покаянием жива Церковь

О книге писем
игумена Никона (Воробьева)*

*Спаси мя, Господи,
яко оскуде преподобный
(Пс. 11; 2)*

Во все века христианства самым важным вопросом для любого православного человека был вопрос о спасении: “Как жить, что делать для того, чтобы спастись? В первые века на этот вопрос вслед за апостолами вопрошающим непосредственно отвечали живые носители благодати: богодухновенные Отцы и учителя, духоносные старцы-подвижники. По мере оскудения духовности среди христиан

* Изучение истории монашества показывает, что бывали периоды, когда оно приходило в упадок, но затем Промыслом Божиим переживало расцвет и возрождение. Книга судеб Божиих для нас, смертных, покрыта непроницаемым мраком, но отчасти причины этого явления Господь открыл основателю общежительного монашества преп. Пахомию Великому (IV в.) в следующем видении:

“Видел он великое множество иноков, совершавших путь во рву, крайне глубоком и стремнистом. Одни из них, желая выбраться оттуда, встречали преграды и стояли в нерешимости; другие, блуждая туда и сюда, ударялись друг о друга лбами, потому что место то было покрыто густою тьмою; третьи, выбившись из сил, падали в изнеможении; четвертые, не зная, как быть, испускали лишь плачевные

ских народов, оскудевали среди них и столпы благодати. По мысли свт. Игнатия Ставропольского, Отцы первых веков, предвидя это оскудение, для того, чтобы не оставить без назидания нас, христиан последних времен, написали свои богодухновенные творения, руководствующие на пути ко спасению.

Но каждая эпоха ставит свои вопросы. Духовная жизнь, вечная по существу, в разные века принимает различные формы. На эти изменения указывает в своих творениях свт. Игнатий (Брянчанинов).

“Внимательно читавший сочинения Святых Отцов о монашестве, удобно заметит, что Отцы составляли свои наставления, применяясь к обстоятельствам времени и к положению тех иноков, кото-

вопли; и разве очень редкие, после страшных усилий, успевали выбраться на свет Божий из этой мрачной бездны, выражая великую свою о том радость живыми чувствами благодарения Богу.

В то же время дано было ему уразуметь и значение всего виденного. Он понял, что число иноков, держащихся его устава, увеличится до чрезмерности, но что вместе с тем внутренняя жизнь среди них крайне ослабеет; что нерадивые возьмут верх над ревностными и станут утеснять их; что невежество, нечувствие и разленение заступят место совершенств духовных, какими теперь украшаются все иноки; что большая часть зла произойдет от недостатка хороших настоятелей, места которых будут занимаемы лицами честолюбивыми, неспособными вести других к совершенству по недостатку опытности и нехотению самим проходить путь, который должны бы указывать другим; что они будут добиваться сих мест непрямыми путями, споря друг с другом и внося смуты в обители; что при этой борьбе честолюбцев злые будут преследовать добрых, которых, нако-

рым они посвящали труд свой. По этой причине и в цветущие времена монашества невозможно было каждому иноку приложить к себе сряду все, что написали Отцы; тем более такое приложение невозможно в наши времена”*.

О том, что творения древних Отцов ныне нужно читать с большим рассуждением и что советы, которые давались христианам первых веков во

нец, едва можно будет жить в монастырях и они должны будут умолкнуть.

Преподобный Пахомий, узнав, какое в последние дни будет среди иноков небрежение, леность и помрачение, и падения и что в них будет только наружность иночества, рыдал о том горько. Он воззвал тогда ко Господу:

“Увы, Господи! Если такова будет участь устроенного мною чина иноческого, то для чего и повелевал Ты мне учредить его? Если настоятели будут так худы, каковы же будут те, которые будут состоять под их управлением? Когда слепец поведет слепца, не впадут ли они оба в яму (см. Лк. 6; 39)? Выходит, я напрасно трудился. Помяни, Господи, труды мои и труды братьев моих, с таким усердием и верностию живущих по моему уставу. Помяни, Господи, обетование Твое, в коем обещал Ты до конца веков сохранить духовное потомство мое. Ты ведаешь, Боже мой, что, с тех пор, как облекся я в иноческий образ, никогда не давал себе вдоволь ни хлеба, ни воды, ни сна”.

Услышал он глас, сказавший ему: “Пахомий! Ты хвалишься слишком много, тогда как и ты — то же, что и всякий человек. Проси милости для себя самого, и не забывай, что, если бывает что, бывает по милости Моей”. Тогда преп. Пахомий, простершись на земле, воззвал: “Праведен еси, Господи! Умоляю смиренно благость Твою помиловать меня и никогда не отвращать от меня лица Твоего! Верую, что никто не может постоять, если Ты не благоволишь поддержать его”.

многим уже неисполнимы для нас, говорят почти все подвижники последнего времени, например, святители Феофан Затворник, Филарет Московский и другие. То же пишет и игумен Никон (Воробьев; 1894–1963), чьи письма были опубликованы в книге “Нам оставлено покаяние”. Развивая эту мысль, он говорит, что сейчас уже не только писаниями древних, но и писаниями более близких нам по времени святых нужно пользоваться с рассуждением: “Учиться надо и молитве, и вообще христианству у Игнатия (Брянчанинова). Лучшего учителя для на-

Явился ему Господь Иисус Христос и сказал: “Дерзай, Пахомий, и крепись, ибо семя твое духовное не оскудеет до скончания века, и многие из тех, кто придут после тебя, из глубины того мрачного рва Моею помощью спасутся и явятся выше нынешних добродетельных иноков. Ибо нынешние наставляются примером твоего жития и просвещаются добродетелями, а те, кто будут после тебя, виденные тобой во мрачном рве, не имеющие наставников, способных вывести их из мрака, собственным своим произволением отскочив от тьмы, усердно пойдут светлым путем Моих заповедей и явятся угодными Мне. Иные же напастями и бедами спасутся и сравняются с великими святыми. Истинно говорю тебе: они получают то же спасение, что и нынешние иноки, совершенно и непорочно жительствующие”. Господь обещал, что, несмотря на нравственный упадок среди иноков преп. Пахомия, который дано было ему провидеть, Он навсегда сохранит святой род истинных чад его духовных, что в обителях общежительных, которых родоначальником был преп. Пахомий, исполнялось во все времена и исполняется доселе”. Древние иноческие уставы. М. 1994. Житие преп. Пахомия на славянском языке.

шего времени нет. Но и он стал почти недоступен современным христианам” (письмо № 57).

Вот некоторые причины современного духовного оскудения, указанные духовными писателями:

— оскудение духовных наставников, ведущее к почти повсеместному отсутствию здравых понятий о духовной жизни и искажению самих основ духовности;

— отсутствие делателей молитвы Иисусовой и живых примеров благочестия;

— оскудение физических сил и здоровья, по

* Некоторые называют в числе духовных писателей еп. Варнаву (Беляева), однако справедливо ли это? Издатель его книг почему-то умалчивает о том, что он не состоял в общении ни с какими законными церковными юрисдикциями, православные храмы не посещал, в них не причащался — то есть являлся раскольником, иерархии не признавал. Самый известный труд еп. Варнавы носит несколько странное название: если об основах духовной жизни может говорить любой христианин, то человек, желающий преподавать другим “Основы искусства святости” (Н. Новгород, 1996), видимо, предполагает, что обладает этим искусством. Автор проделал огромную работу, собрав множество цитат из творений Святых Отцов. Но его собственные советы и выводы из святоотеческих текстов вызывают недоумение. Некоторые страницы напоминают произведения Фомы Кемпийского и подобных “учителей”. Проявляя нездоровый интерес к определенным физиологическим областям, автор доходит до кощунственных сравнений. Человеку целомудренному это стыдно читать. Еп. Варнава муссирует со всяческими подробностями, на нескольких страницах, в частности, исправление естественной нужды (глава “Аскетическая физиология тела”). В этой же главе он призывает пот из физиологического явления “обратить в благо-

причине чего пост и другие телесные подвиги сделались для нас невозможными в той форме, в какой они проходились христианами первых веков;

— при внешнем, кажущемся расцвете монастырей,— глубочайшее расстройство монашества;

— самое главное — отсутствие произволения к духовному подвигу у современных христиан, к сожалению, даже у тех, кто должен быть солью христианства,— монашествующих.

Есть и другие причины*.

Именно по причине этого оскудения совре-

датное”, считая его обязательным в духовной жизни. Телесному подвигу придается чрезмерное значение. Автор, например, предлагает всем подготовиться к Св. Причастию “должным образом”, то есть ничего не вкушать и не пить в течение недели, соблюдая при этом Великий пост по уставу: в субботы и воскресения — дважды в день трапеза с елем, в остальные дни — сухоядение один раз в день, вечером. По прочтении книги остается впечатление, что автор находился в глубочайшей прелести, а скорее всего, был просто болен. Великой благодарности будет заслуживать человек, который даст подробный духовный анализ всех творений еп. Варнавы, и лучше бы, если бы он был врачом-психиатром. Глубокую тревогу вызывает то, что книги еп. Варнавы пользуются большой популярностью, издаются и переиздаются, на них ссылаются, они цитируются во многих книгах и журналах серьезными авторами, даже в епископском сане, читаются за трапезой в монастырях. Епископа Варнаву называют великим подвижником XX века. Все это отражает глубокую духовную болезнь современной Церкви, состоящей большей частью из людей неофитствующих, не знакомых с творениями Святых Отцов и составляющих мнение о святоотеческом учении по таким писаниям, как книги еп. Варнавы.

менные христиане особенно нуждаются в наставлениях, созвучных древним Отцам, проникнутых их духом, содержащих мысли Святых Отцов, но выраженные современным языком, изложенные применительно к понятиям нашего невежественного времени. Эти пояснения к святоотеческим писаниям могли бы дать лица, опытно прошедшие указанный Отцами путь; не по букве, а по духу постигшие святоотеческие заветы и деятельно исполнившие их. Как власть имеющие, а не как книжники и фарисеи, они научили бы и нас этому исполнению: *Тот, кто сотворит и научит, великим наречется в царствии не-*

Христос и сказал: “Дер-бесном (Мф. 5; 19). Где же почерпнуть в твое духовное не оску-наше время такие наставления?”

е из тех, кто придут после ХХ век — век мучеников и исповед-
рва Моею помощью спа-ников. Милость Божия, величайший Бо-
добродетельных иноков. жий дар современным христианам —
примером твоего жития и сонм Российских Новомучеников. Свои-
те, кто будут после тебя, ми страданиями они прославили Бога,
е, не имеющие наставни-пронесли веру Христову пред мучителя-
прака, собственным своим ми и богоотступниками. Ярким огнем го-
мы, усердно пойдут свет-ревшая их вера явилась путеводной звез-
одными Мне явятся. Иные дой к Богу для многих наших современ-
ся и сравниются великим ников. В той или иной мере гонения кос-
они получают то же спасе-нулись каждого христианина, жившего в
ершенно и непорочно жи-ту тяжелую, но благодатную эпоху. Из
, что, несмотря на нравств-среды Новомучеников нам воссияли глу-
еп. Пахомия, который да-бокие богословы, замечательные пропо-
егда сохранит святой род ведники. Их богословие выковалось и за-
о в обителях общежитель-

и был преп. Пахомий, ис- * “Для иноческих духовных успехов необ-
лняется доселе”. Древние ходимо мирное состояние обителей”, — пишет
ие преп. Пахомия на слав. свт. Игнатий в Годовом отчете о состоянии
Кавказской епархии за 1858 г. (цит. по газете
“К Свету”, № 11–12, 1994). О том же пишет

блистало в горниле страшных испытаний. К сожалению, многие страницы их творений безвозвратно утеряны. Но то, что осталось, обогатило Церковь на века.

К великому сожалению, несмотря на такое богатство и многообразие богословской и проповеднической мысли в Русской Церкви, XX век практически не дал нам образцов аскетической литературы. Конечно, многое по непостижимым судьбам Божиим пока остается под спудом и ждет своего времени, чтобы явиться миру. Ныне же из последних известных в России аскетических произведений значительными можно назвать лишь “Мою жизнь во Христе” св. прав. Иоанна Кронштадтского (книга, принадлежащая более к XIX веку) и книгу “Преподобный Силуан Афонский”*.

К таким произведениям можно отнести и книгу писем иг. Никона (Воробьева). В ней собраны письма к разным лицам, мирянам и монашествующим, их духовного отца. Автор писем вряд ли помышлял о том, что они будут когда-нибудь изданы. Поэтому, не опасаясь никакой цензуры, он высказывает откровенно и нелицеприятно все, что думает. В этом большая ценность писем.

Книга родилась во время гонений. Письма датированы концом сороковых — началом шестидесятых годов. Массовых расстрелов и арестов духовенства и верующих тогда уже не было, но гонения на религию продолжались. Монастыри были почти повсеместно закрыты и разорены. В тех немногих, которые чудом уцелели, было очень тяжело. Тихой и мирной жизни, столь необходимой для духовного делания, не было ни в одной обители*.

По этой причине тысячи монашествующих, вернувшихся из заключения и ссылки, потерявших

там здоровье, были вынуждены жить в миру и спастись на приходах.

Отец Никон, сам проведший четыре года в сибирских лагерях, гонимый властями с прихода на приход, очень хорошо понимал их положение. Он утешает, назидает, обличает своих духовных детей, призывая к покаянию и терпению, учит молитве. В его письмах постоянно звучит мысль о том, что в наши духовно скудные времена, при почти повсеместном отсутствии духовных наставников, нам осталось только покаяние и терпение скорбей: “Нашему поколению Господом допущен путь, предсказанный давно: вера и безропотное терпение скорбей и болезней. Личный же подвиг мы не можем вынести — впадем в высокоумие и погибнем в духовной прелести” (письмо № 71).

Отец Никон так же, как и свт. Игнатий, в своих письмах уделяет очень большое внимание добродетели терпения: учит правильно преодолевать скорби, показывает, что нужно делать, какие помыслы нужно держать, утешает.

Письма о. Никона, написанные полвека назад, обращены в сегодняшний день. Это Божиим Промыслом данное нам руководство ко спасению. Письма, удивительно созвучные учению свт. Игнатия, уникальны.

Так же, как и во время игум. Никона, сейчас многие монашествующие и благочестивые миряне, склонные к монашеской жизни, вынуждены жить и спастись при приходских храмах. Несмотря на то, что открыто множество обителей (свыше пятисот), жизнь в них не устроена ни материально, ни — еще

* Собрание писем свт. Игнатия, М.–СПб. 1995. № 199. С. 379.

более — духовно.

Когда один из высокопоставленных иерархов в начале 90-х годов вступал в должность, он посетил Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь. Один из духовников, имя которого известно всей России, не советовал ему открывать новых обителей, пока не будет восстановлена монашеская жизнь в уже открытых (тогда их было чуть более ста).

Отсутствие в монастырях подлинных духовных наставников, засвидетельствованное опытнейшими духовниками, приводит к тому, что их место занимают люди прельщенные или даже проходимцы. Такие “наставники” занимаются отчитыванием бесноватых, исцелением больных, при всяком удобном случае демонстрируют свою прозорливость, проповедуя крайний аскетический подвиг, представляя христианство и монашество только как неедение и неспание. Духовный настрой человека, который подолгу не ест и не спит, в наше время скорее насто-раживает, как и духовники, требующие абсолютно-го и беспрекословного послушания себе. Признаками подлинной праведности прежде всего являются смирение и любовь к ближнему.

Один из известных афонских духовников, архим. Макарий (Сушкин) при основании Ново-Афонского монастыря близ Сухуми (конец XIX века) дал следующее напутствие его строителю иером. Иерону: “В нынешнее время монахи слабы. Дьявол и так имеет много поводов, чтобы выгнать монаха из монастыря. Поэтому нужно как можно более облегчить жизнь братии. Пища должна быть достаточной. В скоромные дни — молочная и рыба. Заведи при обители сады и теплицы, чтобы круглый год на трапезе были фрукты и овощи. Для отдыха братии в свободные от богослужений и послушаний часы

нужно устроить цветники и аллеи. Аллеи пусть будут посажены вдоль побережья моря, чтобы холодный ветер не задувал. Нужно сделать все возможное, чтобы братия не уходила из обители” (“Мои дневники” архиеп. Никон (Рождественский)).

Последний настоятель Зосимовой пустыни, известный подвижник игумен Герман, когда разговор зашел о монастырской трапезе, сказал, что братию нужно кормить сытно и разнообразно, так как она трудится. Когда один известный современный духовник, постриженник Псково-Печерского монастыря, много лет проведший на Афоне, был назначен настоятелем строящейся обители, он обратился к схииерарху Иоанну (Крестьянкину) с вопросом, сколько установить трапез: две или три? К его величайшему удивлению, о. Иоанн ответил: “Четыре”.— “Батюшка, Вы шутите?” — “Нет, не шучу”.— “Благословите хотя бы три!” — “Я же сказал тебе: четыре”,— ответил о. Иоанн.

Обязанность настоятеля — накормить братию, а поститься — дело самой братии. Величайшая ошибка — налагать на современных, физически слабых иноков соблюдение строгих уставных постов. Святитель Игнатий Брянчанинов считал, что подвиг монашества вообще не дан нашему времени*. Поэтому мы, современные монахи, к сожалению, можем только смутно догадываться о том, что такое монашество.

“Монашество — великая Божия тайна” (свт. Игнатий). В древности монастыри устраивались Святым Духом через Его светильников — духоносных подвижников и старцев. Примером могут служить Тавенские монастыри преп. Пахомия Великого, основоположника общежительного монашества, монастыри преп. Венедикта Нурсийского, Великая Лавра преп. Афанасия Афонского, обители в Иверии, ос-

нованные учениками преп. Давида Гареджийского. В России таковыми явились Киево-Печерская и Троице-Сергиева Лавры, монастыри, основанные учениками преп. Сергия Радонежского, Соловецкий, Валаамский, Кирилло-Белоезерский монастыри, Саровская и Глинская пустыни, Пафнутиев-Боровский и Иосифо-Волоцкий монастыри, Тихонова пустынь и многие, многие другие. Их основатели в большинстве случаев вовсе не думали об устройстве обители. Они селились в пустыне с единственной целью — оплакать свои грехи. Но Божия благодать собирала к ним учеников, которые просили старца взять на себя труд управления обителью.

Основателем монастыря должен быть монах, который сам провел не один год в монашестве. Монах настоящий, знающий иноческую жизнь не по книгам и лекциям в семинарии. Сейчас же порой через год после Крещения принимают монашеский постриг и вскоре назначаются настоятелями. На то, чтобы человек основал обитель должно быть Божие благословение. *Не может человек на себя ничего принимать, если не будет дано ему свыше* (Ин. 3; 27). Администраторы поэтому должны устанавливать и поддерживать такие порядки, чтобы управлял монастырем Бог, вести себя так, чтобы дать в обители место Богу.

Для полноценной духовной жизни необходимо духовное общение. Церковь — это не отдельные личности, а общность, монастырь — “одна семья” (преп. Варсонофий Великий). Только в том случае будет монастырь, если будет единомыслие, единомыслие между братьями. А это возможно, когда будет человек, вокруг которого они бы собрались.

* Творения свт. Игнатия. М. 1996. Т I. Жизнеописание. С. 46, 54.

Вряд ли для создания такой духовной семьи достаточно только воли администратора.

Обычно принято считать, что чем больше человека “смирняют”, тем он становится смиреннее. Но нельзя не отметить, что в гораздо большей степени стяжать смирение помогает пример истинно смиренного и кроткого человека. Милость Божия, если кто-то имеет перед собой пример жизни такого человека. Сугубая милость — если предоставляется возможность вступить в духовные отношения через послушание человеку смиренному. Это гораздо более назидательно, душеполезно и спасительно, чем пример хамства и грубости, особенно со стороны лиц начальствующих. *С преподобным преподобен будешь, а со строптивым развратишься* (Пс. 17; 26, 27).

Настоятель обители должен душу свою полагать за братию, быть не отцом, а матерью для нее. “Братия у меня, Божиею милостью, крайне смиренная; а я стараюсь с ними быть как можно милосерднее и помнить оное Евангельское слово: *Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему послужили, но чтобы послужить* (Мф. 20; 28)”, — писал иером. Игнатий (Брянчанинов) из Лопотова монастыря. “Вы знаете, — пишет он позже из Сергиевой пустыни, — как я живу в монастыре: не как начальник, а как глава семейства”. Обители, в которых настоятельствовал архимандрит (будущий епископ) Игнатий (Брянчанинов) были примером истинной духовной семьи. Об обстановке в Сергиевой пустыни жизнеописатели святителя свидетельствуют: “Двери кельи о. архимандрита были открыты, к нему входили свободно от престарелых монахов-священнослужителей до

* См. о них: Отечественные подвижники благочестия. М. 1996. Декабрь. (II ч.), апрель.

юных послушников, вследствие чего все братство стало составлять одну великую семью, управляемую одним отцом, связанную союзом согласия и духовного единения, одушевляемую и руководимую высоким учением отца-наставника”. “Архимандрит Игнатий соединял в себе и мудрость духовную, и внешнюю власть, а потому жительство под его руководством и в его обители было драгоценным приобретением для искавших монашествовать разумно”.*

Так, собственно, и было в древних монастырях и до них — в первых христианских общинах, хранителями духа которых и явились монастыри. Все было едино: единая душа, единое сердце, все были вместе. Образцом самой первой христианской общины были апостолы Христовы с их Божественным Учителем во главе.

Для того, чтобы в обители была возможна монашеская жизнь во всей полноте, необходимо три условия: духоносный старец-руководитель; игумен, воспитанный в святоотеческих традициях, сам прошедший школу послушания и глубоко понимающий творения Святых Отцов; и чтобы при том епархией управлял бы близкий им по духу архипастырь, понимающий нужды современного монашества.

Примером такого монастыря может служить Оптина пустынь при старцах. Настоятелем монастыря был преп. Моисей, настоятелем скита — преп. Антоний, старцами являлись преподобные Лев и Макарий, позднее — Амвросий и другие. Епархией управляли митрополит Филарет (Амфитеатров) (1819–1825 гг.), ныне прославленный как местночтимый святой Украинской Православной Церкви Мос-

* Из записок Преосв. Леонида, архиеп. Ярославского. Отец современного иночества. М. 1996. С. 22.

ковского Патриархата; затем — Преосвященный Григорий (Постников) (1825–1828), впоследствии митр. Санкт-Петербургский; позже — архиеп. Григорий (Митькевич) (1851–1881 гг.), замечательный архипастырь-подвижник*. При этих архиереях Оптина пустынь расцвела, окрепла и получила известность. В ней воспиталась духоносная братия, так что впоследствии враги старчества уже ничем не могли повредить обители, хотя и пытались это сделать. Если не хватает одного из вышеперечисленных условий для нормальной духовной жизни в монастыре, братия будет неизбежно испытывать скорби.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что при отсутствии духоносных старцев-руководителей духовная жизнь в монастыре возможна, если в нем сохраняются святоотеческие заветы. *Где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них* (Мф. 18; 20). Также, где собраны двое или трое иноков, почитающих писания Святых Отцов, старающихся исполнить отеческие заветы, там духом пребывают и Святые Отцы, там пребывает дух Святых Отцов. Даже если нет духоносных руководителей, монашеская жизнь в таком обществе возможна. Но уже во времена свт. Игнатия такие монастыри были крайне редки:

“Вы не найдете в нынешнее время ни одной обители в собственном смысле слова, ибо правила Святых Отцов поражены, разъединены светскими указами; остались по местам монахи: они-то должны своим общением, святым и непорочным, восстано-

* М. 2000.

вить монашество, для которого, когда угодно будет Богу, найдутся и обители”, — говорил свт. Игнатий.

Вот уже несколько лет в России свободно восстанавливаются тысячи храмов, возникают новые обители. Церковь получила возможность заниматься благотворительной, просветительской деятельностью, жить нормальной, полноценной жизнью. Это не может не радовать верных ее чад. Тем не менее, мы не должны обольщать себя, закрывая глаза на недостатки. Пророки древнего Израиля сурово обличали отступление народа Божия от Закона. Лучшие иерархи и пастыри Русской Церкви накануне трагедии 1917 года открыто указывали на недостатки Церкви и общества, стремясь пробудить в людях покаяние — то единственное, чем живет Церковь Христова на земле.

Один из известнейших духовников Псково-Печерского монастыря считает, что нынешнее возрождение Церкви, к сожалению, пока только внешнее. Особенно это заметно в нынешних монастырях. Пройдут многие годы, пока в них воспитаются духовные старцы и талантливые администраторы.

Будем надеяться, что книга писем о. Никона, являясь духовным руководством для любого современного христианина, будет прочитана и оценена по достоинству в святых обителях и внесет свой вклад в дело возрождения русского монашества, а также неразрывно связанного с ним возрождения Православной Церкви и России.

Если возрождение Церкви пока только внешнее, то предсказанное святыми духовное возрождение еще впереди.

Великий пост. 1997 г.

ЧАСТЬ VI

Об устройении монастыря и становлении монаха

Благое и легкое иго
иноческого подвига
О книге иг. Серафима (Кузнецова)
“Мужской общежительный устав”*

Говорю это для вашей пользы и говорю не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно приступали ко Господу в безмолвии
(1 Кор. 7; 35).

Милости хочу, а не жертвы
(Мф. 9, 13).

Мужской Общежительный устав
иг. Серафима (Кузнецова)

Блаженна та обитель, в которой все руководствуется правилами и уставами, оставленными нам Святыми Отцами, но горе той, где эти правила и уставы нарушаются лицами, преданными своеволию, мирским страстям и порокам. От худых примеров самочиния происходят соблазны, развращаются добрые нравы, и все духовное общество приходит незаметно в беспорядок и расстройство. А если будет твориться беззаконие, то в таком обществе нарушается взаимная любовь и, если любви не будет, то и благословения Божия лишается то общество, так как Господь заповедал Своим ученикам

иметь взаимную любовь, если только они хотят пользоваться Его благословением (см. Ин. 13; 35). “Ибо велика пагуба душам там, где правила и управление душ не пребывают” (преп. Ефрем Сирийский). Наоборот: *Вот что хорошо и прекрасно — это жить братьям вместе* (Пс. 132; 1).

При правильной постановке общежития является единокорное жителство многих, и старых, и младших, под управлением одного. У всех одно желание и попечение о том, чтобы непрестанно угождать Богу исполнением святых Его заповедей, побеждая мир, плоть и диавола. Они живут по примеру первых христиан, имеют все общее, ничего своего не имея, за исключением, быть может, книг и икон.

Так писал в своей книге “Женские иноческие уставы” (Кунгур, 1910) игумен Серафим (Кузнецов), составитель настоящей книги.

Отец Серафим — широко известный духовный писатель, автор целого ряда книг для монашествующих. В частности, кроме настоящего труда, его перу принадлежат: “Женские иноческие уставы” (Кунгур, 1910), “Скитские иноческие уставы” (Нижний Новгород, 1910), “Первый Всероссийский иноческий съезд. Воспоминания участника” (Кунгур, 1912), “Путевые впечатления. Поездка в Иерусалим и на Афон” (Нижний Новгород, 1910), а также наиболее полное и объективное описание Белогорского монастыря. Большой популярностью пользовались его “Слова, беседы и речи” (до революции вышло 10 выпусков), книги: “Торжество долга”, “Пермский Успенский женский монастырь”. Отец Серафим сотрудничал с редакцией журнала “Монастырь” — уникального издания конца XIX — начала XX века, освящавшего жизнь и проблемы россий-

ских монастырей.

Собранные о. Серафимом материалы Первого иноческого съезда, проходившего в Троице-Сергиевой Лавре в 1909 году, впервые после октябрьского переворота вышли в нашем издательстве в 1997 году. Книга представляет собой дневник отца Серафима, участника этого мероприятия. Волею судеб Божиих, она оказалась единственной публикацией летописи съезда. Полные же его материалы, богатые и весьма актуальные для нашего времени, еще ждут своего исследователя в каких-нибудь архивах.

Отец Серафим комментирует ход съезда, приводит посвященные этому мероприятию статьи из периодической печати того времени, тексты выступлений участников, в том числе и свои. Из книги видно, как игумен Серафим болезнует о судьбе современного ему монашества и о духовном упадке православных обителей. Особенно же отмечает он отступление в монастырях от уставов и законоположений Святых Отцов Православной Церкви. Вместе с тем, он не считает, что ничего изменить нельзя и дело восстановления обителей безнадежно, почему и предлагает вниманию читателей некоторые обсуждавшиеся на Съезде меры, имеющие целью возродить в российских обителях дух Святых Отцов и восстановить монашество в его прежней красоте. Этой теме и были посвящены выступления самого о. Серафима на Первом монашеском съезде, где он полемизирует с еп. Митрофаном Елецким, отстаивая необходимость введения общежития во всех православных обителях России, как мужских, так и женских. С теми же целями по поручению Св. Синода игумен Серафим составил монашеские уставы, которыми предложил воспользоваться современ-

ным ему обителям.

Характеризуя в своих “Уставах” положение монастырей его времени, составитель предлагает средства к уврачеванию недостатков, основываясь на отеческих писаниях и опыте известных ему подвижников Православной Церкви. Отец Серафим везде последовательно отстаивает принцип общежития, считая его основой монашеской жизни. Не отрицает он, впрочем, и других форм, в частности, скитской и отшельнической, но при условии самых тесных духовных, административных и экономических связей таких обителей и иноков с общежитиями, к которым они должны быть приписаны.

Отец Серафим — большой знаток отеческих писаний, которые во множестве цитирует в своих “Уставах” и которым придает величайшее значение в духовной жизни. Особенно часты его ссылки на святителя Василия Великого, этого древнего законоположника монашества. Основываясь на древних Отцах, о. Серафим с глубоким уважением относится и к свт. Игнатию (Брянчанинову), многократно цитируя его творения.

В современной России после многих лет безбожия снова возрождаются монастыри; встают они из руин, практически на пустом месте. Есть только развалины стен, все остальное утрачено. А самое главное — утеряны традиции, прервана живая связь времен. Не везде у истоков возрождения стоят люди, которых Господь сподобил пожить в других обителях, получить там хоть какой-то духовный опыт. Большая часть устроителей нынешних монастырей может пользоваться только книгами, прежде всего, конечно, это должны быть отеческие писа-

* М. 1994.

ния. В таких условиях “Мужской общежительный устав” игумена Серафима может оказать существенную помощь в деле устроения и возрождения монастырей.

Прежде всего для тех, кому Бог благословил поднять на рамена нелегкий труд устроения святых обителей, и предназначено издание “Монастырского мужского общежительного устава”. Но оно будет полезно и назидательно и для тех, кто собирается вступить или уже вступил на путь монашеской жизни. Им эта книга поможет понять, в чем состоит монашеская жизнь, как может она видоизменяться в разные времена в разных условиях, в какой зависимости ее содержание находится от ее формы.

Чем руководствоваться при выборе устава для обители?

Выбор устава для новой обители достаточно важен, а в некоторых случаях может оказаться решающим для ее дальнейшей судьбы. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит: какое направление получит новоначальный в начале своего пути, тако-го будет придерживаться и всю последующую жизнь. Сказанное относительно одного человека справедливо и для обители в целом. Выбор ее устава в конечном итоге определит характер ее будущих насельников.

Если устав будет слишком строгим, непосильным, его не смогут исполнять. И тогда либо волей-неволей придется что-то менять, либо братия начнут покидать обитель. В некоторых новооткрытых монастырях это уже произошло. Если те, кто впоследствии мог бы послужить Богу в иноческом чине и со временем усовершенствоваться в монашеском житии, не

вынесут непосильных тягот и уйдут в мир, виновны в этом будут начальствующие лица, которые не сумели установить в обители разумные порядки и возложили на братьев бремена тяжкие и неудобноносимые (Мф. 23; 4).

Если же будет избран слишком вольный устав, в основе которого будет положено не святоотеческое учение, а модернистско-обновленческие взгляды, из обители уйдут все те, кто ищет подлинного монашеского жития. Соберутся же в нее, напротив, люди нерадивые и лукавые, под влиянием коих неопытные новоначальные или насельники, нетвердые в своем произволении, могут тяжело повредиться. Впоследствии такая обитель явится распадником не только модернистских новшеств, но и прямых ересей, а нравственность ее насельников будет соблазном для мирян и притчей во языцех. К великому сожалению, подобные примеры уже есть.

Составитель монастырского устава непременно должен свободно ориентироваться в отеческих писаниях. В целях составления устава можно воспользоваться прежде всего «Древними иноческими уставами», собранными свт. Феофаном Затворником*, а также писаниями преп. Феодора Студита, преп. Иоанна Кассиана Римлянина и других древних Отцов, писавших об общежительном монашестве. Вместе с тем, необходимо учитывать опыт позднейших Отцов, таких, как свт. Игнатий (Брянчанинов), возможно также опыт современных гречес-

* Древние иноческие уставы. М. 1994. С. 341–342.

** Преп. авва Дорофей. Душеполезные поучения. М. 2002. Вопросы преп. Дорофея и ответы, данные на них старца м и

Варсо- * Изложено по Краткому жизнеописанию иг. Серафима (Кузнецова). ЖМП. 1999. №7.

ких монастырей и тех обителей в России, которые открыты уже не один десяток лет и в которых уже устоялась монашеская жизнь, сложилось братство. Ведь времена меняются, вместе с ними меняются и формы жизни Церкви. Жизнь ставит свои вопросы, и на них необходимо найти правильные ответы, избегая соблазна уклониться от поисков, как бы не замечая перемен.

Устав должен предполагать индивидуальный подход

Необходимо учесть, что уставы древних обителей были ориентированы на духовно сильных иноков. В качестве устава было принято то, что было нормой для преуспевших подвижников. Это должно было и в других насельниках возгревать ревность к стяжанию духовного совершенства. Новоначальные же обязательно имели старцев-руководителей из числа преуспевших братьев, которые ни в коем случае не требовали от них механического исполнения всех предписаний устава, а строго индивидуально устанавливали для них правила жизни, учитывая их произволение, здоровье, происхождение, духовные познания, которые новоначальные получили в миру, степень ревности.

Святитель Василий Великий говорит в 19 правиле для общежительных иноков, что нельзя однаж-

* Творения преп. Симеона Нового Богослова. Т. I. М. 1993. Житие преп. Симеона. С. 7.

** Преп. Нил Синайский. Подвижнические письма. Кн. 2. М. 2000. Письмо № 150. Епископу Филону.

*** Отечник, составленный свт. Игнатием (Брянчаниновым). СПб. 1891. Изречения преп. Антония Великого. С. 22.

ды навсегда для всех узаконить одно время, один способ и одну меру в принятии пищи: “В душевных немощах одна мера воздержания — совершенное отчуждение от всего, что ведет к пагубному удовольствию. А в отношении яств — как у каждого своя потребность, соответствующая возрасту, роду занятий и состоянию тела, так и мера и способ употребления пищи различны. Поэтому невозможно подвести под одно правило всех, находящихся в училище благочестия. Но, определив меру воздержания для подвижников здоровых, предоставляем усмотрению настоятелей делать благоразумные перемены в оной, соответственно обстоятельствам каждого, потому что невозможно объять словом потребностей каждого, а только то, что зависит от общего и всецелого учения. Утешение же снедями больного, или утомленного трудными работами, или приготавливающегося к утомлению, например, к путешествию или к другому чему-либо трудному, должны устраивать настоятели по мере нужды, следуя сказавшему, что *раздавалось каждому, кому что требовалось* (Деян. 2; 45)”.*

Медленно, постепенно, с большой осторожностью вели старцы своих учеников к исполнению строгих требований. Это касалось как молитвенных правил, так и уставов постнических, ночных бдений, и вообще охватывало все стороны духовной жизни. Например, преп. Варсонофий Великий благословил новонаначальному послушнику, будущему авве Дорофею, при вступлении в монастырь отдать туда не все свое богатство, а оставить себе некое имение, признавая полное нестяжание несвоевре-

* Писания преп. Иоанна Кассиана Римлянина. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. С. 31.

менным для него и предполагая, что Дорофей сам откажется от него, когда будет на то воля Божия** . А о Симеоне Благоговейном, старце преп. Симеона Нового Богослова, сказано: “В строгости своей старец соблюдал благоразумную меру, заботясь и о том, чтобы его питомец не имел пристрастия даже к строгим подвигам. Для этого иногда назначал ему послушания тяжелые и уничтожительные, а иногда — легкие и почетные; иногда усиливал его пост и бдение, а иногда заставлял его принимать пищу досыта и спать вдоволь, всячески приучая его к отречению от своей воли и своеобразных собою распоряжений” .*

Из письма преп. Нила Синайского, святого пустычника IV века, явствует, что и в его времена в монастырях не только различалась степень поста, но больным дозволялось вкушать даже мясо: “И у вас самих достанет сил каждому из живущих в монастыре вашем дать должные правила. Но поскольку в письме своем вы просили меня сообщить мое мнение о пище, то признаю за лучшее — поскольку телесное сложение бывает различно, и одни больны, а другие здоровы,— установить пищу неодинаковую, соответственно силам каждого лица, и здоровым в удовлетворение потребности предлагать овощи грубые, а немного больным в утешение их — овощи садовые, крайне же изнемогшим и обессиленным в подкрепление сил давать в меру и мяса” .**

Жизнь послушника в древних монастырях днем и ночью проходила под строгим наблюдением старца. Брали благословение не только на то, сколько капель воды выпить*** , но даже на то, чтобы справиться естественную нужду*. Совершение послушником самочинных постов, молитв или бдений было

* Преп. Нил Синайский. Подвижнические письма. М. 2000. Кн. 3. Письма №№ 46, 49. С. 346.

невозможно. За самочинные “подвиги” не слушавших увещаний могли удалить из монастыря. Единственную добродетель насаждали и воспитывали старцы в новона начальном послушнике — всесвятое смирение. Они знали, что в случае преуспевания в ней все остальное приложится.

При полном отсутствии в наши времена духовных руководителей вряд ли возможна такая школа послушания. Будет даже неправильно, если современные монастырские духовники попытаются строить свои отношения с послушниками в точности по образцу древних. Тем не менее, индивидуальный подход к каждому новона начальному в отношении исполнения им требований устава должен быть сохранен.

Большинство насельников современного монастыря составляют люди, пришедшие из мира, имеющие весьма поверхностное, сбивчивое представление о монашестве, не имеющие систематического знания святоотеческих писаний или вовсе не слышавшие об их существовании, никогда не бывавшие в монастырях или, в лучшем случае, бывавшие непродолжительное время в строящихся обителях в качестве паломников. Они новона начальны во всех отношениях. Поэтому требовать с них исполнения устава во всей полноте неправильно и бессмысленно. Подавляющее большинство из них никогда не слышало о душевном подвиге и полагает, что монашество заключается в длительных молитвословиях, большом количестве поклонов, строгом исполнении глав Типикона о постах. Такой настрой, сложившийся в результате неведения, понятен, но будет большой ошибкой потакать ему и развивать его дальше.

Должно прежде всего знакомить послушни-

ков с отеческими писаниями о монашеской жизни, обучая их именно там искать идеал монашества. Необходимо воспитывать в них добродетель послушания, строго, но деликатно пресекая всякое самочиние, воспитывать уважение к старшим и заботу о ближних. Непомерные посты должны быть оставлены за воротами обители и забыты, вместе с такого же рода поклонами и бдениями: “Изощренные в лукавстве демоны не только внушают чревоугодие, но советуют соблюдать и строгое воздержание, и чрезмерные посты. При этом они имеют в виду две цели: чтобы обольщенный или, упоившись кичением, думал о себе, что по жизни он выше подвизающихся с ним братьев и наравне с коршунами возносится вверх воздержанием, или чтобы он расслабил тело, не мог приносить пользы ни себе, ни другому, а поскольку с течением времени болезнь нередко в высшей степени усиливается, погряз, наконец, в неверии, безнадежности и хуле”. “Предлагаемые братии на общей трапезе недорогие яства вкушай нелицемерно, чтобы, отказываясь от них, по простетии недолгого времени не оказаться тебе, по причине усилившейся немощи, переменявшим образ жизни и придумывающим всякого рода и вида дорогие яства, которых нет за трапезой”*.

Необходимо постепенно приводить юного послушника к требованиям монашеской жизни, помня, что он пока еще больше мирянин, чем монах, сообщая ему правильное, святоотеческое понятие о разумном аскетическом подвиге.

Нельзя плыть по старым картам

Необходимо решительно признать, что ныне невозможно во всем следовать Типикону: мы

имеем в виду не то, что касается порядка богослужения, а то, что касается бытовой жизни насельников монастырей, например, правил о посте.

Невозможно и даже неправильно требовать от братьев вкушать пищу один раз в день после захода солнца или не вкушать ее вовсе по несколько дней, как предписывает то Типикон. Нельзя требовать от всех не вкушать елей. Для современных послушников, в большинстве своем до монастыря проживавших в городах, как правило, с детства имеющих слабое физическое развитие, а также для людей пожилых воздержание от елей губительно для здоровья. Людям же, страдающим сердечно-сосудистыми заболеваниями, настоятель должен благословить вкушать елей Великим постом, даже если они этого не хотят. Воздержание от елей для таких есть не проявление веры, как они считают, а глупость, которую святой Иоанн Кронштадтский называет грехом. Более того, нельзя вышеуказанных послушников ограничить только двумя трапезами. Необходимо хотя бы разрешить им пить чай. А некоторым, если нужно, благословить и завтракать. Это касается не только немощных, но и тех, кто по долгу своего послушания должен исполнять тяжелые физические работы.

Святитель Игнатий считает, что насельники монастырей, труждающиеся на тяжелых физических работах, должны вкушать пищу досыта (но не до пресыщения).

В таком видимом нарушении Типикона не

* Преп. Феодор Студит. Малое оглашение. Слова. М. 2000. Оглашение № 56. С. 141.

** Цит. по: Иг. Серафим (Кузнецов). Женские иноческие уставы. Кунгур. 1910. С. 332.

только нет никакого греха, но и настoит необходимость. Наоборот, если хотя бы кто-то из братии заболел в результате непосильного поста, возложенного на него настоятелем или духовником, то благословивший таковой пост не только не получит никакой награды от Бога, но будет, согласно учению Св. Отцов, истязан на мытарстве убийства. К великому сожалению, во многих современных монастырях после нескольких месяцев пребывания там, братия заболевают вследствие непосильных трудов, недостатка сна и скудного питания, а в женских монастырях это явление повсеместное и, по-видимому, считается нормой. Положение усугубляется тем, что братия, как правило, лишена достаточной медицинской помощи; лечиться даже считается чем-то зазорным. А там, где все же не возбраняется лечиться, как правило, не выделяют на это денег, предлагая поискать их самим.

Мы полагаем, что настоятель обязан заботиться о телесном здравии братий не меньше, чем о здравии душевном, и делать в этом отношении все от него зависящее. Он обязан быть для своих братий отцом и матерью. Известен случай из патерика, когда один святой старец проделал долгий путь в Александрию и обратно, чтобы принести заболевшему иноку свежего хлеба, поскольку ни у кого из братий, питавшихся сухарями, свежего хлеба не оказалось. Если потребуется, то должно предоставлять заболевшему брату квалифицированную медицинскую помощь, как бы дорого это ни обошлось обителю в материальном отношении. Здоровье дороже любых денег, а впоследствии всегда окупается служением насельника. Даже если рассудить с точки зрения пользы для обителя — лучше потратить некоторые сред-

* Ростом.

ства на медицину, чем через несколько лет получить общество хронически больных инвалидов, которые вряд ли смогут полноценно трудиться для монастыря и даже посещать богослужения.

Примером отношения древних игуменов к здоровью вверенной им братии может послужить одно из великопостных поучений инокам преп. Феодора Студита, святого VII века. Оно посвящено тому, чтобы, ревностно проходя постный подвиг, братия, тем не менее, не напрягались выше сил в божественных занятиях:

“Конечно, не будем напрягаться выше сил в своих занятиях, но станем вместе с бодростью духа охранять и здоровье тела. Ибо какая польза сначала быстро идти, а затем скоро пасть? Не лучше ли идти осмотрительно, обращая внимание на напряжение своего временного жилища (то есть тела)? Но так как день, проведенный в излишних усилиях, обычно вызывает равнодушие, то будем питать нашу душу благими занятиями и духовными созерцаниями, чтобы она пребывала не в мирских делах, с которыми связано легкомыслие, смятение, страдание и горечь, но в делах сладости и веселья. Сказано: *я помянул Бога и возвеселился* (Пс. 76; 3)”.*

А святитель Василий, великий аскет и учитель аскетизма, говорит следующую, заслуживающую внимания вещь: “Не подобает ратовать против тела брашном, которое должно служить к его сохранению”.**

На протяжении своей истории монашество значительно менялось, и его внешняя жизнь принимала самые разные формы. Этого не стоит пугаться, так как, по слову святителя Игнатия (Брянчанино-

* Отец современного иночества. М. 1996. С. 29.

ва), Дающий спасение даст и формы его достижения. Монашество времен свт. Игнатия весьма отличалось от монашества времен преп. Сергия, а российское монашество начала XX века уже сильно отличалось от монашества времен свт. Игнатия, что хорошо видно по книге игумена Серафима “Первый иноческий съезд”. Современное же монашество — уже нечто совсем иное. По непостижимому Промыслу Божию, тому есть свои причины, и не только духовные. Еще св. пророк Ездра, живший за 500 лет до Рождества Христова, возвещал:

Он сказал мне: “Я дал недрам земли способность посеянное на ней возвращать по временам. Как младенец не может производить того, что свойственно старцам, так Я устроил созданный Мною век”. Тогда я спросил Его и сказал: “Мать наша (земля), о которой Ты говорил мне, молода ли еще или приближается к старости?” — “Спроси об этом рождающую, и она скажет тебе. Скажи ей: “Почему рождаемые тобою ныне не подобны тем, которые рождены были прежде, но меньше их ростом?” И она скажет тебе: “Одни рождены мною в крепости молодой силы, а другие рождены под старость, когда ложесна начали терять свою силу”. Рассуди же и ты: вы теперь меньше станом, нежели те, которые были прежде вас; и те, которые после вас родятся, будут*

* Писания преп. Иоанна Кассиана Римлянина. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. С. 31.

** Преобладает такое мнение, что, если человек умрет на послушании, то будет святым мучеником; однако на деле насельник, подорвавший здоровье, слышит в монастыре попреки в неспособности трудиться, подвергается лишениям и часто поставляется в такие условия, что в конечном итоге уходит из обители.

еще меньше вас, так как творения уже стареют и крепость юности уже минует” (3 Ездр. 5; 48–55).

Древние формы монашества были обусловлены не только необыкновенным духовным преуспеянием иноков того времени, но и крепостью их телесного здоровья, не сравнимого со здоровьем современных поколений. На эту причину, как на одну из причин оскудения монашеского подвига, указывал еще свт. Игнатий. В жизнеописании же преп. Силуана Афонского говорится, что в юности он за один раз съедал 50 яиц, что свидетельствует об очень большой физической крепости. Недостаток физического здоровья современных поколений — это реальность, с которой нельзя не считаться. Человек состоит не только из души, но и из тела, поэтому отсутствие телесного здоровья объективно влияет на житительство, проводимое человеком. Следовательно, пытаться подражать подвигам древних в наши дни — заранее обреченная на неудачу, да и бессмысленная попытка. Здесь вполне можно применить сказанное свт. Игнатием Ставропольским в беседе о монастырях с иеромонахом (позже архиепископом) Леонидом (Краснопевковым): “Ищите всюду духа, а не буквы. Борьба за формы бесплодна, смешна; вместо того, чтобы побеждать и назидать, она раздражает противников или вызывает их презрение”*. Невозможно, по причине физической слабости, в наши дни в полной мере соблюдать древние иноческие уставы относительно телесного подвига. Если кто-то в наше время и может нести более строгий телесный подвиг,— это свидетельствует не о каком-то его духовном преуспеянии, а лишь о более крепком здоровье.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин пишет, что в иноческих обителях в его местности (юг

Франции) братия не могут сохранить такого воздержания, как египетские отцы, по причинам более сурового климата и их немощи. В другом месте он указывает как на другую причину этого — на отсутствие духоносных старцев.* И в те времена никто не говорил, что мера телесных подвигов зависит исключительно от произволения инока.

Между тем, современный человек с его пошатнувшимся здоровьем, придя в монастырь, сталкивается со многими проблемами, возникающими исключительно из-за того, что на физическое устроение насельников начальствующие лица не всегда обращают должное внимание*. На самом же деле эти проблемы вполне разрешимы. Уставы современных монастырей в основном скопированы с уставов тех немногих обителей, которые были открыты после разорения еще при советской власти, тогда как и в древние времена, и в дореволюционной России уставы обителей, монастырские тради-

I

ции, школы воспитания иноков были очень богаты и разнообразны.

Например, по существующей ныне практике, утренние богослужения почти во всех действующих монастырях начинаются в 5–6 часов утра. Практика не бесспорна, а для некоторых насельников весьма обременительна по их слабому телесному здоровью.

* Поэтому вызывает недоумение ничем не оправданное сокращение богослужений, особенно праздничных, в больших и известных монастырях, тем более что на эти обители ориентируются и, большей частью, берут за основу их устав монастыри вновь открывающиеся.

Как известно, с медицинской точки зрения, люди разделяются на “сов” и “жаворонков”, то есть тех, кто рано ложится спать и рано встает, и тех, кто, наоборот, поздно ложится и, следовательно, позже должен просыпаться. Поделаться здесь ничего нельзя: это своеобразные биологические часы, заложенные в человека природой. Очень трудно, большей частью невозможно без вреда для здоровья из “совы” сделать “жаворонка”, т. е. насильственно заставить кого-либо рано ложиться и рано вставать, впрочем, как и наоборот.

Большинство насельников современных обителей родились и выросли в городах, где строй жизни таков, что люди от младенчества воспитываются как “совы”. Поэтому, когда они попадают в обитель, при всей их ревности и стремлении строго исполнять устав, даже при хорошем физическом здоровье (что само по себе является редкостью), утренние богослужения со временем превращаются в тяжкое испытание, особенно Великим постом. Насельник надеется, что со временем это пройдет, он сумеет перестроиться, но проходят годы, и ничего не меняется. Даже если его наказывают и заставляют раньше ложиться спать “за послушание”, при всем желании, заснуть он не может. Если же утренняя совершается с утра, а после Литургии насельника, естественно, ждут послушания, его положение становится невыносимым. Рано или поздно он периодически начнет просыпаться богослужения, либо будет вынужден поискать другую обитель, где его не станут принуждать вставать рано на богослужение, и, поскольку вряд ли такая найдется, насельник будет вынужден уйти на приход, или даже в мир.

Эта, на первый взгляд, малозначащая проблема является источником иноческих скорбей для

многих и многих. Между тем, в большинстве дореволюционных Российских обителей утренние богослужения начинались в 2–3 часа ночи, затем через некоторое время, в которое братия могла немного отдохнуть, совершалась Литургия, после чего братия опять имела небольшой отдых, а затем расходилась на послушания. В некоторых монастырях, поскольку братия проводила ночь в трудах, после обеда, согласно уставу, ворота закрывались, прекращались все шумные работы и братии предоставлялся покой. Существовали обители, в которых полунощница и следующая за ней утренняя начиналась в 23 часа. Как видим, уставы в дореволюционных монастырях были очень разнообразны, и каждый мог выбрать себе обитель в соответствии со своими физическими силами и духовным устроением.

Само собой разумеется, что сокращать богослужения в монастыре недопустимо*, но начинать богослужения утром несколько позже, в 6–7 или даже в 8 часов вполне приемлемо.

Другие проблемы современных монастырей

Множество проблем молодых обитателей связано с их экономикой, о которой нужен отдельный разговор. Один из современных старцев Святой Афонской Горы, о. Лука (монастырь Филоффеу) на вопрос о том, что сейчас в восстанавливаемых Российских монастырях очень много приходится заниматься внешней деятельностью и общаться с миром, сказал следующее: “В вашей стране сейчас, когда схлынула эта волна атеизма, требуется материальное восстановление, для того чтобы произошло возрождение духовное. Подобно тому, как вначале было создано тело, а затем ему был дан дух, следует, чтобы предшествовало телесное, а за ним следовало духовное. Каждое следует в свое время, мы не можем совершать непоследовательные вещи; вы не можете сейчас заниматься духовным образованием, если не подготовите для него соответствующую материальную основу. Каждый человек спасается сообразно с духовными предпосылками своего времени. Вы обязаны заниматься внешней деятельностью, чтобы удовлетворять потребности материального развития монастырей, а также и нужды народа, который приходит и ищет утешения, духовной помощи. И придет время, если будем живы, когда в этих монастырях разовьется духовная жизнь, и часть от этой духовности будут иметь те, которые создавали предпосылки для того, чтобы

* Ч. 2. С. 106–107. С-Пб. 1992.

другие жили духовно” (Газета “Православный Санкт-Петербург”).

К великому сожалению, большинство открывающихся современных обителей, как и приходских храмов, ориентировано на пожертвования спонсоров. То, что, может быть, неизбежно для приходов, недопустимо для монастырей. Доходит до того, что монахи или монахини стоят с ящиками для пожертвований на улицах городов, вызывая всеобщее презрение, служа соблазном для мирян, позоря этим иноческий чин и получая сильнейший душевный вред. Современные, большей частью далекие от Церкви и порой совсем не верующие “спонсоры” не очень-то расположены расставаться со своими кошельками. Да и насколько нравственно восстанавливать храмы на такие средства? Есть канонические запрещения принимать пожертвования от некоторых лиц. Участие в восстановлении храмов Божиих есть великая честь. Понимающие это благочестивые люди сами охотно принесут свои пожертвования.

Изначала монашествующие кормили себя трудом своих рук, как заповедали нам преподобные и богоносные Отцы. Это заложено в отеческие уставы, чаще всего со ссылкой на св. ап. Павла, говорившего: *Нуждам моим и находящимся со мною послужили вот эти мои руки* (Деян. 20; 34). Типикон, между прочим, вообще запрещает принимать что-либо на содержание монастырей: “От праведных трудов и от своего делания дневную пищу получим себе и прочее, потребное для тела. Стяжание же от чужих трудов вносить как-либо отнюдь

* Преп. Нил Синайский. Подвижнические письма. М. 2000. Слово подвижническое. С. 9, 22.

нам не на пользу, и тем более, поскольку мы страстные и душою немощные,— принимать в обители. Но, как яда смертоносного, должно отбегать и отгонять его собравшимся в единое братство, как мы приняли от Божественных Писаний, по разуму соглашающему и утверждающему, который мы возлюбили”.*

Древние Отцы так и поступали. Монахи были всеми уважаемыми тружениками.

На такой основе существовали все без исключения православные монастыри в языческом окружении. Запрещалось также вступающему в обитель вкладывать в нее какую-либо собственность. Впоследствии, во времена христианские, монастыри имели многих благотворителей из числа знатных и богатых людей. Благотворить обителям считалось почетным делом, и монастыри по большей части ни в чем не нуждались. Наше же положение больше похоже на то, какое было в древности. Мы живем в нехристианском, и порой враждебном окружении. Во всех отношениях будет лучше, если мы будем кормить себя и восстанавливать руины трудами своих рук. Только так мы сможем быть независимыми от прихотей мира.

Преподобный Нил Синайский жестко порицает попрошайничество в монашеской среде: “Они так же неотступно, как тунеядцы, стоят при дверях богачей, подобно невольникам, бегают пред ними на площадях, расталкивая подходящих к ним близко, разгоняя встречных, стараются доставить им удобнейший проход. И делают это по нужде к трапезе, не научившись удерживать сластолюбия при

* Глинский монах Евгений-гостиничный. Отечественные подвижники благочестия. Май. М. 1997.

лакомых яствах”. “А мы, когда имеем в чем надобность, подобно молодым псам, которые, весело махая хвостом, ласкаются к бросающим голую, может быть, кость или крошки, сбегаясь к богатым. Называем их благодетелями и попечителями христиан и, одним словом, приписываем им всякую добродетель, хотя они до крайности порочны, только бы успеть нам в желаемом; не любопытствуем узнать, как жили святые, соревновать добродетели которых, конечно, и мы предполагали”^{*}.

Знаем, что многие будут не согласны с нами, особенно в разоренной провинции. Но, братия, где вера ваша? Есть способы воздвигать храмы и обители без унижительного хождения по банкам и фирмам с протянутой рукой, унижительного не для нас, а для Церкви.

Существуют многочисленные примеры, когда в наше полуголодное время восстанавливаются храмы и монастыри, практически без всякого участия в этом светских властей и капитала “новых русских”. Необходим только труд и некоторая смекалка. Самый дорогой капитал любой обители и храма — это люди. Если их организовать, с Божией помощью, они свернут горы. Есть случаи, когда в целом разоренном районе, где все предприятия стоят и население питается исключительно тем, что выращивает на своих огородах, строится только один объект — православный храм.

Святейший Патриарх Алексий II однажды сказал, что Церковь для своего благотворительного служения нуждается в средствах, для этого приходим необходимо самим создавать экономическую

^{*} Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1991. С. 90.

базу; будущее за теми приходами и монастырями, которые сумеют это сделать.

Экономические вопросы решаются очень просто, если монастырь займется собственным производством. При использовании современной техники, грамотном ведении хозяйства и некотором знании основ экономики, в этом нет ничего сложного и трудоемкого. Можно пригласить на работу сведущих мирян, чтобы организовать небольшое производство или сельское хозяйство. Если пользоваться современными методами и современной техникой, при небольших трудозатратах можно иметь стабильный доход, которого вполне хватит на восстановление и содержание обители. Это позволит быть независимыми от прихотей “спонсоров” и избавит братию от тяжелой обязанности посещать мир, не говоря уже о том, что у иноков появится больше времени для занятия молитвой и душеполезным чтением.

Печально видеть почти повсеместное отношение к паломникам как к неким доходным “православным туристам” или бесплатной рабочей силе. В редких и очень редких православных обителях заботятся о том, чтобы паломникам, этим “гостям Божией Матери”, были предоставлены удобные условия для проживания, достаточное питание и возможность присутствовать за богослужениями, не говоря уже о том, что в иных монастырях принимать паломников отказываются вовсе. Не так было в лучших обителях дореволюционной России.

Допустимо просить паломников разделить некоторые труды насельников обители. Да паломники большей частью и сами желают внести свою трудовую лепту. Но нехорошо и даже греховно спекулировать на этом святом желании. Например, поручая паломникам самую тяжелую и грязную работу или

под предлогом того, что “послушание выше поста и молитвы”, не позволять им посещать богослужения, ради которых они в основном и приезжают в обитель. Необходимо также учитывать физические силы и здоровье паломников,— большей частью, людей пожилых, чтобы не быть нам, братья, истязанным на мытарстве убийства, где, между прочим, истязается и такой грех, как принуждение работать больного человека с вредом для его здоровья.

Поощряется тенденция при женских монастырях устраивать богадельни, детские приюты, широко поставленную патронажную службу. Порой это делается с целью привлечь спонсоров, иногда — по другим побуждениям. Сестры, которым не хватает ни сил, ни времени на работы по восстановлению и содержанию монастыря, должны заниматься также и деятельностью, более свойственной благочестивым мирянам. А ведь они еще регулярно посещают длительные монастырские службы. Бескорыстные труженицы ухаживают за больными, воспитывают беспризорных детей, работают в больницах, посещают на дому пожилых людей, порой из последних сил, почти всегда ценою собственного здоровья, тогда как древние Отцы считали, что настоящее монашество должно приводить к душевному и телесному здравию.*

Устав должна начертать жизнь

Очевидно, что устав в обители должно вводить постепенно, с большим рассуждением. Он не должен быть плодом кабинетных измышлений, а должен рождаться из жизни, отвечать требованиям обстоятельств и силам, душевным и те-

лесным, новоначальных послушников, кои в современных обителях составляют большинство. “Правило должно быть для человека, а не человек для правила” (свт. Игнатий). Содержание должно предшествовать форме, а не форма содержанию. Необходимо осознать, что и “Общежительный устав” игумена Серафима (Кузнецова) во всей своей полноте для современных монастырей, к сожалению, тоже уже не приемлем, хотя из него с пользой для обители могут быть взяты общий принцип и отдельные положения.

Чтобы монашество восстановилось во всей своей красоте, необходимо очень многое. Прежде всего — чтобы некоторые из тех, кому дана Богом власть в Церкви, те, от кого зависит благостояние св. Божиих обителей, поняли, что к делу возрождения монашества нужно подходить осторожно и терпеливо. Монашество разнообразно в своих формах и проявлениях. Косное, стандартное отношение к духовной жизни монастырей недопустимо; оно погубит монашество. Каждый монастырь, как и каждый человек, имеет свои индивидуальные особенности; это относится также к монастырскому уставу.

Ошибкой будет безрассудно копировать без изменений устав никогда не закрывавшегося Псково-Печерского монастыря или открытых в годы гонений обителей, например, Троице-Сергиевой Лавры или Пюхтицкого монастыря. Материальное положение новооткрытых обителей, количество насельников, их дух, настрой, духовная опытность, возраст, образование и т. д.— все это уже совсем иное. Даже времена сейчас иные. Иное и положение Церкви, по сравнению с тем, когда в 1943 году была возобновлена, например, Троице-Сергиева Лавра, и

с теми годами, когда она возрастала. Во вновь открытых монастырях есть свои положительные стороны и свои проблемы: больше, конечно, проблем. Нельзя этого не учитывать.

Нельзя требовать от новоначальных послушников подвига преуспевших иноков; ошибочно спешить постригать насельников ради того, чтобы возрастало их количество. Образцово-показательные монастыри обернутся, в конце концов, позором для монашества и соблазном для мирян. Вместо проповеди Евангелия и возрождения Церкви они только оттолкнут от нее *малых сих*.

Еще на Первом Всероссийском монашеском съезде шел разговор об уменьшении количества монастырей в России с той целью, чтобы в них возрос уровень духовной жизни. В епархиях, где открывается большое количество монастырей, духовная жизнь в них, как правило, низка, не успевает развиваться, на что, между прочим, влияет и материальная нужда. Есть случаи, правда, немногочисленные, когда насельники новооткрытых монастырей расходятся кто куда, и обитель просто закрывается. Возрождение монастырей должно проходить естественным, а не искусственным путем. Люди приходят в них все же не для того, чтобы строить только стены и восстанавливать памятники архитектуры, а прежде всего — для духовного возрастания.

В последнее время получила развитие следующая практика: монашеская обитель открывается

I

не сразу, а вначале при храме организуется общи-

на, с некоторыми элементами монашеской жизни. Она даже не называется и не считает себя монастырем, тем более что вначале много приходится заниматься восстановительными работами и организацией хоть какой-то экономической основы будущей обители. Постепенно при храме образуется братство, естественным образом складывается устав. Со временем, когда члены общины духовно подрастают и является материальный достаток, встает вопрос об открытии монастыря. Должно признать такую практику очень разумной и наиболее соответствующей традиционным принципам создания большинства православных обителей. Община при храме может существовать сколь угодно долго, не принимая на себя никаких обязательств и не возлагая непосильного бремени на насельников.

Открытие монастыря — великое и сложное дело. Прежде всего необходимо, чтобы на это была воля Божия. Затем от устроителей потребуются решение множества задач: организационных, материальных и духовных. Поэтому не нужно спешить придавать общине формы монастыря, а насельникам — вид монахов. Попытки сделать это преждевременно приведут к тому, что форма только разрушит с таким трудом собранное содержание и приложит насельникам скорби, которых и так хватает. Устроение монастыря должно произойти само собой в предназначенное Богом время.

Не нужно также спешить создавать при та-

* Предисловие к книге “Когда чужая боль становится своей”. Жизнеописание и наставления схимонаха Паисия Афонского. М. 2002.

** IV–VII вв. от Рождества Христова.

кой общине детский приют или богадельню, духовное училище, гимназию или другие благотворительные организации. Все это само по себе неплохо и в наше время особенно необходимо, но вначале нужно устроить монастырь, собрать братию, организовать прочную материальную базу. И уже со временем, накопив достаточно сил и средств, начинать при обители миссионерскую и благотворительную деятельность.

Все *хотящие видеть* хорошо понимают состояние современного православного монашества. Не будем тешить себя иллюзиями: оно в глубоком упадке. Собственно, после семидесяти лет безбожия, кровавых гонений, расстрелов священнослужителей и разгонов монастырей, ничего другого не может быть. Но в соответствии с пророчествами Отцов, а также русских праведников последнего времени, непоколебимо веруем, что монашество в нашем Отечестве возродится. Оно уже и начало возрождаться, пусть в основном, пока со строительства стен. Достоинно удивления уже то, что тысячи молодых людей, воспитанных большей частью в нецерковных, порой — в безбожных семьях, несмотря на многочисленные соблазны и возможности, которые предоставляет современное цивилизованное общество, неожиданно изъявляют желание избрать многотрудный путь монашеской жизни. Среди них есть люди как не очень образованные, так и с достаточно высоким, по меркам мира сего, уровнем образования.

Будем надеяться, что милостью Божией монастыри будут восстановлены, откроются новые обители, а в уже открытых жизнь наладится. Немаловажно для этого — подобрать наиболее разумный, подходящий устав, чему призвана поспособст-

вовать книга “Мужской общежительный устав”, написанная в начале XX в. игуменом Серафимом (Кузнецовым).

* Архондарик под открытым небом. М. 1998. С. 15.

** Акафист Господу Иисусу Христу, Праведнейшему Судии и Мздовоздаятелю нашему, в память всеобщего воскресения и Страшного Суда совершаемый. Откуда начну плакати окаяннаго моего жития (Редкие покаянные молитвословия). М. 1999. Кондак 10. Этот акафист, составленный в Харбине русскими эмигрантами первой волны, раздавал для чтения своим духовным чадам старец Севастиан Карагандинский, ныне прославленный в лике святых.

Что должен знать желающий поступить в современный монастырь?*

*I. “О БЕДСТВЕННОЕ ВРЕМЯ,
О БЕДСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ!”*

Сияние святых Божиих

Множество святых просияло на земле от сотворения мира. Особенно много было явлено их в первые века Христианства — времена апостольские, эпоху мучеников и “золотой век” монашества*. Много способствовало этому наличие духоносных учителей, коими обиловали эти времена.

Человек, попадавший в первохристианскую общину, оказывался в высоко-духовной атмосфере. Он видел многочисленные проявления благодати Духа Святаго в окружающих его христианах. Община почти всегда руководилась духоносным мужем, порой из самих апостолов или их близких учеников, которые либо были *самовидцами Слова* (Лк. 1; 2), либо передавали рассказы людей, непосредственно видевших Господа нашего Иисуса Христа. Это много способствовало укреплению веры слушающих. Кроме руководителя, среди христиан обязательно имелись другие духоносные мужи и жены. Даже в больших городах общины были немногочисленны и духовно едины. Составлявшие их христиане, в большинстве своем, были не новоначальными, а духовно преуспевающими. Поэтому Священное Писание

вполне заслуженно именует их святыми: *Всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, званым святым: благодать вам и мир* (Рим. 1; 7).

Святость, духовное совершенство являлись нормой духовной жизни первохристианских общин. Христиане были столь духоносны, столь устремлены в небесное царство, что ничто не удерживало их на земле. Большинство из них были готовы на мученичество и желали его. В таком окружении, при обилии многочисленных назидательных примеров, духовный рост совершался скоро и знаменовался обильным явлением духовных плодов. *Когда вы сходитесь и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование,— все сие да будет к назиданию. Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или, много, трое, и то порознь, а один изъясняй. И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают. Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение* (1 Кор. 14; 26–27, 29–31). Удивительное, чудное было время!

Первые монашеские общины по сути повторили общины первохристианские. Шли годы, многое менялось в мире. Оставалось неизменным одно — Истина. А те, кто жил по ее законам, во все века достигали святости. “Потомки имеют священный долг писать о божественных подвигах Святых Отцов их эпохи и о прилежном труде, который те подъяли, дабы приблизиться к Богу. Когда мы пишем о святых, мы, естественно, снова получаем пользу, потому что при этом мы их вспоминаем и стараемся им подражать, и тогда святые умиляются и помогают нам, чтобы и мы пришли к ним”, — так писал афонский

старец схим. Паисий (Эзнепидис, †1994)*.

И в наши оскудевшие духом времена посылаются Богом святые в мир. Приходят они для того, чтобы вознести молитву к Престолу Божию за погрязший в грехах человеческий род, дабы он не погиб окончательно. Но прежде всего для того, чтобы своей жизнью явить людям величие Евангельских идеалов. Преподобный Варсонофий Оптинский говорил, что конец веков не наступит до тех пор, пока будет совершаться молитва святых за мир. “Токмо праведники Твоими мир сей стоит доселе, и ради святых Твоих, в мире живущих, даеши еще время и мне, грешному, покаяться, Незиследи́мый Боже”**. Один из таких святых, которым Господь благословил наши времена, схим. Паисий Святогорец.

Неслучайно святой человек является в мир в то или иное время в определенном месте. Неслучайно Божия благодать внушает ему совершить какие-либо дела и изречь или записать какие-либо слова. Глубокий смысл имеет и выбор темы написанной книги. Мир во все века вопрошает Христову Церковь о том, что есть Истина, и Церковь не остается безгласной. Ответ миру на его искания — Божии святые.

Старческий подвиг схим. Паисия имеет осо-

* В один из древних монастырей в окрестностях Иерусалима, согласно его уставу, никогда не допускались женщины, но в начале нынешнего века произошло следующее. Одна женщина, больная тяжелым недугом, переодевшись в мужскую одежду, проникла в обитель и получила исцеление от чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, находящейся в ней. После этого случая Божия Матерь явилась насельникам и повелела впредь разрешить доступ женщинам к Ее чудотворной иконе, чтобы они не лишились духовной пользы.

бенное значение для христиан нашего времени, как впрочем, подвиг любого святого для своего времени. Будучи подлинным исихастом и одним из великих подвижников Афонской Горы, отец Паисий достиг опытных познаний в духовной жизни. Соединяя свой духовный опыт с глубоким знанием Свящ. Писания и святоотеческих творений, он сумел мудро передать его тысячам проходящих к нему. Его рассуждение простиралось на самые разнообразные стороны жизни, поэтому к нему шли за назиданием самые разные люди: от епископов и государственных сановников до простых мирян и даже людей, далеких от Церкви и совсем неверующих. На фоне повсеместного оскудения духовности, схим. Паисий — настоящий преподобный отец нашего времени. Его влияние благотворно сказалось не только на Св. Горе и всей Греции, где его имя известно каждому, но и в остальном православном мире. Может быть, среди наших современников и есть люди, равные ему по духовной высоте, но пока, по непостижимым судьбам Своим, Господь не благоволил явить их. Мы верим, что рано или поздно схимонах Паисий, святость которого несомненна и засвидетельствована различными благодатными дарованиями, будет прославлен в соборе преподобных Афонских Отцов.

Святость — это не только и не столько результат трудов подвижника, но прежде всего действие Божией благодати. Если есть люди, которые от сердца ищут Истину, Господь для них воздвигнет святого, который и жизнью своей, и словом укажет им путь к Ней. Подвижники, стремящиеся всей жизнью своей угодить Богу, всегда были и будут. Но если миру не нужен их подвиг, мир не имеет к ним вопросов и не ищет общения с ними, Господь и не являет их миру. В безвестности работают они Богу, имея об-

щение с небольшим кругом единомышленных братьев. В одном из Патериков приведена следующая беседа. Старца спросили: “Почему ныне нет слова назидания?” Он ответил: “Раньше были исполнители слова, и Господь давал слово. А ныне нет творцов слова, поэтому Господь не дает слова и старцы молчат”. Оскудение старцев и старчества в наши последние времена свидетельствует лишь о том, что мир не ищет Истины: *Суд же состоит в том, что свет пришел в мир, но люди возлюбили более тьму, нежели свет, ибо дела их были злы* (Ин. 3; 19).

Когда первохристианский мир начал отступать от Бога, Божия благодать учредила святые обители. От того времени истинное Христианство хранится в недрах монашества и дух первых христиан пребывает в монастырях, благодатно изливаясь оттуда на вселенную. Когда же соблазны усилились еще больше, Господь благоволил, чтобы Св. Афонская Гора стала таким местом, где иноки были бы, насколько возможно, ограждены от соблазнов. Господь соделал ее светильником для светильников — обителей, рассеянных по христианскому миру, — своеобразной духовной столицей всех монастырей. Взоры всех иноков обращались на Святой Афон, так как слава о строгом жительстве тамошних отцов до-

* В Греции известно древнее пророчество, найденное на гробнице св. равноап. Царя Константина Великого в Константинополе, о том, что греческие Цари некогда победят царство Измаила, то есть турок, и что впоследствии “Русский народ, соединясь со всеми народами, желающими мстить Измаилу, его победит вторично, Седмихолмие (Константинополь) возьмут со всеми его принадлежностями”. Душеполезный собеседник. Изд. Русского Пантелеимонова монастыря, 1915. С. 300.

стигла пределов земли.

Можно без сомнения сказать, что в силу природного местоположения Афона и строгости устава его обитателей, монашество здесь сохранилось до наших дней в наименее поврежденном виде. Божия Матерь повелела насельникам Ее земного удела хранить, как величайшее сокровище, православную веру, а также Отеческие заветы и уставы монашеской жизни. Здесь все осталось так, как было много веков назад: соборное правление во главе с выборным Протом, строгие уставы монастырей, скиты и кельи, все три вида монашества: общежительное, скитское и отшельническое, дух исихазма, богатые духовные традиции, благоговейное отношение к святоотеческим писаниям, опытные духовники. Афонская Гора и монастырь прп. Саввы Освященного в Палестине остались единственными местами на земле, где до сих пор строго соблюдается каноническое запрещение допускать в мужские монастыри женщин; в других обителях по разным причинам это правило не выполняется.*

Нет такой православной страны, которая не испытала бы на себе благотворного влияния Афона. Выходцами со Святой Горы были основаны многие обители во всех концах мира: в Европе и Америке, Азии и Африке. Основателем русского общежительного монашества явился также афонский постриженник, преп. Антоний Киево-Печерский, именуемый в церковных песнопениях “обителей русских первоначальником”. Поэтому можно сказать, что российское монашество получило благословение от Св. Горы и к ней восходят его истоки. В дальнейшем Православная Россия имела тесные связи с Афоном. В Афонском Свято-Пантелеимоновом монастыре и нескольких скитах подвизалось многочисленное рос-

сийское братство, ежегодно многие тысячи паломников приезжали поклониться святыням Афонской Горы. Посланные оттуда за сбором становились проповедниками святогорской духовности во всех концах нашего Отечества. Некоторые из них основали здесь монастыри с афонским уставом.

Когда в русской духовной литературе заходит речь о Святой Афонской Горе, особенно об Афоне XIX века, большей частью говорят о русском Афоне — т. е. Свято-Пантелеимоновом монастыре и связанных с ним подвижниках. По замыслу Божию на Святой Горе подвизаются представители всех народов, принявших Православие, поэтому исторически там находились, кроме греческих обителей, монастыри: русский — Пантелеимонов, сербский — Хиландарь, болгарский — Зограф, румынский — Кутлумуш, грузинский — Ивер, скит молдавский, а также другие многочисленные скиты и кельи. Кроме того, в братствах некоторых греческих монастырей было немало славян.

Отношения греков с монахами других национальностей не всегда были мирными. Некоторые греческие иноки враждебно вели себя по отношению к инокам-славянам или грузинам, порой пытаясь даже изгнать их из принадлежащих им обителей и захватить эти монастыри. Печальные недоразумения настолько усилились, что Константинопольская Церковь вынуждена была в 1872 году анафематствовать филетизм — учение о национальном различии в церковной жизни. Но никак нельзя думать, что эти настроения присущи всем грекам. Напротив, очень

* А теперь — еще и просмотрением душевредных развратных и богохульных фильмов и телепрограмм. — *Ред.*

** Творения свт. Игнатия. Т. I. М. 1996. С. 479.

многие из них с благодарностью вспоминают заслуги России в деле освобождения Греции от турецкого ига*, и среди греков, как мирян, так и монахов, есть истинные друзья нашего Отечества, радушно встречающие паломников из России. Одним из таких людей был схим. Паисий Святогорец, воспитанный великим афонским старцем о. Тихоном-русским и всегда с большой любовью относившийся к русским.

Ныне на Афоне спасаются представители почти всех народов. Многие, потрудившись там в духовном делании, возвращаются в свои страны, чтобы насадить там святогорские монашеские традиции. Ищущие спасения души не только из Греции, но и из далекой Америки, России и других стран стремятся на Афон, чтобы прикоснуться к духу древнего подвижничества, пережить великую тайну общения души с Богом. Исповедью у отшельника или монастырского духовника жаждут они очиститься от грехов, услышать опытное, живое слово о спасении. Многие на горных тропинках Афона встретили и пережили нечто такое, что заставило их в корне изменить свою жизнь, полностью посвятить себя служению единому Богу. Святая Гора гостеприимно принимает всех, раскрывает свои тайны пришедшим по зову сердца, не из праздного любопытства.

Замечательный духовный автор нашего времени, архим. Лазарь (Абашидзе), ранее настоятель монастыря Бетани в Грузии, ныне подвизающийся с двумя монахами в уединенной местности близ Тбилиси, писал, побывав на Афоне в 1993 г.: «Исполнилось заветное мое желание повидать настоящих мо-

* Отец современного иночества. М. 1996. Из записок архиепископа Ярославского Леонида (Краснопелкова). С. 22.

нахов. Та радость и та польза, какие получили от этого путешествия, превзошли все ожидания. Все, что я слышал об Афоне до сих пор, было совсем не то, что я увидел. Многие говорили возвышенно, но как-то не ясно. Видимо, душа моя изголодалась по такому истинному монастырскому благолепию, о котором до сих пор удавалось только читать, а тут въяве увидели монашество во всей его красе. Афон стоит! Хотя, конечно, и там есть свои проблемы, трудности, ослабления,— но для нас это вершина вершин. Везде и во всем чувствуется какое-то особое покровительство Свыше, покров Матери Божией. Кажется, сам воздух был напитан каким-то духом молитвенным и святым, так что и дышалось по-другому. В общем, рай на земле, насколько он только возможен на ней,— именно там. Уже не говорю о тех святынях, о тех древнейших иконах, фресках, о всем этом великолепии внутри храма, о пении и бо-

* Так говорил иеросхим. Стефан (Игнатенко, 1887–1973), известный подвижник XX века, не советуя брать на себя подвиг пустынножития в горах. Его свидетельство особенно ценно тем, что сам о. Стефан, будучи постриженником монастыря со строгим афонским уставом на горе Бештау, после этого несколько лет подвизался в пустыне в Кавказских горах. Вообще, жизнеописание иеросхим. Стефана глубоко назидательно и являет пример истинного, строго основанного на святоотеческих писаниях подвижничества в условиях XX века. См. о нем: *Жизнеописание старца иеросхим. Стефана (Игнатенко)*. М. 1996.

** Так писал свт. Игнатий по поводу своего увольнения от управления епархией и предоставления ему в управление Костромского Николо-Бабаевского монастыря. Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. *Избранные письма игумену Черемеянецкому Антонию (Бочкову)*. С. 467.

гослужении — как будто мы побывали в какой-то сказочной стране, в ином мире — не на земле, а на небе были”.

Какие бы бури ни бушевали в мире, Афон, имея над собой вышний покров Божией Матери, будет стоять непоколебимо до тех пор, пока, по откровению, данному Пресвятой его Хранительницей, Ее Иверская икона Портаитисса не покинет Афонскую Гору. Будет это перед самым концом света.

Берег еще далеко

При всем духовном величии Афона, сами лучшие современные насельники святогорских монастырей признают, что ныне, к сожалению, Афон уже не тот, каким он был всего сорок — пятьдесят лет назад. Печально, но ничего удивительного в этом нет: повсюду ныне упадок благочестия. В монастыри приходят не крепкие верой христиане, воспитанные в благочестивых семьях, а немощные, истерзанные страстями и грехопадениями. “Ныне ослабевшее христианство prepares и доставляет, соответственно своему состоянию, слабых монахов. Ныне вступление девственника в монастырь — величайшая редкость! Ныне вступление лица, не стяжавшего порочных навыков,— редкость! Наиболее вступают слабые, поврежденные по телу и душе: вступают наполненные память и воображение чтением романов и других подобных книжонок*, вступают пресытившиеся чувственными наслаждениями, получившие вкус ко всем соблазнам, которыми ныне преисполнен мир; вступают с закореневшими порочными навыками, с совестью притупленною, умерщвленную предшествовавшим образом жизни, при ко-

* Творения свт. Игнатия. М. 1996. Т. I. С. 285.

тором дозволялись все беззакония и все обманы для прикрытия беззаконий. Для этих личностей борьба с собою очень затруднительна”, — писал еще в XIX в. отец русского монашества свт. Игнатий (Брянчанинов), еп. Кавказский.**

Пришедшие в обитель, надеясь найти в ней тихое пристанище от житейских бурь, вдруг обнаруживают, что берег еще далеко и что ввержены они в другую бурю, хотя ее треволения и не есть уже бессмысленно пенящиеся волны мирской суеты. Здесь идет жестокая борьба за спасение души. Подвергающийся наветам бури пересекает волны на утлом кораблике в поисках небесного царства. Кормчий корабля — Христос. Других кормчих и капитанов нет. Непостижимым Промыслом Божиим они отняты, не даны нашему времени.

“Монашество в настоящее время находится в тех условиях, в каких была Церковь Христова в века язычества. Это не корабль, а множество людей, рассеянных по треволению житейскому, которые должны общением молитв, письменных и иногда личных сношений путеводствовать друг друга. Вы не найдете в нынешнее время ни одной обители в собственном смысле слова, ибо правила Святых Отцов поражены, разъединены светскими указами; остались по местам монахи: они-то должны своим общением, святым и непорочным, восстановить монашество, для которого, когда угодно будет Богу, найдутся и обители”, — говорил свт. Игнатий Ставропольский.*

Некоторые иноки, объехав весь мир в поисках идеальной монашеской жизни, побывав на Афоне,

* Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 138–139.

** Творения свт. Игнатия. М. 1996. Т. 1. С. 113.

на Синае, в Иерусалиме и других святых местах и не найдя того, что искали: ни достаточного духовного руководства, ни устава, разумно приспособленного к особенностям нашего немощного времени, ни единомыслия в братиях, ни душевного покоя,— в конечном итоге вернулись назад, чтобы по силам своим проводить монашескую жизнь в тех условиях, которые пошлет Господь. Они опытно убедились, что современная пустыня не доставит им желаемого безмолвия. Поняли, что в настоящие времена «монахам предпочтительнее оставаться в больших городах, современной пустыне нашего столетия, из-за того, что здесь минимально приходится заботиться о внешнем».*

Эти иноки водворились в общежитии, «предпочтя некоторое попечение совершенному беспопечению, столько способствующему внимать себе, чтобы сохранить независимость от лиц иного направления».** Не найдя людей, которые могли бы ответить на их вопросы, они ищут ответа в Отеческих писаниях. Здесь обнаруживают, что времена отступления предсказаны еще древними, но предсказаны и времена покаяния. Обнаруживают и то, что бесполезно ныне искать старцев, которые безошибочно указали бы волю Божию; видят, что исполняется древнее пророчество преп. Ефрема Сирина о тех, кто будет искать живое слово Божие во времена последние: «Они будут,— пророчествует преподобный,— проходить землю от востока к западу и от севера к югу, ища такого слова,— и не найдут его» (Слово 106 по слав. тексту)*.

* Творения свт. Игнатия. Т. I. М. 1996. С. 113.

** Творения свт. Игнатия. Т. IV. М. 1995. С. 379.

*** Творения свт. Игнатия. Т. I. М. 1996. С. 113.

Ныне нет учителей, учителя — книги. Те, кто достойны в наши времена быть названы старцами, по сути дела всего лишь опытные духовники, не более. Они также, по милости Божией, имеют благодатные дарования, необходимые для назидания христиан. Возблагодарим Бога и за это! Но будет большой ошибкой приравнять их к тем духоносным мужам, которые назывались старцами в древности. При всем уважении к тем, кто по Божиюму благословию ныне берет на себя нелегкое бремя руководства ближними, должно признать, что они находятся не в той силе Духа, как древние Отцы, и не имеют полноты их дарований. Непонимание этого приводит к нездоровому, восторженному отношению к духовникам, неправильному послушанию.

“Недостаток духовного назидания должно признать величайшим бедствием. И нескоро усматривается это бедствие! Нескоро оно делается понятным для инока! Новоначальный, объятый ревностью, в которой имеет большое значение кровь и весьма малое значение духовный разум, обыкновенно довольствуется тем назиданием, которое он встретит в монастыре или которое он захочет дать сам себе. Уже впоследствии, при самом тщательном изучении Священного Писания и Отческих писаний, подвижникам, и то немногим, делается мало-помалу ясным, что для иноческого преуспеяния необходимо духовное назидание, что душевное назидание, как бы оно ни было по наружности роскошно и великолепно, как бы ни прославлялось слепотствующим миром, пребывает во мраке и последующих ему хранит во мраке, в области падших духов,— пишет свт. Игнатий.— *Спаси мя, Господи*, взывал Про-

* Творения свт. Игнатия. Т. I. М. 1996. С. 113.

рок, провидя пророческим духом наше бедствие и приемля лицо желающего спастись, *яко оскуде подобный!* Нет духоносного наставника и руководителя, который непогрешительно указал бы путь спасения, которому желающий спастись мог бы вручить себя со всею уверенностью!”*

Пророчества не унижайте

Провидя оскудение живых носителей Предания в последние времена, Господь оставил нам Священное Писание и творения Святых Отцов Православной Церкви, в которых вполне удовлетворительно изложена Истина и указан путь к Богу: “Чтение писаний Отеческих — родитель и царь всех добродетелей. Из чтения Отеческих писаний научаемся истинному разумению Священного Писания, вере правой, жительству по заповедям евангельским, глубокому уважению, которое должно иметь к евангельским заповедям, словом сказать, спасению и христианскому совершенству”, — пишет свт. Игнатий (Брянчанинов).** Только читая Отцов можно правильно понять Евангелие и христианство: “Святые Отцы научают, как приступать к Евангелию, как читать его, как правильно понимать его, что содействует, что препятствует уразумению его. И потому сначала более занимайся чтением Святых Отцов. Когда же они научат тебя читать Евангелие, тогда уже преимущественно читай Евангелие”.* “Божественные писания и слова Св. Отцов

* Творения свт. Игнатия. Т. V. М. 1998. С. 139.

** Цит. по кн. Архим. Кронид (Любимов). Беседы и проповеди. Троице-Сергиева Лавра. Т. II. 1998. С. 132.

многочисленны, как песок морской”, — говорит преп. Нил Сорский; в них есть ответы на все вопросы жизни.

Святитель Игнатий пишет, что и в древние времена чтение Отцов считалось немаловажной добродетелью.** Еще святой Иоанн Златоуст говорил: “Невозможно, невозможно спастись, не пользуясь постоянно духовным чтением: но и то еще в самом деле хорошо, если мы, пользуясь непрестанно сим врачевством, возможем спастись когда-нибудь. А когда мы бываем каждый день поражаемы, и, однако же, не пользуемся никаким врачевством, какая надежда спасения?” В наше же время, отличительной чертой которого является отсутствие духоносных наставников, Отеческие творения приобрели исключительное значение, как указывает святитель Игнатий: “Чтение Отеческих писаний, по умалении духоносных наставников, соделалось главным руководителем для желающих спастись и даже достигнуть христианского совершенства”***.

Но и Отеческие творения большинством христиан, к сожалению, пренебрегаются. Почитание святых заключается не только в зажигании лампад и свечей пред их иконами и чтении им молитв и тропарей, но прежде всего — в серьезном, вдумчивом изучении их творений и жизнеописаний и следовании их заповедям. Ныне же мы видим в церковном народе вопиющее незнание Отеческих творе-

* Символ, или Исповедание Афанасия, Патриарха Александрийского. Псалтирь. М. 1913.

** Следованная Псалтирь. Слово о исходе души и Страшном Суде.

*** Житие, наставления, пророчества преп. Серафима, Саровского чудотворца. Минск. 1997. С. 41.

ний. Мало того: видим нежелание знакомиться с ними. Некоторые и не подозревают об их существовании, а другие, в том числе даже пастыри, хотя и знают, но учат, что от чтения Святых Отцов последует прелесть, поэтому не читают сами и запрещают читать другим, уташая тем самым последний светильник в объявшей нас ночи неведения. Таковых можно спросить, не погрешают ли они сами хулой на Духа Святаго, живущего в Отеческих писаниях, и не пребывают ли сами в прелести?

Пророчества не унижайте (Фес. 5; 20),— предостерегает св. апостол. “Не сочти для себя достаточным чтение одного Евангелия, без чтения Святых Отцов! Это мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведут тебя к Евангелию Святые Отцы, как возлюбленное свое дитя, получившее предварительное воспитание и образование посредством их писаний. Многие, все, отвергшие безумно, кичливо Святых Отцов, приступившие непосредственно, со слепую дерзостью, с нечистым умом и сердцем к Евангелию, впали в губительное заблуждение. Их отвергло Евангелие: оно допускает к себе одних смиренных”,— увещевает свт. Игнатий* и горестно восклицает в другом своем творении: “Состояние наше, по причине недостатка в руководителях, в живых сосудах Духа, по причине бесчисленных опасностей, которыми мы обставлены, достойно горького плача, неутешного рыдания. Мы бедствуем, мы заблудились, и нет голоса, на который могли бы выйти из нашего заблуждения: книга молчит, падший дух, желая удержать нас в заблуждении, из-

* Е. Поселянин. Жизненный подвиг старца Серафима. Серафимо-Дивеевский мон. С. 54–55.

** Творения свт. Игнатия. Т. V. М. 1998. С. 69.

глаждает из нашей памяти и самое знание о существовании книги”.*

В одном из Патериков приводится следующий случай: “Некий старец провел семьдесят недель в посте, употребляя пищу один раз в неделю, прося у Бога, чтобы ему было открыто значение некоторого изречения в Священном Писании, но Бог не открыл ему. Видя это, старец сказал сам себе: Вот! Я подъял немалый труд и ничего не успел, пойду же к брату моему и спрошу у него”. Когда же он вышел из кельи и запер за собой дверь, послан был к нему от Господа Ангел, который сказал ему: “Семьдесят недель, проведенных тобою в посте, не приблизили тебя к Господу: теперь же, когда ты смирился и вознамерился идти для вопроса к брату своему, я послан к тебе истолковать значение изречения. Исполнив это, Ангел отступил от него”.**

Само по себе пренебрежение Святыми Отцами есть проявление гордости и презорства по отношению к Духу Святому. *Камень, которым пренебрегли строители, стал во главу угла, от Господа он был и дивен во очах наших* (Пс. 117; 22). Даже среди пастырей встречаются люди, которые позволяют себе по некоторым вопросам высказывать мнения, отличные от учения, принятого Святой Православной Церковью, считая эти вопросы малозначащими. В настоящее время наиболее распространенное из этих мнений — что якобы представители всех христианских конфессий спасутся. Его высказывают не только сторонники экуменической ереси, но и вполне благочестивые священники и миряне, обнаруживая тем са-

* Лествица. Сл. 25. Гл. 54.

** Творения свт. Игнатия. Т. V. М. 1998. С. 79

*** Творения свт. Игнатия. Т. I. М. 1996. С. 489.

мым незнание или, по меньшей мере, поверхностное представление о творениях Святых Отцов Православной Церкви и о церковной истории.

Любой, кто потрудится поинтересоваться, что пишут по этому вопросу Отцы, найдет вполне определенный ответ у святых всех веков христианства. Один из столпов Церкви IV в., свт. Афанасий Александрийский, выражает его так: “Кто православной веры целой и непорочной не соблюдает, без всякого сомнения, во веки погибнет”*. Другой святитель, живший в V в., Кирилл Александрийский говорит: “Удаляющиеся от Святой Церкви и Причастия Святых Таин бывают врагами Божиими и друзьями демонов. Ереси безбожных еретиков будут посрамлены, род неверных погибнет, равно и полчища иудеев, уста богоборных евреев заградятся”.**

Преподобный Серафим Саровский, святой XIX в., на вопрос одного раскольника, какая вера лучше: нынешняя церковная, или старая,— строго ответил: “Оставь свои бредни. Жизнь наша есть море, Святая Православная Церковь наша — корабль, а Кормчий — Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком, и на чем утверждаешь свою надежду — спастись без Кормчего?”*** Преподобный Серафим был великим ревнителем Православия и особенно благоговел к памяти тех святых, которые уяснили и установили сущность правой веры. Он любил вспоминать их стояние за веру, убеждал хранить догматы веры, говорил, что Православная Церковь содержит в себе Христову истину в полной целос-

* Творения свт. Игнатия. Т. V. М. 1998. С. 79.

ти.* Можно до бесконечности приводить цитаты из Св. Отцов Православной Церкви, которые все говорят согласно, и никто из них не сказал противоположного.

Поэтому, если в догматических вопросах допускаются вольные толкования, то что говорить о духовной жизни? У современных христиан найдем самые сбивчивые, неопределенные, доходящие до суеверия понятия о ней. Преувеличивается значение телесного подвига, о подвиге душевном имеется понятие самое приблизительное, а чаще всего не имеется никакого. Телесный подвиг проще, понятнее и потому легче, чем подвиг душевный. Поэтому, удовлетворяясь телесным подвигом, о душевном не радят.

Порой пастыри, проводя благочестивую жизнь, самостоятельно приходят к некоторым духовным понятиям. Но если они при этом не радят о чтении отеческих творений, то рано или поздно непременно повредятся и впадут в прелесть. Святитель Игнатий пишет, что проповедниками ложных аскетических учений и ересиархами становились люди, зараженные одним из видов прелести, называемым “мнение”.** В древние времена для того, чтобы не ошибиться и не уклониться с правильного пути, подвижники беседовали с другими подвижниками и старцами. Когда же таких старцев нет, остается единственное средство, чтобы избежать прелести и ереси,— святоотеческие книги.

Человек, понимающий значение святоотеческих творений, никогда ими не пренебрежет в своей

* Напоминание всечестным инокиням о том, чего требует от них иночество. Слова еп. Феофана Затворника. Коломенский Ново-Голутвин монастырь, 1991.

жизни. Если он привык руководствоваться ими, то для всякого поступка, большого или малого, он ищет основания у Отцов и не успокаивается, пока не найдет такого основания. По слову прп. Иоанна Лествичника, для смиренного тягость и жало — верить самому себе, как гордому трудно последовать словам и мнению других.*

Святитель Игнатий Ставропольский неоднократно в своих творениях указывает на учение преп. Нила Сорского, русского святого XV в., который, хотя имел благодать Божию,** “никогда не давал наставления или совета прямо из себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение Отцов (Предание или Устав преп. Нила Сорского). Когда же,— говорит преподобный в одном из своих писем,— он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священномученика Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других Отцов, особливо позднейших. Его держались иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий”***. Полезно прислушаться старцам новейших времен, с каким смирением и самоотвержением отзывается преподобный Нил о наставлениях, которые он преподавал братии: “Никто не должен утаивать слова Божия по своему нерадению, но исповедовать свою немощь и вместе не скрывать истины Божией, чтоб не сделаться нам виновными в преступлении заповеди Божией. Не будем утаивать слова Божия, но будем возвещать его. Божественные Писания и слова Св. Отцов мно-

* Монашество последних времен. М. 1998. С. 108.

гочисленны, как песок морской; неленостно исследуя их, преподаем приходящим к нам и нуждающимся в них (требующим, вопрошающим). Правильнее же: преподаем не мы, потому что мы недостойны этого, но преподают блаженные Св. Отцы из Божественного Писания (Преподобного Нила Сорского Предание)*.

Некоторые болезни современного иночества

По-видимому, о нашем времени древний пророк говорил: *Настанут дни, в которые многие из живущих на земле, обладающие ведением, будут восхищены, и путь истины сокроется, и вселенная оскудеет верою, и умножится неправда, которую теперь ты видишь и о которой издавна слышал* (3 Езд. 5; 1).

Противоречивые и невежественные представления о духовной жизни мы найдем не только среди мирян, что в какой-то мере извинительно, но, увы, и среди насельников монастырей. Если в современных обителях редко, но все же можно встретить человека, имеющего понятия о духовной жизни, согласные с отеческими творениями, почерпнутые из них, то человека, который смог бы назидать других согласно отеческим творениям, уже почти невозможно встретить.

Особенно бедственное положение в современ-

* См.: Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги. М. 1994.

** Митр. Вениамин (Федченков). Божии люди. М. 1997. С. 379.

ных обителей женских. Монастырь свт. Феофан определяет как место, где насельницы преимущественно подвизаются в посте, молитве и милостыни*; но прежде чем они смогут это делать плодотворно, их должны научить правильному прохождению этих деланий. В современных же Российских женских монастырях как раз наиболее ощущим недостаток в духовном руководстве.

Проблема эта обнаружилась уже в XIX в., так как распоряжением Св. Синода в женские монастыри назначались для прохождения служения только белые священники, не знающие опытно и не понимающие жизни монашеской. Кроме того, хотя Св. Синодом и не запрещались приезды иеромонахов в женские монастыри на непродолжительное время для духовного окормления сестер, редкие игумении пользовались такой возможностью. Большей частью насельницам предлагались для руководства пожилые схимницы, которые, хотя и проводили благочестивое жительство, однако при этом не всегда были способны к духовному окормлению.

В большинстве же монастырей функцию духовного окормления брали на себя игумении, не всегда различая духовное руководство и руководство административное. Действительно, в древности духоносные игумении часто становились духовными наставницами, старицами сестер. Это происходило естественным путем: сестры и вступали в определенный монастырь порой для того, чтобы найти духовное руководство в лице святой игумении. При чем сами настоятельницы не стремились окормлять насельниц, но, будучи поставлены игумениями, своей подвижнической жизнью стяжевали благодатные дарования, что обращало к ним сердца сестер. Те, кого священноначалие поставляло администра-

торами, благодаря своим духовным качествам, самими сестрами избирались для духовного руководства и старчества. Назначать же насильно духовников в монашестве всегда считалось недопустимым: для того, чтобы духовное общение было плодотворным, необходимо доверие руководимого к руководителю. Оно не может возникнуть в административном порядке.

Неполноценное духовное руководство в женских монастырях XIX–XX вв. имело печальные последствия. Вот что говорил о монастырях того времени ученик Зосимовских старцев, погибший в 1938 г. в сталинском лагере схиарх. Игнатий (Лебедев) своим духовным дочерям, постриженным им в монашество: “Благодарите Бога, что вы не были в монастыре; там только изломали бы и исковеркали ваши души; монастырские монахини, за редким исключением, не умеют открываться и не понимают смысла откровения помыслов”. * Отец Игнатий называл такую извращенную духовность, подмену ее буквой — “ветхим заветом”.

Тем не менее, дореволюционные монастыри, несомненно, выгодно отличались от монастырей современных. Основное отличие их было в том, что тогда поддерживалась преемственность и насельницы действительно сохраняли духовные традиции монашества.

Никогда в то время монастыри не открывались скоропалительно. Открытие монастыря было серьезным, долгим делом. Вначале с благословения епархиального архиерея возникала община. По прошествии нескольких лет, если эта община зарекомендовала себя положительно и могла содержать себя и церковный клир, Синод назначал комиссию, ко-

* Творения. М. 1998. Т. V. С. 141.

торая на месте рассматривала положение дел, обращая внимание как на духовно-нравственное состояние обители, так и на ее материальный достаток. Только если дела в общине шли хорошо, она получала статус монастыря, начальница ее возводилась в сан игумении, а над некоторыми сестрами дозволялось совершить постриги.

От основания мон. Александрой (Агафьей Семеновной Мельгуновой) Дивеевской женской общины до получения этой общиной статуса монастыря прошло семьдесят три года. Начало женской обители, основанной замечательным подвижником благочестия XIX в. старцем Зосимой (Верховским, †1833), было положено еще в 1820 году, в Сибири. После величайших трудностей и скорбей, по причине воздвигнутых диаволом смущений и гонений на старца, руководимые им сестры переехали под Москву, где в 1826 году о. Зосима начал новое устройство пустынной обители, названной Одигитриевской*. Лишь в 1841 году, по ходатайству свт. Филарета, митр. Московского, повелением Императора Николая I обитель была утверждена на правах общежития и только в 1856 г. возведена в степень монастыря**.

Игумении монастыря иногда дозволялось vybrать благочинного из числа монашествующего духовенства этой епархии. Но чаще всего в епархии существовала должность благочинного над всеми монастырями — как мужскими, так и женскими. В Санкт-Петербургской епархии это послушание нес в течение свыше двадцати лет архим. Игнатий (Брянчанинов). В любом случае благочинным женского монастыря всегда был монах в священном сане. Он периодически бывал в обители. Игумения ничего не предпринимала без согласования с ним. Если благочинный замечал в монастыре какие-нибудь нестро-

ния, он докладывал об этом непосредственно епархиальному архиерею. Благочинный принимал реальное, а не формальное участие в жизни обители. При таком положении дел власть игумении не была бесконтрольной и не могла доходить до самодурства.

Ныне же положение женских монастырей таково, что многие духовники, как из числа белого духовенства, так и монашествующие, вообще не благословляют в них вступать, говоря, что в настоящее время женских обителей в России пока нет вообще.

Духовник Троице-Сергиевой Лавры архим. Кирилл (Павлов) в беседе с учащимися Московской Духовной Академии и семинарии (в феврале 1996 года), на вопрос, знает ли он в настоящее время женские обители, в которые безбоязненно может вступить человек, имеющий благословение на монашество, ответил: “Я этого не знаю”, — посоветовав поехать и посмотреть, какая в них духовная атмосфера. “Беда в том,— продолжил о. Кирилл,— что нет кадров, духовных лиц: в мужских монастырях нет опытных духовников, в женских — нет таких духовных стариц, которые бы окормляли молодых, новоначальных. Это большой пробел”.

Другой известнейший духовник Псково-Печерского монастыря вообще не благословляет вступать ни в какие современные женские обители.

Замечательный подвижник нашего времени, исповедник Православия, игумен Никон (Воробьев) высказывался о современных ему монастырях следующим образом: “Сейчас нет монастырей, а есть духовные, даже не духовные, а душевные колхозы”.

* Игумен Никон (Воробьев). Нам оставлено покаяние. Письма. М. 1997. Письмо № 221.

** М. 1995.

Может быть, эта оценка покажется слишком резкой, но дана она была святым человеком.

“О, бедственное время! О, бедственное состояние! О, бедствие нравственное, неприметное для чувственных людей, несравненно большее всех вещественных, громких бедствий! О, бедствие, начинающееся во времени и не кончающееся во времени, но переходящее в вечность! О, бедствие из бедствий, понимаемое только одними истинными христианами и истинными иноками, неведомое для тех, которых оно объемлет и губит!” (свт. Игнатий Ставропольский).*

Одну из характерных болезней современного ему монашества свт. Игнатий называет парадерством, а монахов, которые участвуют в этой игре, не боится назвать монахами-актерами. Поостережемся стать участниками этого пагубного спектакля!

Отец Никон (Воробьев) также не терпел никакой игры в монашество. В одном из писем к студенту МДА, которое мы приведем почти полностью, он с большой тревогой предостерегает от поспешного принятия монашеского пострига:

“Когда с Ю. будет перемена? Если еще не поздно, то посоветуй от имени прошедших этот путь отложить хоть до осени. А за лето пусть прочтет пятый том Игнатия Брянчанинова, побеседует с прошедшими этот путь, учтет время наше, даст себе отчет, в чем может выразиться истинное монашество при нынешних условиях, которые будут развиваться в том же направлении все больше и больше.

* Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. III.

** Собрание писем свт. Игнатия. М.–СПб. 1995.

Внешне это можно сделать когда угодно и где угодно за полчаса, а внутренне надо всю жизнь трудиться, чтобы хоть на старость год-другой быть капельку похожим на то, чем бы хотелось быть. Если будет внутреннее без внешнего, хотя в малой доле, то это неизмеримо дороже внешнего монашества без внутреннего. А так как последнее очень трудно дается, а внешнее будет обязывать в глазах людей соответствовать своей форме, то незаметно начнется лицемерие, фарисейство, и — может быть — нравственная гибель.

Этими словами я ни в коей мере не против его намерения, радуюсь его желанию, однако надо считаться со многими обстоятельствами. Дьявол внушает часто очень благие пожелания не вовремя и не по силам, чтобы запутать и погубить человека и не дать исполнить хорошего намерения и в свое время.

Нет никакого сомнения, что Ю. не знает еще нового пути, что у него много ложных мыслей, ожиданий, а может быть, и скрытых мирских расчетов, которые он не вполне и сам сознает. Опять повторяю: пусть изучает пятый том и исполняет по силе, тогда многое поймет. Пусть также обязательно прочтет письма еп. Игнатия во втором томе биографии его, составленной Соколовым. Обязательно пусть прочтет. Я не вмешиваюсь в чужую жизнь, но моя совесть понуждает меня написать то, что здесь написано. Многие еще можно бы сказать. Но пока довольно. Пусть не берет примера с других. Теперь люди все (в том числе и монахи) спасаются, по исполнившемуся предсказанию Антония Великого и других древних Св. Отцов, скорбями и, прибавлю от себя, внутренним монашеством, а не внешним, если у кого есть стремление к монашеству. Я счи-

таю преступлением со стороны “старших”, что они без испытания, без указания пути принимают в монашество по личным расчетам. Уверен, что они этого не сделали бы в отношении к своим детям, а чужих не жалеют”.*

Это письмо, как и всю книгу писем иг. Никола, мы порекомендовали бы прочитать любому намеревающемуся вступить на путь монашеской жизни.

Те же проблемы рассматривает в своей замечательной брошюре “О монашестве”** архимандрит Лазарь (Абашидзе). Глубоко почитая монашество как установление Божие, он, тем не менее, не боится говорить о его современных недостатках. Эту книгу мы также рекомендуем обязательно прочесть любому человеку, который чувствует в себе склонность к монашеской жизни. Других духовных писателей в России, которые в наши дни решились бы писать на аскетические темы, к сожалению, не знаем, хотя несомненно верим, что такие появятся.

Пророки Израилевы, предостерегая народ Божий от современных им опасностей на духовном пути, тем самым не отклоняли его, однако, от служения Единому Богу, наоборот, приводили к покаянию и более точному познанию пути Божия, а лжепророки, пророчествуя ложное, угашали покаяние, обманывали и в конечном итоге приводили к прелести и душевной гибели тех, кто их слушал и слепо им следовал.

Говоря о недостатках современного нам монашества, мы никоим образом не хотим быть хулителями иноческого подвига или отвратить кого-ли

* Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. I. С. 243.

бо с того тесного, но благословенного пути, на который призывает его Господь. Мы хотим лишь предостеречь благочестивых юношей и девушек от некоторых необдуманных шагов и распространенных заблуждений. Монашество, несмотря на его современные недостатки, было и остается установлением Божиим. “Духовным благом, объемлющим и совмещающим в себе прочие блага, называю монашество, к которому я призван с детства чудным призванием и неизреченною милостию”,— так писал великий наставник монашества свт. Игнатий (Брянчанинов).*

“Чем больше прохожу путь жизни и приближаюсь к концу его, тем более радуюсь, что вступил в монашество, тем более воспаляюсь сердечною ревностию достигнуть той цели, для которой Дух Святой установил в Церкви монашество. Милость из милостей Царя Царей — когда Он призвет человека к монашеской жизни, когда причастием Святого Духа освободит его от насилия страстей и введет в предвкушение вечного блаженства...”** Слова эти не устарели и не устареют никогда.

Некоторые заблуждения желающих вступить

* Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 5.

** Там же.

***Один из духовно близких святителю Игнатию современных ему подвижников, живший в Николо-Бабаевском монастыре. См. Собрание писем свт. Игнатия (Брянчанинова). М.–СПб. 1995. Письмо иг. Черемнецкому Антонию (Бочкову). № 50. С. 116.

на монашеский путь

Самая распространенная и очень опасная ошибка молодых людей, желающих поступить в обитель, — мечтательные, “розовые” представления о монашестве, особенно же о современных монастырях. Эти представления почерпнуты большей частью из книг современных авторов, не всегда заслуживающих доверия, документальных фильмов, радиопередач и восторженных рассказов паломников, дополненных фантазиями. Чаще всего не только современное, но и древнее монашество представляется новонаначальному ошибочно, в иллюзорном свете. Им движет разгорячение.

При соприкосновении с реальной жизнью мечтания развенчиваются, оставляя жестокие разочарования, способные сильно поколебать или даже совсем угасить в сердце стремление к монашеской жизни. По сути новоначальные разочаровываются не в монашестве, а в своих представлениях о нем, что рано или поздно все равно должно произойти.

Существенная ошибка новоначальных заключается в том, что они, как правило, и не стремятся узнать, что такое реальная монашеская жизнь, а ищут себе такую обитель, которая более или менее соответствовала бы их представлениям. Поскольку эти поиски основаны на мечте, они заранее обречены на неудачу. Порядки одной обители покажутся такому недостаточно строгими, другой — слишком строгими. Он так и будет переходить из обители в обитель, пока не смирится.

Даже пожив в монастыре, он может не увидеть монахов. Обращая внимание большей частью на

* Собрание писем свт. Игнатия. М.-СПб. 1995. С. 117.

внешнее: жестокий телесный подвиг, посты, поклоны и бдения,— новоначальный, никогда не видевший или видевший недостаточно примеров добродетелей, может так и не заметить смиренных делателей и сокровенных молитвенников, будучи обольщен эффектными младостарцами, кои есть в любой обители.

“Заклученный в себя вниманием, находящийся в состоянии недоумения от зрения своей греховности, неспособный к многословию и вообще к эффекту и актерству представляется для не знающих таинственного подвига его каким-то странным, загадочным, недостаточным во всех отношениях. Легко ли расстаться с мнением мира! И миру — как познать подвижника истинной молитвы, когда самый подвиг вовсе неизвестен миру? То ли дело — находящийся в самообольщении! Не ест, не пьет, не спит, зимою ходит в одной рясе, носит вериги, видит видения, всех учит и обличает с дерзкою наглостью, без всякой правильности, без толку и смысла, с кровавым, вещественным, страстным разгорячением, и по причине этого горестного, гибельного разгорячения. Святой, да и только! Издавна замечены вкус и влечение к таким в обществе человеческом”, — пишет свт. Игнатий Ставропольский*.

Новоначальный, привлеченный показным поведением таких людей, вступает с ними в общение, и, если не бывает вконец испорчен ими, то получает тяжелую душевную травму. Прожив какое-то время в обители, столкнувшись с соблазнами среди братии, не найдя удовлетворительного духовного руководства, ощутив пустоту в душе, разочарованный юноша уходит в мир.

* Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 143.

** Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. О жительстве в послушании у старца. С. 72.

Между тем, все могло бы быть иначе, если не идеализировать монастырь. Многих ошибок и последующих за ними скорбей избежит тот, кто, внимательно изучив святоотеческие писания, получит некоторое представление о монашестве и, в частности, что крайне важно, о современных его особенностях. Должно существенно уяснить себе, что времена преподобных Отцов прошли безвозвратно. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в V томе своих творений, названном “Приношение современному монашеству”, указывает на свойственные нашему времени “изменения не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние”, указывает, “каким образом должно пользоваться писаниями древних и применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которое поставляется всякий не понявший и не приметивший необходимости применения”.* Святитель называет свою книгу драгоценными заметками путешественника, претерпевшего страшные бедствия в многотрудном путешествии, предназначенными для тех, “которые намерены предпринять подобное путешествие или уже и вступили в путь, не зная его, или ознакомившись с ним лишь поверхностно по описаниям устаревшим”**. **

“О монашестве о. Никандр*** понимал так же, как понимаю и я. Называл он монастыри пристанями, по назначению, данному им от Бога; говорил, что эти пристани обратились в пучины, в которых вредятся и гибнут душами многие такие люди, которые посреди мира проводили весьма хорошую жизнь. Некоторым вопрошавшим его советовал остерегаться от вступления в монастырь. Надо знать существенно нынешнее положение монастырей, которые могут еще показаться для верхоглядов местами спасения. По крайней мере, в избрании монастыря

должно быть чрезвычайно осторожным и осмотрительным” (свт. Игнатий Ставропольский).*

Почему же так происходит? Почему святые места, в которых люди должны достигать спасения и духовного совершенства, оказываются для некоторых погибельными водоворотами? Дело не только в местах, которые в современной жизни лишены многого из того, что имели раньше, до разорения безбожниками. В целом они все же остаются благословенными обителями, которые предназначены Богом для достижения душами единения с Ним. Происходит это не без вины тех, кто приходит туда не имея знаний о духовной жизни, которые они должны были озаботиться приобрести еще до вступления в обитель, а главное — не имея правильного настроения.

Святые Отцы говорят, что только те дела и делания угодны Богу, которые проходятся в покаянном духе и целью своею имеют стяжание смирения. Между тем, многие новоначальные, не понимая этой единственно спасительной цели, стремятся к немедленному стяжанию святости. Святость они представляют не как совершенную покорность и преданность воле Божией, а как обилие высоких духовных дарований: прозорливости, чудотворения, предвидения будущего, исцелений, изгнания бесов и т. д. Намереваются они достичь этих дарований с помощью усиленных телесных подвигов, не ведая ни роли правильного духовного руководства в деле спасения, ни значения святоотеческих творений, фактически отвращаясь от единственного указанного Святými Отцами пути к стяжанию святости — богоподобного смирения: “Евангельские заповеди научают инока смирению, а крест совершенствует его в сми-

* Нам оставлено покаяние. М. 1997. Письмо № 57.

рении (слова преп. Марка Подвижника). Смирение истребляет из души и тела все греховные страсти и привлекает в нее благодать Божию” (свт. Игнатий Ставропольский)*. Покоряя себя евангельским заповедям, человек показывает свое произволение ко спасению. Господь, видя это произволение, таинственно научает человека евангельским заповедям и помогает в их исполнении. Евангельские заповеди меняют сердце человека, делают его смиренным и тем самым приближают к Богу.

Настрой, противоположный этому, обличает в имеющем его погибельную гордость. Прохождение аскетического подвига в ложном духе приводит к удалению от правильного понимания смысла монашеской жизни, в конечном итоге — к прелести. Несомненно способствует этому отсутствие в большинстве монастырей — а в женских монастырях повсеместное отсутствие — правильного духовного руководства и подмена его лжедуховным. Но, говоря словами свт. Игнатия, “если новоначальный сколько-нибудь умен и занимается святым чтением с прямым намерением спасения”**, — он рано или поздно сумеет распознать лжедуховность. На самом деле, все очень просто. Достаточно внимательно читать творения свт. Игнатия (Брянчанинова), кои можно сейчас найти в любом монастыре, чтобы избежать подводных камней и водоворотов, которые встретят новоначального в современной обители.

Нельзя не заметить, что современные иноки крайне немощны. С большим трудом сейчас можно найти среди них такого, кто во времена Отцов был бы достоин назваться послушником. Несмотря на это, воздадим глубокое уважение тем, кто, зная свои немощи, видя свое недостойнство, неспособность в

полной мере исполнить монашеские обеты, понимая, что его ждут неминуемые скорби, тем не менее, решается за послушание вступить в обитель и принять постриг.

II. НЕКОТОРЫЕ СОВЕТЫ ВСТУПАЮЩЕМУ В ОБИТЕЛЬ

Что же теперь делать,— спросят боголюбивые юноши и девушки, которые все же, несмотря ни на какие препятствия, пожелают проводить монашескую жизнь? Хотя мы и сами не знаем удовлетворительного ответа, однако попробуем поделиться некоторыми соображениями.

Изучение по творениям Отцов того, что такое монашество

Прежде всего нужно обратиться к Святоотеческим писаниям и по ним изучить, что такое монашество в представлении об этом Святых Отцов Православной Церкви. Должно приобрести спасительный навык постоянного чтения Святых Отцов, постоянного обращения к их творениям, проверки ими своих чувств, мыслей, представлений о духовной жизни. Читая Святых Отцов, увидишь удивительную, чудную их связь со Священным Писанием. Как плодоносное дерево вырастает из корня, а полноводная река вытекает из источника, учение Отцов вытекает из Священного Писания и разъясняет Священное Писание. Бог многократно и

* Избранное. Петрозаводск. 1992. Белое иночество. С. 121.

многообразно издревле говоривший отцам в пророках (Евр. 1; 1), ныне говорит с нами через Святых Отцов.

Наибольшее внимание нужно обратить на Отцов, которые жили в близкие к нам времена, т. е. в XIX–XX вв., и были знакомы с проблемами современного иночества. Особое значение приобрели в наше время писания свт. Игнатия Ставропольского. Почти все сколько-нибудь выдающиеся подвижники XX века почитали святителя Игнатия и говорили о его исключительном значении для современного христианства. Игумен Никон (Воробьев), безусловно, почитая и свт. Феофана Затворника, и других близких нам по времени писателей-подвижников, ставил, тем не менее, свт. Игнатия на совершенно особое место, будучи как бы его духовным учеником. Он пишет: “Учиться надо и молитве, и вообще христианству у еп. Игнатия (Брянчанинова). Лучшего учителя для нас нет”. * По-видимому, свт. Игнатий для нашего времени является тем, чем свт. Василий Великий являлся для своего. По крайней мере, никто из духовных писателей не отвечает так полно, удовлетворительно и даже пророчески на вопросы, которые ставит современность.

Не обольщайте себя: без внимательного изучения Святых Отцов монашество в наше время невозможно. Это будет что угодно, только не монашество.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЧИТАЮТСЯ ЖИЗНЬЮ

Святитель Игнатий Ставропольский говорит, что Евангелие читается жизнью. Жизнь же

* Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 66.

** Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. I. С. 308.

читаются писания Отцов. Изучая их, необходимо по-сильно исполнять их советы и наставления. Если этого не будут делать читающие отеческие книги, их состояние, несмотря на многочисленные теоретические знания, оторванные от жизни, можно справедливо признать лишь состоянием книжников и фарисеев. Нам надлежит стать христианами не только на словах, но и в жизни. Святитель Игнатий говорит, что прежде, чем стать монахом, надо стать совершенным мирянином. При этом необходимо постараться избежать своеобразной игры в монашество, которая порой происходит в миру.

Монастырь в миру

В России XX века появилась идея монашества в миру. Особенно ярко выразил ее исповедник Православия, известный проповедник, белый священник прот. Валентин Свенцицкий (1931). Одна из его книг так и называлась: “Монастырь в миру”. В этой книге о. Валентин предлагает мирянам, независимо от того, состоят ли они в супружестве или нет, проводить жизнь, близкую к монашеской.

Позже в восторженных выражениях писал о том же архиеп. Иоанн (Шаховской, 1989): “Параллельно упадку монашеской жизни начало восстанавливаться “белое монашество” — белое, первовековое, мученическое в мире христианство, подлинное ученичество Христово. Перед всяким горящим сердцем, тоскующим по жизни небесной, теперь открываются три пути: путь черного иночества, облечения себя в одежду внешнего отделения от мира сего; путь белого иночества — облечение своего лишь сердца в одежду этого отделения, при формах жизни всех людей, и, наконец, третий путь — откол, от-

деление от единства Церкви”*

Идея монастыря в миру, понятная и допустимая в то время, когда монастыри были закрыты, становится небесспорной во времена, когда гонения на Церковь прекратились. Эта, по сути своей и не плохая, идея в жизни, к сожалению, часто принимает уродливые формы.

Одно дело — монашествующие, получившие постриг и монастырское воспитание, вынужденные волею обстоятельств проживать среди мира, и совсем иное явление — странные личности, одетые в черные одежды, наподобие подрясников, с четками в руках, имеющие при этом представление о монашеской жизни весьма поверхностное.

Главная ошибка последователей идеи “монашества в миру” заключается в том, что, не зная внутренней сути монашеской жизни, понимание которой приходит после многих лет подвига под строгим духовным руководством и бывает выстрадано, воспринимая лишь внешние формы, они безрассудно пытаются последовать им в своей жизни. Не ведая, а порой и отвергая отеческие творения, они самочинно начинают изнурять себя безмерными постами и бдениями, многочисленными поклонами и другими бессмысленными самоистязаниями. Лишенные правильного духовного руководства, являющегося основой монашеского подвига, они вскоре неизбежно на-

* В Самарской епархии Комиссией по канонизации Новомучеников и местночтимых подвижников благочестия, начата подготовка материалов для прославления митр. Мануила как местночтимого святого.

** Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. СПб. 1993. С. 168.

чинают мнить о себе нечто высокое.

“Невозможно человеку, находящемуся еще в области плотского мудрования, не получившему духовного воззрения на падшее человеческое естество, не давать некоторой цены делам своим и не признавать за собою некоторого достоинства, сколько бы такой человек ни произносил смиренных слов и как бы ни казался смиренным по наружности”, — пишет свт. Игнатий (Брянчанинов).*

“Делающий мнимое добро “из себя” (блж. Феофилакт Болгарский), из своего падшего естества, по своему разумению, по влечению и указаниям своего сердца, не может не видеть этого добра, не может не удовлетворяться, не восхищаться им; сам тщеславится им и услаждается похвалами человеческими, ищет, требует их, прогневается и враждует на отказывающих в похвале”.** Чаще всего этой духовной болезни подвергаются неопиты, движимые ревностью не по разуму.

Всесвятое смирение — единственная цель, ради которой даются монашеские обеты, остается незамеченной этими несчастными. Вместо монашеского подвига, основанного на смирении, вытекающего из смирения и целью своей имеющего единственно смирение, эти люди воспитывают в себе качества прямо противоположные. Только то, что доставляет душе смирение, ведет душу к видению грехов и покаянию, должно признать духовным. Между тем, неправильно понятая идея монашества в миру доставляет ее последователям пагубное мнение о некоем своем отличии от других мирян, пре-

* Архим. Лазарь (Абашидзе). О монашестве. М. 1995. С. 40.

** Отец современного иночества. М. 1996. С. 29.

восходстве пред ними, ощущение своей исключительности, значимости, т. е. развивает в человеке погибельную гордыню.

Характерным отличием монашествующих в миру является страсть учительства. При каждом удобном случае, *благовременно и безвременно*, они навязчиво преподают окружающим советы касательно духовной жизни. Их не останавливают даже запреты приходских священников, кои тут же объявляются фарисеями. Некоторые же идут еще дальше. Считая себя достойными того, они всеми правдами и неправдами, даже и за деньги, добиваются так называемого тайного монашеского пострига, для того, чтобы затем при всяком удобном случае явно трубить о себе, как о монахах и подвижниках.

К великому сожалению, так называемые монашествующие в миру, по причине своего эксцентричного поведения, пользуются почитанием среди простых людей.

О горестное заблуждение! Состояние, достойное всякого сожаления, названное Св. Отцами прелестью. Таковые, если не одумаются и не покаются, погибнут навеки, так как прелесть свт. Игнатий признает смертным грехом. Так горестно заканчиваются с виду безобидные “игры в монашество”.

Здесь мы говорим об этом заблуждении потому, что некоторые молодые люди, имеющие склонность к жизни монашеской, встретившись с “монашествующими в миру”, увлекаются их учением, удовлетворяются им и подлинного монашества уже не ищут. Те, кто мог, со временем вступив в монастырь, принести там духовные плоды, остается среди

* Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 71.

** Там же. С. 76.

мира, будучи прельщен сам и прельщая других.

Между прочим, вот что говорил еще в 20-х гг. известный подвижник XX в. митр. Мануил (Лемешевский, †1968)*, отрицательно смотревший на монашество в миру: “Многие из стремящихся к монашеству спрашивают меня часто, могут ли они рассчитывать на постриг, хотя бы в малый рясофор. Напоминательно отвечаю им: при современных условиях жизни нашей к чему брать на себя еще новую тяжесть сугубой ответственности за даваемые при постригах обещания и обеты, и нравственные обязательства? Как говорят современные старцы, удались в пустыню своего сердца — и благодать будет; совершай пустынножитие среди людей и соблазнов мира и благоустрой мир среди смятенный мира сего — и сугубую милость Божию получишь за сие.

К чему в таком случае все эти одежды черные и обязательства молитвенные, когда мы основного сего не сумеем приобрести? Поэтому старайся навывкнуть к молчанию уст, мыслей и сердца чрез постоянную борьбу твою с искушениями врага рода человеческого. Молчание породит смирение и сознание своей греховности и недостойнства перед очами Божиими и даст тебе нравственную силу на дальнейшую борьбу за осуществление того мира душевного, который приобретается нами годами борьбы с самим собою”.**

В своей брошюре “О монашестве” архимандрит Лазарь (Абашидзе) пишет между прочим следующее: “Показательно, что в наставлениях Святых Отцов нашей Церкви есть ясное и подробное учение о тех добродетелях, том образе жизни, который должен проводить христианин в миру: ясно расписаны все его обязанности по отношению к семье, к окру-

жающим его мирянам, государству и светским властям и т. п. Так же четко и ясно сформулированы основные правила монашеской жизни: установлены чины, уставы, правила, советы для прохождения этого жительства. Но нет установленных четких форм для какой-либо средней, смешанной жизни(!), соединяющей монашеское и мирское в себе. Наоборот, Отцы часто указывают на то, что смешение двух разных путей приводит к душевным расстройствам, к падениям, расслаблению. И ведь понятно: для того, чтобы спастись, необходимо напряжение всех сил души, труды и внешние, и внутренние, необходимо собрать все эти силы, подчинить одной цели, найти им ясную, благочестивую область приложения”.*

Временно допустимо и даже необходимо пребывание в миру человека, который уже имеет благословение на монашество, с целью некоторой подготовки к монашеской жизни. Святитель Игнатий говорит: “Ныне не должно удивляться, встречая монаха во фраке”**, имея в виду человека, который в силу обстоятельств вынужденно остается среди мира, но при этом имеет желание проводить жизнь монашескую. Такой человек значительно отличается от описанных выше монахов в миру, прежде всего тем, что почти никто не догадывается о его намерениях. Намерения обнаруживаются разве что из прилежания к церковной службе и вообще к молитве, начитанности в отеческих творениях, уклонения от мирских развлечений, а главное — из кроткого и смиренного поведения.

Добрый кормчий

* Лествица. Слово 26. Гл. 1.

** Правила Соб. Константинопольского, Двукратного. Каноны, или Книга правил. Монреаль. 1974. С. 196.

Мы не будем говорить здесь о пользе и необходимости духовного руководства, т. к. об этом достаточно сказано в святоотеческих книгах. Позволим себе лишь обратить внимание читателя на учение свт. Игнатия (Брянчанинова) о том, что “нашему времени не дано послушание старцам в том виде, в каком оно было у древнего монашества”*, не дано старчество. Приличествует нашему скудному веку жительство по совету единокровного брата: “Духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени, основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями Святых Отцов, при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братий. В собственном смысле это — послушание древних иноков, в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной. Древним послушникам их Духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию; ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании, и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям. Тогда преуспеяние было быстрым по свойству делания; ныне оно косно, опять по свойству делания. Таково благоволение о нас Бога нашего”**.

Решимся добавить, что нужно озаботиться поисками духовного руководителя прежде, чем мы вступим в монастырь. Если не сделать этого, то может случиться так — и, скорее всего, случится, — что, поступив в обитель, мы не найдем там удовлетворительного духовного руководства, а возможности вы-

* В этом можно убедиться, если обратить внимание на даты в опубликованной переписке известных старцев и духовников.

езжать из обители в поисках духовного отца монастырь не сможет нам предоставить. Кроме того, в некоторых женских монастырях существуют даже такие странные мнения, что духовник в монастыре — игуменья, а дело священника — только читать разрешительную молитву на исповеди, и что при уходе из мира должно быть оставлено все, даже духовный наставник, который, следовательно, есть принадлежность мира. Ни в одном мужском монастыре мы таких мнений не встречали; напротив, поддерживается благоговейное отношение к духовнику, который до монастыря руководил будущим послушником, и никто не препятствует общению с ним. Несомненно, лучше всего было бы получать духовное руководство непосредственно в обители. Но что делать новонаначальному послушнику, если удовлетворительного руководства монастырь не может предоставить? Жить без руководства? Единственный выход — поискать его на стороне, хотя бы временно.

Ничем не восполнимо руководство в самом начале духовного пути, когда происходит духовное становление личности, формируются понятия и складывается направление духовной жизни человека. Даже святоотеческие книги, столь неопределимые при наличии некоторого рассуждения и духовного опыта, недостаточны, однако, для новонаначального, если рядом нет человека, который из собственного опыта помог бы правильно понять и применить их к жизни. Душа, с самого начала осознавшая необходимость послушания и вставшая на этот путь, в дальнейшем будет водима Богом к животворным садам смирения.

“Рассуждение в новонаначальных есть истинное знание своего душевного устройства”, — говорит преп. Иоанн Лествичник*. Новонаначальный, не стяжавший еще и начатков рассуждения, не имеющий опыта, не

знает своей меры, поэтому стремится проводить подвижническую жизнь, превышающую его душевные и телесные силы. Единственная возможность для новонаначального избежать этой ошибки — покорить себя человеку, который сможет определить его духовный уровень и преподать правила жизни, соответствующие его устройению. В древних монастырях послушника обязательно вручали старцу, главной задачей которого было преподать устав монастыря и отеческие правила применительно к душевным и телесным силам именно этого послушника. И постнические, и молитвенные правила никогда не были одинаковы для всех; они обязательно устанавливались старцем индивидуально для каждого.

Значение старческого окормления признавалось настолько важным, что Церковь засвидетельствовала его каноническим правилом, запрещающим совершать постриг в монашество без присутствия при этом лица, долженствующего принять в послушание постригаемого и иметь попечение о его душевном спасении, способного спасти его душу. Нарушающих это правило предписывается канонами подвергать извержению из своего чина**.

Святитель Феофан Затворник различает понятия “духовник” и “духовный отец”. Духовник — это тот, у кого исповедуются, духовный отец — тот, чьими советами руководствуются в жизни. “Исповедоваться можно у любого священника, но руководствоваться необходимо советами кого-то одного”, — говорил замечательный духовник XX в. архимандрит Серафим (Тяпочкин, †1982), один из немногих, кого действительно можно назвать старцем. *Живущих с тобою в мире да будет много, советником твоим — один из тысяч* (Сир. 6; 6).

Новонаначальный должен иметь возможность

постоянного общения со своим духовным руководителем. Поэтому ему нужно бы находиться недалеко от своего духовного отца, для того чтобы в идеале — ежедневно, или хотя бы раз в несколько дней исповедовать помыслы и спрашивать совета. Когда новоначальный живет на значительном удалении от духовного отца, постоянное общение невозможно. Оно возможно лишь время от времени, от чего многие вопросы остаются нерешенными и решаются новоначальным самочинно. Некоторые надеются, что они будут часто приезжать к своим духовным отцам, но такие поездки в общественном транспорте бывают в духовном отношении весьма разорительны и даже опасны, да и по причинам материальным не всегда возможны.

Недостаток общения отчасти может восполнить переписка, но она имеет ряд существенных недостатков. Главный из них в том, что, пока письмо дойдет до адресата, а тот сможет написать ответ, пройдет, по крайней мере, несколько недель, а иногда и месяцев*. За это время многие обстоятельства успеют измениться и ответы будут уже несвоевременны.

Письма известных старцев и подвижников, несомненно, приносили существенную пользу тем, кому они были написаны, однако должно признать, что такая форма руководства возможна либо для христиан, живущих в миру, которым строгое руководство не так необходимо, как монашествующим, либо для людей духовно преуспевших, многие вопросы которых уже получили свое разрешение. Некоторые важные вопросы новоначального могут

* Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. О жительстве по совету. С. 77–78.

быть решены с помощью писем, но множество прочих вопросов, из которых и складывается в конечном итоге его жизнь, остаются без ответа.

Опыт показывает, что когда духовные чада находятся вдали от духовного отца, хоть они и убеждены, что живут в послушании, на деле проводят жизнь вполне самочинную и имеют весьма приблизительные представления о жительстве в послушании. При поиске духовного отца это непременно нужно учесть и искать человека, который хотя, может быть, не так известен, но с которым будет возможно регулярное общение. Вполне достаточно для духовного руководителя, чтобы он строго придерживался православного учения, был человеком смиренным и начитанным в святоотеческих творениях.

Если родители не благословляют в монастырь

Некотрые считают, что препятствием для вступления на путь монашеской жизни является отсутствие родительского благословения. Этому мнению придерживаются даже известные духовники. Всех их отличает то, что воспитаны они были в благочестивых семьях, поэтому они не всегда понимают проблемы, возникающие в том случае, когда родители — люди нецерковные.

Конечно, хорошо заручиться родительским благословением в таком важном деле. Всем памятен пример преп. Серафима Саровского, который до самой своей смерти не расставался с медным крестом — материнским благословением на монашескую жизнь — и очень дорожил им. Но необходимо учитывать то, что преп. Серафим был из благочестивой семьи, в которой очень почитался иноческий

чин. Совсем другая ситуация в тех семьях, где родители — неверующие или малоцерковные люди. Они никогда добровольно не благословят детей на монашескую жизнь. Порой и церковные родители не понимают значения монашества.

В житиях святых мы имеем немало примеров того, как великие угодники Божии уходили в монастырь без всякого разрешения и даже вопреки воле родителей. Так поступил, например, первоначальник Российского иночества преп. Феодосий Киево-Печерский. Вопреки воле родителей принял постриг великий светильник современного монашества, святитель Игнатий Ставропольский. Есть множество других примеров. Причем их гораздо больше, чем примеров оставления мира с благословения родителей.

Святоотеческие творения нигде, ни в одном месте не упоминают о необходимости родительского благословения на монашеский путь.

В единственном случае нельзя уходить в монастырь без воли родителей — когда больные, престарелые родители нуждаются в уходе и средствах к существованию. В таком случае действительно не стоит торопиться с уходом из мира, пока Господь, видящий благое произволение, не предоставит для этого возможность. В остальных случаях надо признать, что считающие необходимым родительское благословение на монашество не имеют для этого оснований ни в Священном Писании, ни в святоотеческих творениях.

В данном случае мы видим пример того, как в современной церковной жизни предания и заповеди

* Святитель Нектарий Эгинский. Жизнеописание. Архимандрит Амвросий (Фонтрие). М. 1998. С. 92, 94.

человеческие выдаются за предания Церкви. Такая опасная подмена характерна для нашего времени, поэтому свт. Игнатий (Брянчанинов), ссылаясь на цитату из св. преп. Симеона Нового Богослова, говорит, что для того, чтобы следовать учению Церкви, а не человеческим преданиям, необходимо учение любого духовника поверять Священным Писанием и святоотеческими творениями.*

Выбор обители

Попробуем поразмышлять и о том, чем нужно руководствоваться в поисках монастыря, в котором можно было бы проводить богоугодную жизнь.

Выбор обители новоначальным имеет порой решающее значение для дальнейшего спасительного и успешного прохождения им монашеского подвига, так как обитель, куда он придет, иноки, с которыми он вступит в общение, будут формировать его направление. А, по мнению свт. Игнатия, какое направление получит новоначальный в начале своего монашеского пути, такого будет придерживаться и во всей дальнейшей жизни.

Поиск монастыря лучше всего начать с совета и благословения своего духовника, если таковой имеется. Наиболее опытные духовники, назвав несколько обителей, тем не менее, предлагают поехать по монастырям самим и посмотреть на месте.

Не надо обольщаться первым положительным впечатлением от монастыря. Чтобы составить

* Святитель Нектарий Эгинский. Жизнеописание. Архимандрит Амвросий (Фонтрие). М. 1998. С. 93–94.

** Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 51.

более или менее верное представление об обители, в ней должно прожить значительное время.

Монастырь — это училище благочестия, поэтому прежде всего зададимся вопросом: найдем ли мы в выбранной нами обители духовное назидание, найдем ли хоть кого-нибудь способного преподать нам совет? Увидим ли примеры благочестивой жизни? Будет ли у нас возможность читать святоотеческие творения?

Монастырь — это прежде всего люди, с которыми нам предстоит общаться: игумен, духовник и братия. Обратим внимание на то, соответствуют ли их взгляды на монашескую жизнь святоотеческим писаниям? Подумаем, сможем ли мы быть единокорными, единомысленными хотя бы с некоторыми из них? Ибо, если останемся в одиночестве, без духовного руководства, без духовного общения — погибнем.

Обратим внимание на то, разумны ли порядки в монастыре? Порядки, опять-таки, устанавливаются людьми, обычно — начальствующими лицами. Погибительно для новонаначального оказаться в монастыре, где поощряется нерадивая жизнь. Но и излишняя неоправданная строгость, обычно привлекательная для новонаначального, бесполезна. Расстроить здоровье по неразумной ревности очень легко, но его недостаток потом будет трудно восполним или невосполним вовсе. Расстроенное здоровье порой приводит к тому, что насельник бывает вынужден покинуть обитель и возвратиться в мир.

Греческий святой XX века свт. Нектарий Эгинский (Кефала, †1920), угодник Божий, обиловавший еще при жизни благодатными дарами Духа

* Отец современного иночества. М. 1996. С. 29.

Святого, пишет своим духовным чадам — инокиням: “Болезнь препятствует духовному росту для тех, кто не достиг совершенства. Здоровье вам нужно для духовного делания. Тот, кто несовершенен и выходит на брань, будет сражен, знайте это, если не будет здоровым, ибо ему будет недоставать той моральной силы, которая укрепляет совершенных. Для несовершенных здоровье — это колесница, несущая бойца к победному завершению сражения. Вот почему я советую вам быть рассудительными, знать меру во всем и избегать чрезмерностей. Строгости идут рука об руку с мерой добродетели. Человек, не достигший высоких моральных добродетелей и желающий соперничать с совершенными в строгости жизни, подвергается опасности прийти в состояние прелести и пасть”. “Не переступайте пределов своих возможностей, дабы не истощить их преждевременно”.*

“Какая мудрость! — пишет жизнеописатель святого, архим. Амвросий (Фонтрие).— Будучи чудотворцем, святитель не просит Бога о физическом исцелении своих инокинь. Он признает, что медицинская наука — тоже от Бога. Лишь когда она исчерпывает себя, не достигнув результатов, Бог приходит на помощь. Великий Макарий Египетский говорит в одной из своих “Бесед”, что Бог дал нам искусство врачевания и лечебные травы, дабы исцелялись от телесных недугов как верующие, так и неверующие. Вообще, здоровье духовных чад было для святителя предметом серьезной заботы. Здоровье лежит в основе правильной аскезы”.*

Священное Писание говорит: *Почитай врача по причине потребности в нем, ибо Господь создал его. Господь создал от земли врачевства, и муж му-*

* Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 70.

дрый не возгнушается ими. И дай место врачу, ибо его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, так как он тебе нужен (Сир. 38; 1, 4, 12).

Между тем определенная часть монашествующих, особенно новоначальных, бравируют пренебрежительным отношением к медицине. Более того, некоторые духовники прямо не благословляют пользоваться никакими медицинскими средствами, а в некоторых монастырях даже запрещают обращаться к врачам и принимать лекарства. Особенно такое нездоровое отношение к медицине присуще современным обителям женским.

Монастырь — место молитвы. Поэтому внимательно рассмотрим, уделяется ли в обители должное внимание этому “основному деланию инока” (свт. Игнатий Ставропольский)? Не поглощают ли время насельников бесконечные хлопоты хозяйственные, экономические и строительные? Вместо исшествия из мира, монастырского уединения, столь необходимых новонаначальному, не будем ли мы “за послушание” скитаться среди соблазнов больших городов в поисках пожертвований и спонсоров? Святитель Игнатий считал, что монастырь благоустроенный заслуживает предпочтение перед монастырем неблагоустроенным.**

Формы монашеского жительствова различны

Формы монашеской жизни весьма разнообразны: от строгого отшельничества до многолюдных лавр, миссионерских монастырей и обителей милосердия. Их разнообразие продиктовано самой жизнью: православное монашество существует много веков, и в разные времена в разных странах оно

принимало различные формы. Во времена гонений монашество, вынужденное существовать тайно, имело свои характерные черты. Когда гонения прекращались, оно, выходя из “катакомб”, облекалось в иные формы. Однако не бывал забыт и опыт времени гонений, и разнообразие жизненных условий порождало разные виды монашества.

Подлинная духовность умеет очень гибко приспособляться к постоянно меняющимся внешним условиям, порой оставляя форму, если того требуют обстоятельства, и все свои усилия направляя на то, чтобы сохранить неповрежденным внутреннее содержание. “Ищите всюду духа, а не буквы,— говорит свт. Игнатий.— Не должно привязываться к старым формам: борьба за формы бесплодна, смешна; вместо того, чтобы побеждать и назидать, она раздражает противников или вызывает их презрение. Форма, как внешность, есть случайность, а случайность проходит, одна Истина пребывает во веки. *Истина освободит вас* (Ин. 8; 32), а Истина есть Христос: облекитесь во Христа, и Вы явитесь в самой лучшей, в самой древней и вместе с тем в самой современной одежде. *Христос вчера и сегодня Тот же и во веки* (Евр. 13; 8)”*. Если мы рассмотрим историю монашества от его возникновения, то увидим, что сейчас оно достаточно сильно отличается по форме от монашества времени Отцов, но по своей духовной сути это все то же монашество. Различные формы его освящены примерами святых, просиявших в том или ином виде иноческого подвига.

Новонаначальному, как правило, известны только самые традиционные формы иночества — общежительный монастырь и отшельничество. Причем

* Письма Преподобного Игнатия (Брянчанинова), еп. Черноморского, и Антония, иг. Черемнецкого.

чаще всего новонаначального, движимого ревностью не по разуму, привлекает второе. Он даже не догадывается о том, что отшельничество, как и жительство в послушании старцам, не дано нашему времени: “В настоящее время в нашем Отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным, а затвор — очень затруднительным” (свт. Игнатий Ставропольский).*

Известные общежительные монастыри, о которых многое можно услышать, прочитать, увидеть в телепередачах, новонаначальному знакомы более всего. Менее известны, но гораздо более распространены небольшие провинциальные обители. В отличие от монастырей с большим братством, они имеют как свои существенные недостатки, так и свои достоинства.

К достоинствам можно отнести то, что братства маленьких обителей всегда более сплоченные и дружные. Порядки там гораздо проще, чем в больших монастырях. Они менее подвергаются напльву мирских людей и туда почти не приезжают высокие светские сановники. Вообще, жительство в таких обителях можно было бы признать в наше время вполне удовлетворительным, если бы не один существенный недостаток, присущий, пожалуй, всем им без исключения,— бедность в материальном отношении, порой доходящая до нищеты. Особенно тягостна она, когда монастырь только восстанавливается.

Братство таких обителей постоянно вынуждено заниматься борьбой за выживание, т. е. либо нести непосильные труды в ущерб богослужению и мо-

* Иг. Серафим (Кузнецов). Мужской общежительный устав. М. 2000. С. 144–145.

литве, либо бесконечно заниматься поисками спонсоров, кои, если с большим трудом и находятся, большей частью являются людьми, в лучшем случае, нецерковными, а то и просто неверующими. В прошедшие века, когда монашество существовало в нормальных условиях православной страны, было замечено, что жертвователи, называемые тогда ктиторами, достаточно серьезно вмешивались в дела обители и, будучи людьми мирскими, не понимая сути монашества, порой мешали нормальной жизни монастырей. Если такое было повсеместно в Православной России, что говорить о теперешнем практически безбожном государстве!

Деньги “новых русских” имеют иногда такое происхождение, что, согласно канонам, их вряд ли можно принимать как пожертвование на обитель. Да их не очень-то и жертвуют. Поэтому монастыри, материальный достаток которых изначально строится на пожертвованиях и спонсорах, обречены на постоянную зависимость от мира, следовательно, на тесное общение с ним.

Известный подвижник конца XIX в. игумен Антоний (Бочков), настоятель Черемнецкого монастыря, духовный друг свт. Игнатия, сообщая в письме ему о большой нехватке средств и материальных трудностях в своей обители, замечает следующее: “Если бы мы искали царствия Божия, все приложилось бы нам, но, видно, худо ищем, когда помощи доселе еще не видно”.*

Существует и такая форма монашеской жизни, как монастырское подворье. Обычно приписанные к большим и известным обителям, они являются фактически маленькими самостоятельными монастырями, и их жизнь значительно отличается от жизни в обителях, которым они принадлежат. То,

что было выше сказано о маленьких монастырях, вполне можно отнести и к монастырским подворьям. К их недостаткам можно прибавить еще то, что подворья в основном находятся в больших городах со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но это местоположение дает им, в свою очередь, преимущества в материальном отношении, что позволяет меньше заботиться о хлебе насущном.

Хотя послушание на подворье и считается временным, но опыт показывает, что иноков, как правило, направляют туда не на один год и там складывается свое более или менее постоянное братство. Поскольку количество монастырей в сельской местности продолжает расти, их подворья в больших городах, по-видимому, тоже будут умножаться. Жизнь показывает, что такие подворья действительно необходимы, значит, эта форма монашества будет развиваться в дальнейшем. Со временем некоторые из подворий могут вырасти в самостоятельные монастыри.

Другой малопонятный для новонаначального род монашеского жительства — скитской. Скит отличается от общежительного монастыря тем, что в нем подвизается небольшое количество братии и жизнь проводится по более строгому уставу. В 1910 г. вышла в свет книга, не получившая большой известности, — «Монастырский мужской общежительный Устав». Ее автор, иером. Серафим считает, что необходимо строго придерживаться определенной последовательности в прохождении монашеской жизни: сначала должно подвизаться в общежительном монастыре, затем — в общежительном скиту, устроенном по образцу древнего общежития свт. Василия Вели-

* Лествица. Сл. 1. Гл. 20.

** Творения свт. Игнатия. М. 1998. Т. V. С. 142–143.

кого, где инок держит себя так, как если бы подвигался один, совершенно не приходя в соприкосновение с миром и мирянами, затем — в скиту безмолвном, где инок “находится в состоянии непрестанного богомыслия”, и затем, если есть на то воля Божия, по примеру древних Отцов, возможно вступление на путь пустынножительства и затворничества.*

До революции скиты, как правило, были приписываемы к общежительным обителям. С возобновлением монастырей в 90-х годах XX века делаются попытки восстановить и скитской образ жительства. Но нам не известен ни один удачный опыт устройства скита. Сейчас скитом называют либо маленькую общежительную обитель, либо, еще чаще, монастырские подсобные хозяйства. Будем надеяться, что со временем, когда будут возрождены святые обители, в них воспитаются достойные иноки, которые и восстановят скитское жительство. Скорее всего, восстановление его, как и монашества в целом, может произойти не раньше, чем через многие годы, а более реально,— через десятки лет.

Во время коммунистических гонений, когда большинство монастырей оказались разоренными, а

* Эту статью будет бесполезно почитать и девушкам, собирающимся вступить в святую обитель.

в немногие открытые обители прием был ограничен, монашеская жизнь развивалась на приходах. Монахи собирались по двое-трое и больше и фактически устраивали на приходах маленькие иноческие общины. Для женского монашества в те годы это была почти единственная форма существования. Сестры, порой имевшие тайный постриг, ходили в мирской одежде. Всех внешних форм монашества тщательно избегали, чтобы не привлекать к себе внимания. Только по уставным богослужениям можно было догадаться, что на приходе фактически существует небольшой монастырь. Собственно, первые монашеские общины среди языческого мира возникали точно так же.

Несмотря на то, что гонения прекратились, подобные общины на приходах продолжали существовать и даже появлялись новые. И, хотя открывается множество монастырей, подвигающиеся в этих общинах по разным причинам не считают нужным или признают пока несвоевременным, даже бесполезным для себя открытие монастыря и монашеские постриги, ожидая, когда для монашества в целом наступят более благоприятные времена.

Выбирая обитель, в которую можно было бы вступить, нужно понять, что не обязательно жить в каком-нибудь известном или богатом монастыре или прославленном святом месте, а лучше всего подвизаться там, где благословит Господь. Таким местом может оказаться малоизвестная, незначительная в глазах мира обитель.

Должно вверить себя Всемогущему Богу, водительство Его Промысла. Господь силен наставить нас и послать духовное руководство, если пожелает нас видеть на пути монашеском; обязательно укажет Он и обитель. “Если бы земной Царь позвал нас и пожелал бы нас поставить в служение пред лицом

своим, мы не стали бы медлить, не извинялись бы, но, оставив все, усердно поспешили бы к нему. Будем же внимать себе, чтобы, когда Царь царствующих и Господь господствующих, и Бог богов зовет нас к небесному сему чину, не отказаться по лености и малодушию, и на великом Суде Его не явиться безответными”*.

“Какой ныне самый благонадежный путь спасения для инока? Тот путь, который способен оградить его от влияния соблазнов извне и внутри. Он заключается по наружности в удалении от знакомства и свободного обращения вне и внутри монастыря, в неисходном по возможности пребывании в монастыре и в келье, а по душе — в изучении и исполнении евангельских заповедей, или, что то же, в изучении и исполнении воли Божией (Рим. 12; 2) и в безропотном и благодушном терпении всех попускаемых Промыслом Божиим скорбей, при признании себя от искренности сердца достойным этих скорбей. Евангельские заповеди научают инока смирению, а крест совершенствует его в смирении (Слова преп. Марка Подвижника). Смирение истребляет из души и тела все греховные страсти и привлекает в нее благодать Божию. В этом и заключается спасение” (свт. Игнатий Ставропольский).**

Господь да благословит благие намерения ищущего спасения, да управит Своей благодатью, по молитвам преп. Отцов, в бурных и переменчивых волнах житейского моря к тихому пристанищу покаяния.

Пастырю Христовых невест

*Советы духовнику женской общины**

Нередко случается так, что инока, получившего опыт пастырского душепопечения в приходской жизни, священноначалие назначает духовником женской обители, или с переводом в монастырь, или, чаще, в качестве дополнительного послушания при прежних обязанностях священника приходского храма. В любом случае, таких духовников назначают чаще из приходских иеромонахов, чем из монастырских. Поэтому священноинок, предполагающий перейти из монастыря на приход, должен учитывать возможность такой нечаянной перемены в своей жизни.

Одна из причин таких назначений — в том, что игуменьи не желают попасть в какую-либо зависимость от мужских монастырей, избегая таким образом вмешательства тамошней администрации в дела своего монастыря. Другая важная причина — в том, что приходские иеромонахи, как правило, имеют более обширный опыт пастырского душепопечения, чем иноки монастырские, кои некоторым образом отделены от мирской жизни и не сталкиваются с теми духовными проблемами, с которыми встречаются пастыри в миру. Современного пастыря в миру можно уподобить человеку, которого учат плавать посредством выбрасывания за борт лодки посреди волн бушующего моря. Если не утонет —

будет опытным пловцом. Между тем иеромонах монастырский подобен тому, кого обучают плавать постепенно, многие годы. Но особенно ценен опыт священноинока, который начал свою пастырскую деятельность в обители, а продолжил на приходе, так как он деятельно знаком с особенностями той и другой жизни.

По сути дела, пастырская практика духовника женского монастыря более приближена к приходской жизни, чем к жизни монастырской. В настоящее время клир женских монастырей немногочислен. Большой частью он состоит из одного — двух священников. Даже диакона монастырь содержать порой не в состоянии. Тем не менее, в женский монастырь, так же, как и в мужской, приезжает множество паломников, он так же ежедневно посещается прихожанами, особенно если находится в городе. Количество паломников значительно увеличивается в дни праздников. Клирики монастыря, кроме ежедневного уставного богослужения, постоянно совершают требы, как внутри, так и вне обители, исповедуют говеющих, духовно окормляют мирян и сестер монастыря. Они вынуждены общаться со спонсорами, например, освящая их предприятия и совершая визиты вежливости, проводить занятия в воскресной школе, принимать участие в общественных событиях и гражданских торжествах.

Все это — при весьма скромном вознаграждении, а иногда и вовсе без такового. Нагрузка священноинока в женском монастыре весьма высока и не сравнима с нагрузкой иеромонаха в монастыре мужском.

Разумно ли назначать духовником монастыря белого священника?

До революции решением Синода духовниками в женские монастыри назначались только белые священники. Эта мера, долженствовавшая, на первый взгляд, оградить иноков от соблазнов, много способствовала упадку духовной жизни женских монастырей. Преподобный Исаак Сирийский говорит, что желающий жить монашеской жизнью духовным руководителем должен иметь монаха, так как белые священники не знают и не понимают этой жизни, поэтому руководителями в ней являться не могут. Предполагалось, что священники будут совершать богослужения и требы, духовным же окормлением сестер займутся старицы-схимницы. На деле же духовно опытных стариц-схимниц не хватало, а в большинстве монастырей не было вовсе. В результате обязанности по духовному окормлению сплошь и рядом стали принимать на себя игуменни, что отрицательно отразилось как на духовной, так и на административной жизни вверенных им обителей. В лучшем случае, духовное окормление поручали духовникам из белых священников. Но они, как уже говорилось, в редких случаях понимали эту жизнь и, не понимая, что такое душевный подвиг и в чем его отличие от телесного, редко могли дать трезвый, деятельный совет.

Духовная жизнь в женских монастырях все более и более приходила в упадок. На Монашеском съезде 1909 года выяснилось, что к началу XX

* Я видел Духа Божия. Новооткрытые изречения прп. Антония Великого. М. 2002. С. 26.

века в России осталось всего четыре общежительных женских монастыря, остальные стали своекоштными, некоторые же распались совсем. Это время почти не явило нам опытных игумений или подвижниц. Хотя справедливости ради надо заметить, что женское монашество разделило судьбу гонимого безбожниками русского духовенства и дало немало преподобномучениц и преподобноисповедниц. Однако их возрастили и приготовили к мученичеству, к сожалению, не опытные духовники, а скорби и гонения.

После 1917 года сама жизнь отменила многие решения Св.Синода. Будем надеяться, что священноначалие возрождающейся после гонений Русской Церкви не повторит ошибку иерархов синодального периода. Иначе, если рассуждать так, как рассуждала иерархия прежняя, не следует ли вообще запретить иеромонахам «во избежание соблазнов» окормлять лиц женского пола моложе 70 лет?

Ныне в женские монастыри наряду с белыми священниками свободно назначаются священноиноки, причем игумении предпочтительно просят назначать последних. Как удаление иноков от духовного окормления женских обителей существенно послужило к упадку женских монастырей, так и возвращение их, надеемся, послужит восстановлению женского монашества.

Как вести себя иеромонаху, приглашенному к духовному руководству

* Собрание сочинений свт. Игнатия. Т. V. М. 2001. С. 325–326.

женским монастырем?

Итак, иеромонах приглашен в женский монастырь духовником. Как он должен это воспринять? Прежде всего — как послушание. Если спрашивается его мнение и добровольное согласие, настоятельно рекомендуем попытаться избежать такого назначения. Прежде всего потому, что духовничество, являясь само по себе крестом, в женском монастыре — крест сугубый. Наместник одного из известнейших монастырей поведал нам, что, когда священноначалие предложило ему выбор: быть наместником в возрождающемся мужском монастыре или духовником в таком же женском, — он предпочел многотрудные, связанные с хозяйственной деятельностью обязанности в мужской обители обязанностям духовничества в женской, чтобы избежать бесконечных проблем с игумениями и насельницами. До этого назначения он был известным духовником в Троице-Сергиевой Лавре, стяжавшим духовную опытность и рассуждение.

Объясним. Кроме колоссальной физической нагрузки, о которой уже упоминалось, играет свою роль женская психология и то, что женщина является более страстным существом, чем мужчина; «с умом более слабым» (свт. Василий Великий). Следовательно, в духовной жизни у женщин проблем больше, а первым, кто с этими проблемами сталкивается, является духовник.

Следующее обстоятельство, которое необходимо учитывать, — это наличие в женском монастыре игумении, далеко не всегда высоко-духовной, обладающей в обители всей полнотой власти, ничем не ограниченной; так что, хотя номинально священник подчиняется архиерею и даже носит почетное зва-

ние настоятеля монастырского храма, он фактически должен во всем считаться с игуменьей и во всем подчиняться ей. Нам известны игуменьи, которые открыто утверждают, что в монастыре архиереи — они сами.

Далее. Да не думает ни один священноинок, что, поскольку он за послушание принял некоторым образом особенное служение, то Господь освободит его от плотской брани. Вредная иллюзия! Даже если раньше, будучи насельником мужского монастыря, он и чувствовал себя в некотором умиротворении, то оказавшись в монастыре женском, почти наверняка, рано или поздно, подвергнется нападению плотских помыслов и искушений.

«Авва Антоний Великий говорил: «Не дадим монаху ходить туда, где находятся женщины, чтобы он имел дерзновение с ними, исключая тех, кои имеют силу от Бога. Ведь если видеть женщин, они не оставляют человека спокойным в келье». Некто сказал ему: «Стоит ли ходить к ним, чтобы их утешать?» Старец сказал ему: «Если ты приял Духа, то иди, иначе я не желаю, чтобы ты ходил туда»».*

Ни возраст, ни духовный опыт, ни какие бы то ни было меры предосторожности от браней не освободят. В лучшем случае, несколько ослабят их. Блудная брань, являющаяся вообще крестом любого инока, в женском монастыре будет присутствовать постоянно, в том или ином виде, примет особо изощренные формы. Для нападения на инока диавол особенно эффективно пользуется женской глупостью и безрассудством. «Женщина руководится чувствами падшего естества, а не благоразумием и духовным разумом, ей вполне чуждыми. У нее разум — служебное орудие чувств. Увлечшись чувствами, она весьма скоро заражается пристрастием не только к

иноку юному и зрелых лет, но и к старцу,— делает его своим идолом, а впоследствии сама по большей части делается его идолом. В женщине преобладает кровь; в ней с особенною силою и утонченностью действуют все душевные страсти, преимущественно же тщеславие, сладострастие и лукавство. Последней прикрываются две первые»*.

Если в мужской обители есть куда бежать и где спрятаться, то в женской бежать некуда и большей частью не с кем даже посоветоваться и поделиться. Уходить же по причине встретившейся брани из обители, где священноинок несет послушание по воле священноначалия, неправильно. Это будет схождением с креста. Все должно претерпевать с верой.

Вышеизложенные причины — основные, но это еще не все. Скорбных моментов великое множество, в зависимости от места, времени, обстоятельств, воззрений священноинока.

Когда иеромонаха посылают в женский монастырь за послушание, если нет каких-либо особо веских причин, отказываться не всегда правильно; не всегда это будет соответствовать воле Божией. Отказ от послушания священноначалию, схождение с креста является проявлением гордости и, как таковое, может вести за собой тяжкие последствия, так что то, из-за чего инок боялся принять служение в женском монастыре, как раз и постигнет его в случае отказа. Кому-то же есть Божия воля совершать служение и в женских монастырях! Поэтому, благословившись у своего духовника, с верой и надеждой на помощь Божию, примем на себя это служение, сознавая свое недостойнство, греховность, полное отсутствие какого бы то ни было опыта в данном деле.

Положительные стороны

Служение духовника женской обители, осуществляемое не без Промысла Божия, имеет и свои положительные стороны. Такое послушание — драгоценная находка для тех иноков, которые навывкли молитвенному деланию и избрали его основным в своей духовной жизни, так как позволяет проходить это делание с наименьшими попечениями, в отличие от положения иноков в мужских монастырях, особенно же новооткрытых. Да и по сравнению со всеми другими формами современной иноческой жизни, кроме, пожалуй, отшельничества, положение духовника женской обители для иноков-молитвенников наиболее предпочтительно.

Действительно: здесь иеромонах ничем более не занят, как только богослужением и совершением треб. Это его главное и, как правило, единственное послушание. Хозяйственные, строительные, экономические дела, необходимость поиска средств к существованию своему и обители счастливо минуют его. Всем этим занимаются игуменья и сестры. Священноинок, в силу своего положения, по большей части не входит в эти дела и даже не интересуется ими.

Исполняя послушание клирика, будучи одним из немногих, а порой, единственным, священноинок имеет определенный авторитет и уважение со стороны насельниц и посетителей монастыря, что сообщает некоторую неприкосновенность, а значит, безмятежие и стабильные условия для его духовной жизни, если только он сам неразумным поведением не наживет себе врагов. По сравнению с другими насельниками монастыря, к клирику большей частью относятся бережно, как из уважения к его священному сану, так и по причине уникальности его служе-

ния, поскольку только благодаря ему в обители сохраняется возможность совершения богослужения, а главное, Божественной Литургии.

При современном положении в мужских монастырях, только совершая служение в женском священноинок может пользоваться стабильностью и быть уверенным в завтрашнем дне настолько, насколько вообще можно быть в чем-то уверенным на этой земле. В мужском монастыре любой священноинок всегда может быть назначен на административное послушание, как правило, связанное с хлопотами и попечениями. Нередко эти послушания сопровождаются общением с мирскими людьми, а иногда и выездами в мир по хозяйственным делам. Не каждый инок настолько духовен, чтобы рассеяние, сопровождающее такого рода послушания, не отражалось бы на его молитвенном делании.

Священноинок может быть уверен, что в женском монастыре он никогда не будет иметь никаких административных обязанностей. Если и там он вынужден иногда общаться с миром, то общение это ограничено. Как правило, это лишь совершение треб для мирян и благодетелей, большей же частью — общение с богомольцами, среди которых могут быть и духовные чада пастыря. Как мы уже говорили ранее, в женском монастыре не чинится препятствий такого рода общению, а в мужском, напротив, препятствия иногда возникают. Да и возможностей для такого общения у пастыря в женском монастыре больше, что, несомненно, также является одним из положительных моментов.

У священноинока возникает необходимость выехать из обители: иногда для окормления духовных чад, которые не имеют возможности посетить обитель, а иногда он и сам нуждается в совете дру-

гого духовно-опытного пастыря или в исповеди. В мужском монастыре для рядового священноинока выезды почти всегда проблематичны. Для разрешения же вопросов предлагается братский духовник. В женской же обители священноинок в свободе передвижений ограничен только необходимостью совершения регулярных богослужений, поэтому по договоренности с игуменьей может отлучаться в случае нужды для посещения любых духовно-опытных старцев. Иногда выезжать из обители — его право.

Мы указали как положительные, так и отрицательные стороны такого служения, предоставив самому священноиноку оценить все обстоятельства и решить, что полезнее для его души.

Взаимоотношения с игуменьей

Первый человек, с которым более всего предстоит общаться духовнику женского монастыря, есть игуменья. Важно сразу же осознать ее статус полноценной, полноправной хозяйки обители во всех отношениях. Духовник в женском монастыре — лицо, подчиненное игуменьи. Без ее согласия он не имеет права ничего совершать в обители в отношении богослужения, треб, особенно же — в отношении духовного окормления сестер. Даже выезжать из обители он не должен без того, чтобы поставить в известность игуменью. Игуменья уже проявляет смирение, если считает возможным советоваться с монастырским священником в каких бы то ни было вопросах: экономических, административных, духовных. Явление это, к сожалению, весьма редкое.

В духовные отношения священника и мирян прихожан обители, игуменьи большей частью не

вмешиваются. Поэтому в отношениях со своими духовными чадами из мирян священноинок может иметь относительную свободу.

Отношения между духовником женского монастыря и игуменьей формировались веками. Насколько они плохи или хороши — решать не нам. И вряд ли стоит что-либо менять, да это и невозможно.

Понимание пастырем фактического положения вещей очень облегчит и упростит отношения с игуменьей. Большей частью понимание приходит не сразу. Священнику, привыкшему быть первым лицом на приходе, пользовавшемуся почетом и уважением, трудно смириться, принять свое подчиненное положение. Иноку, имеющему монастырскую закалку, легче.

Необходимо также понять, что игуменья и духовник делают по сути вместе одно и то же дело — служат духовному воспитанию невест Христовых; при этом у игуменьи свои задачи, как административные, так и духовные, а у священника — свои. Поэтому их разногласия непременно отразятся на общей обстановке в монастыре. Страдать же в первую очередь будут не духовник и не игуменья, а сестры обители. Поэтому такие несогласия должны быть сведены до минимума. Если можно, нужно сделать все, чтобы о них никто не догадывался. Возможно это только при взаимном смирении, признании своих ошибок, стремлении их исправить.

Священник ни при каких обстоятельствах не должен вмешиваться в дела монастыря: администра-

* Догматические послания православных иерархов XVII–XIX вв. о православной вере. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1995. С. 262.

тивные, экономические, политические — как внутренние, так и внешние. Единственное, что он может, — будучи спрошен, дать совет сестрам из начальствующих или простых. При этом потребно особенное благоразумие. Обстановка в женских монастырях большей частью бывает непростой, и нужно всемерно стараться ее не усложнять. Не самой худшей, а в некоторых случаях — единственно правильной будет общая установка духовника уклоняться от решения вообще всех вопросов. Нередко он бывает поставлен в такие условия, что не имеет возможности решать духовные вопросы сестер, которые к нему обращаются, хотя, казалось бы, это его послушание, это входит в его прямые обязанности. На самом деле, это не так. Если игуменья не желает, чтобы священник участвовал в духовной жизни обители, лучше будет для всех, в том числе для него самого, да и для дела — проявлять мудрость и не идти против ее желания.

Единственное наставление, которое может в силу обстоятельств и имеет право преподавать сестрам духовник современного женского монастыря следующее: “ТЕРПИ, СМИРЯЙСЯ, МОЛИСЬ”. Настоятельно советуем не выходить за его рамки, как бы это порой ни казалось необходимым. Проповеди также необходимо ограничить экзегетическими истолкованиями Евангельских чтений, адресуя их богомольцам-мирянам. Благоразумие требует не дерзать говорить проповеди для сестер, предоставив назидать их тому, кому это прежде всего принадлежит по праву, то есть матери игуменье.

Духовнику, столкнувшемуся с истинным положением дел в большинстве женских монастырей, тяжело, когда он, будучи вынужден обстоятельствами, от него не зависящими, молчит, не имея права дать нужный совет обратившейся к нему простой насель-

нице. Момент очень деликатный: с одной стороны, жаль человека, с другой — существует опасность того, что совет не понравится игуменье. Ведь рано или поздно сказанное священником на исповеди обязательно станет ей известно. В этом заключается одно из специфических отличий женских монастырей от мужских, отчасти объясняемое женским менталитетом. Сама же насельница передаст игуменье все, что ей сказал батюшка, вероятнее всего, в тот же день. Не надо обольщаться надеждой на то, что этого не произойдет. Если же насельница будет молчать — еще хуже. Ее, скорее всего, внесут в список неблагонадежных, то есть таких, которые могут что-нибудь замышлять.

На священнике, поставленном в подобные условия администрацией монастыря, греха нет. Наоборот, если он решит “свидетельствовать истину”, которая приведет, в конечном итоге, к раздорам и неустройствам в обители, погрешит, а делу не поможет. Истина, которая приводит ко вражде, не есть истина. И если он и в дальнейшем не будет заботиться о том, чтобы сохранить мирные отношения с игуменьею, закономерно рано или поздно подвергнется изгнанию из обители. Благоразумному духовнику остается лишь ожидание, надежда на Бога и молитва о том, чтобы Он Сам все устроил к лучшему в монастыре. Назидать насельниц в таком случае он может только, как и подобает монаху, — личным примером благочестия. «Не покусь своей немогущей рукой остановить то, что попущено Богом», — этот всегда актуальный совет дивного светильника монашества последних времен свт. Игнатия Кавказского особенно необходимо помнить в современном женском монастыре.

Каждая игуменья, вероятно, желала бы, что-

бы к указанному выше наставлению духовник прибавлял еще и заповедь о беспрекословном послушании ей во всех случаях жизни. Вопрос, опять-таки, деликатный. Ведь игуменья, как человек, не всегда бывает права. Православная Церковь в лице Восточных Патриархов отвергла учение о непогрешимости в своих суждениях какого-либо человека, осудив римо-католическое папство*. Поэтому духовнику благоразумнее всего будет опять-таки молчать. Не поступит ли он против совести, призывая всегда и во всем слушаться игуменью? Указывая же сестрам на ошибки игуменьи, вызовет конфликт; да это и не всегда им полезно.

В Серафимо-Дивеевской летописи описан случай, когда игуменья запретила сестре, исполнявшей послушание келаря, давать вне трапезы хлеб насельницам. Преподобный Серафим Саровский, узнав об этом, сильно отругал эту сестру. На оправдание ее тем, что так велела игуменья, преподобный сказал, что в этом не нужно было слушаться. Примечательно, что в результате последовавших за тем событий Богом была наказана не игуменья, а сестра.

То, что имел право сделать святой человек, не всегда должен допускать человек обыкновенный. Ни при каких обстоятельствах, ни тайно, ни явно, духовник женского монастыря не должен обличать игуменью, ни перед сестрами, ни перед другими лицами, ни перед архиереем, ни перед ней самой, даже по ее просьбе. Опыт показывает, что никогда ничего хорошего из этого не выходит. Право обличать и исправлять игуменью принадлежит только Богу и архиерею. Наоборот, должно всячески покрывать ее недостатки и защищать перед кем бы то ни было, и явно, и наедине. Ее послушание ответственнее, чем послушание духовника, а значит, тяжелее и ошибки

простительнее.

Разговаривать ли с лицами, желающими поступить в монастырь?

Нередко к монастырскому пастырю обращаются девушки, желающие связать свою жизнь с монашеством и поступить в монастырь. Как правило, прожив некоторое время в обители в качестве паломниц, находясь в раздумьях, они обращаются со своими вопросами прежде всего к монастырскому священнику. Так как они еще не являются насельницами обители и таким образом пока не обязаны оказывать во всем послушание игуменье, монастырский духовник может проявить к ним участие и помочь в принятии решения.

Желание монашества кем бы то ни было обычно считается добрым делом. И это действительно так при некоторых условиях. Во-первых, на принятие монашества этим человеком должна быть Божия воля; во-вторых, в монастырь нужно уходить тогда, когда пришло время, т. е. человек должен быть подготовлен. В-третьих, должно быть Божие благословение на жизнь именно в этом конкретном монастыре, а не в каком-то другом.

Поэтому в таком разговоре нужно прежде всего выяснить, что побуждает девушку вступить на путь монашеской жизни, что привело ее в эту конкретную обитель, готовила ли она себя как-нибудь к монашеству и вообще насколько она церковна; наконец, есть ли у нее духовник, а также кто ее благословил на монашество. Те, кто благословляют на монашество, большей частью рассказывают о том, как

хорошо и спасительно жить в монастыре. И это, несомненно, так. Но — для тех, кому на это есть Божия воля. Иногда бывает, что «благословение есть, а Божией воли пока нет», как сказал один хороший духовник. Мы считаем, что гораздо разумнее поступать так, как иг. Никон (Воробьев), который открывал человеку, изъявлявшему желание стать монахом, как радостную, так и скорбную стороны монашеской жизни, особенно современной, а выбор оставлял за самим человеком.

Поэтому пастырь обязан рассказать девушке, пожелавшей вступить в монастырь, что ее реально там ожидает, а именно

В телесном отношении:

— тяжелый ежедневный физический труд, до 12–14 часов в день, почти наверняка связанный в дальнейшем с потерей здоровья;

— постоянное унижение со стороны старших сестер;

— отсутствие элементарных бытовых удобств и неустроенность;

— недостаток пищи почти всегда со строгим запретом есть что-либо между трапезами, коих бывает две, а иногда даже одна (в некоторых монастырях намеренно благословляется есть только чайными ложками, или пища подается без соли и сахара, разумеется, и без еляя);

— отсутствие лекарств (в некоторых монастырях — вообще запрет обращаться к медицине);

— запрет встречаться и общаться с родными и знакомыми, и вообще с кем бы то ни было вне, а иногда и внутри монастыря, например, с паломниками;

В духовном отношении:

- отсутствие всякого духовного руководства;
- невозможность, а порой прямой запрет общаться с духовником, если таковой был до монастыря;
- отсутствие святоотеческих книг, иногда— прямой запрет на их чтение;
- невозможность посещать богослужения (во многих монастырях считается нормальным, когда послушницы бывают за богослужением один раз в несколько недель);
- невозможность частого причащения (не везде); иногда, наоборот — обязательное частое причащение до нескольких раз в неделю;
- невозможность или крайне редкая возможность посещать святые места, а следовательно, разрешать свои вопросы у опытных духовников;
- во многих монастырях существует принудительная ежедневная исповедь помыслов матери игуменье, что нередко является лишь наущничеством сестер друг на друга;
- отсутствие всякой духовной свободы, даже права задавать вопросы;
- бесцеремонные вмешательства со стороны монастырского начальства во внутреннюю жизнь, например, требования показать написанную исповедь или исповедоваться игуменье за всю жизнь;
- в некоторых обителях состав насельниц совершенно случаен, так как зависит исключительно от нужды в бесплатной рабочей силе или желания начальствующих лиц иметь многочисленное сестричество; напрасно насельница такой обители будет искать в ней единоплешие, любовь и духовную семью;
- если насельница пожелает выйти из обители, это сопряжено с большими трудностями, особенно если она приняла постриг, даже иноческий. Су-

ществует запрет священноначалия принимать в другие обители инокинь, почему-либо оставивших свой монастырь.

Некоторым написанное выше покажется слишком мрачным и нас, скорее всего, обвинят в клевете, особенно те, кто хочет видеть желаемое вместо действительного; но всякий, кто пожил в женском монастыре хоть сколько-нибудь продолжительное время, знает, что, к сожалению, дело обстоит именно так. Конечно же, перечисленные сложности существуют в женских монастырях не в равной мере, но в той или иной степени всем им присущи. Дай Бог, чтобы мы ошиблись и чтобы нашелся хотя бы один монастырь, в котором вовсе отсутствовали вышеизложенные недостатки. К сожалению, на сегодняшний день мы таковых не знаем.

Духовник также должен предупредить девушку о том, что если она станет насельницей монастыря, то он и сам впредь уже не сможет с ней общаться. Если тем не менее она не поколеблется в своем намерении, должно, преподав ей некоторые наставления относительно духовной жизни, предложить поискать дальнейшие в святоотеческих книгах и обязательно прочитать «Приношение современному монашеству» (V том Собрания сочинений свт. Игнатия Ставропольского). Должно также предложить ей по возможности ознакомиться с канонами Церкви относительно монашествующих.

Такие разговоры тоже, несомненно, станут известными игуменье и вряд ли будут одобрены ею, уже потому, что обитель лишается возможной рабочей силы. Но, тем не менее, мы считаем непременно долгим духовника женской обители изложить все вышесказанное тому, кто *имеет уши слышать*

(Мф. 11; 15).

Поскольку подобные беседы возможны нечасто, хотя они, может быть, и вызовут недовольство со стороны администрации монастыря, но, надеемся, что вряд ли приведут к серьезным конфликтам. Если же ситуация складывается так, что подобные разговоры все же вызывают конфликт с игуменьей, духовник не погрешит, если в таком случае уклонится от преподания совета.

Духовные чада

Из вышеизложенного следует, что духовнику женского монастыря ни в коем случае нельзя иметь духовных чад внутри него. Как же тогда быть, если священноинок имеет в миру духовных дочерей, которые желали бы поступить в обитель?

Никогда, ни при каких обстоятельствах, как бы ни казалось это нужным, полезным и правильным, несмотря даже на просьбы матери игуменьи, нельзя разрешать таким чадам поступать в монастырь, где духовником является их духовный отец.

Если духовник сделает хотя бы одно исключение, человек, поступивший в обитель, обязательно рано или поздно станет камнем преткновения и соблазна, создаст тяжелый и трудно разрешимый кон-

* Поэтому многие из них, зная реальное положение вещей, предпочитают жить и трудиться при мужской обители, чтобы иметь возможность получать духовное окормление у своего пастыря.

** Полное жизнеописание свт. Игнатия. Рапорт о состоянии Валаамского монастыря. М., 2002. С. 129.

фликт между игуменьей и духовником. Разрешен он может быть только одним способом: чадо прекратит всякое общение со своим духовным отцом и полностью отдастся под духовное водительство игуменьи. Если таких чад будет несколько, в обязательном порядке после страшного скандала духовник будет удален из монастыря, как правило, с испорченной репутацией.

Возлюбленные собратья! Убедительно просим вас не повторять ошибок, сделанных другими!

Может быть, в таком случае девушкам, произволяющим к жизни монашеской, стоит дать благословение поступить в другой монастырь? Это не решит проблем, а, скорее, прибавит новых. Игуменья, как правило, ревниво и подозрительно относящаяся к общению сестер с духовником своего монастыря, тем более с сугубой ревностью отнесется к общению с духовником, находящимся вне обители, объявив насельницам его советы вмешательством в дела своего монастыря.

Подобную точку зрения высказывает иногда епархиальное священноначалие, которое считает недопустимым или допустимым в исключительных случаях общение насельниц обители с духовником, пребывающим в другой обители или епархии. В действительности же это не возбраняется никакими священными канонами Церкви. В житиях святых и подвижников благочестия нередко встречаются случаи создания и окормления женских общин пастырями других епархий (преп. Варнава Гефсиманский, Оптиные старцы и т. д.). Как правило, такая

* Собрание сочинений свт. Игнатия. М. 2001. Т. 1. С. 563.

ситуация возникает, если до вступления в монастырь насельница имела духовника в миру, по его благословию и поступила в обитель. Имея к нему доверие и получая пользу от его советов, она желала бы сохранить духовные отношения.

Возникает вопрос: насколько вообще правильно духовнику кому-либо из своих духовных чад давать благословение поступать в такие монастыри, хотя за послушание они, несомненно, туда и пойдут? Если по Промыслу Божию возникают духовные отношения и чадо показывает доверие к своему пастырю, правильно ли отправлять его в такую обитель, где оно будет лишено общения с духовником, которому доверяет, от которого ждет помощи, поддержки, советов и молитв? Не будет ли такой поступок настоящим предательством пастыря по отношению к духовному чаду, вверившему ему самое дорогое — свою душу?

Ведь настоящие духовные отношения зависят не только от опытности и стараний духовника, но и от того труда послушания, который несет пасомый. Такие отношения крайне редки в наши времена, поэтому особенно ценны и должны всячески оберегаться. Не понимают и покушаются разрушить их только те люди, которые сами никогда не имели духовника, либо общались с ним чисто формально, и потому даже не догадываются, что такое сложившиеся серьезные духовные отношения. Им неведомо высокое таинство послушания.

Если юноша не лишен возможности вступить в ту обитель, где его духовник является насельником, то девушка такой возможности не имеет вовсе.* В любом случае у насельницы женского монастыря духовником будет мужчина. Знаем немало обителей, где сестрам по этой причине вообще за-

прещают подходить к священникам. Не похоже ли это уже попросту на сектантство?

Сторонники идеи о том, что «духовник может быть только до монастыря», а со вступления в монастырь все «связи с миром» должны быть прекращены, обычно предлагают в административном порядке духовника монастырского, как правило, белого священника, не знающего монашеской жизни. Но как выясняется, в его обязанность входит только совершение Таинства исповеди, духовным же окормлением обычно занимается сама игуменья. Но ведь, согласно учению Святых Отцов, выбор духовного руководителя должен быть добровольным, неременное условие духовных отношений — доверие. «Доверие есть условие послушания, которое без доверенности превращается в лицемерие, пред глазами человека угодливое и льстивое, за глазами ослушное и самоchinное»**. При всем желании доверие не может возникнуть в приказном порядке. Игуменья, действительно порой являясь блестящим, мудрым администратором, далеко не всегда имеет талант духовного руководителя, а при ее современной занятости, особенно же в обители новооткрытой, как правило, не имеет ни времени, ни возможности полноценно воспитывать молодых насельниц. Поэтому не будет ли наиболее разумным, если воспитанием новоначальных и обучением их великой науке иноческого делания займется все же духовник, тем более, что он имеет священный сан, дающий право учить в Церкви?

«Батюшка, благословите
в монастырь!»

Что же все-таки делать, если у пастыря есть духовные дочери, стремящиеся к жизни монашеской? Поскольку, как мы в этом убедились, не представляется возможным поместить их ни в том монастыре, где пастырь несет послушание духовника, ни в какой-либо другой обители, единственным выходом, на наш взгляд, является создание своего монастыря.

При этом необходимо учесть, что создание новой обители — дело весьма сложное и многотрудное, превышающее человеческие силы, возможное только с Божией помощью и при Божиим благословении. Если оно явится богоугодным, обязательно встретит сильные, почти непреодолимые препятствия со стороны врага рода человеческого, повлечет неминуемые сокрушительные скорби. «Монашество и монастыри учреждены были Святым Духом через избранных соудов Его, преподобных Отцов».* Те ли мы люди?

Если любое богоугодное дело обязательно связано с крестоношением, то дело устройства новой обители несомненно является голгофой. Тем не менее, если сложилось так, что Господь привел к нам духовных чад и мы действительно их любим и желаем позаботиться об их спасении, в современных условиях голгофа эта неминуема. Уклоняться же от своего креста будет проявлением неверия, малодушия и непорядочности по отношению к тем, кто верит нам, кто нас любит и слушается.

Вознамерившись устроить женскую общину, сядем прежде и сочтем, сможем ли мы выйти с *десятью тысячами против идущего на нас с двенадцатью*, имеем ли все необходимое, чтобы, *начав строить*, возмож-

* Полное собрание творений свт. Игнатия. М. 2002. Т. 3. С. 492.

ли совершить (Лк. 14; 31; 28–29). Большую ошибку делает тот, кто в нетерпении спешит устроить обитель преждевременно, самонадеянно полагая, что устроенный им монастырь не будет иметь тех недостатков, которые присущи всем без исключения современным женским монастырям. Знать недостатки, к сожалению, еще не значит избежать их. Устроившие монастыри, порядки которых мы не хотели бы повторять, тоже действовали из лучших побуждений, по благословению своих архипастырей и духовников, будучи вполне убеждены, что исполняют волю Божию.

Насколько духовен и рассудителен основатель, настолько духовны и разумны будут порядки устроенной им обители. Но, кроме основателя в обители живут насельники, и они сначала должны созреть для монастыря. Спешка в данном деле не только неуместна, но даже губительна. Желать быть монахом и стать монахом — вещи разные. Расстояние между ними — порой — целая жизнь.

Святитель Игнатий Кавказский упоминает о таком явлении, как самочинное монашество. Не явимся ли мы создателями самочинного монастыря? Только Бог в состоянии устроить обитель, поэтому необходимо ждать твердого, несомненного указания Божия на такое великое дело, либо смиренно покориться воле существующих обстоятельств, которые в конечном итоге приведут к созданию монастыря. Скорее всего эти обстоятельства сложатся вовсе не так, как нам желалось бы и казалось разумным и правильным. Монастыри никогда не устраивались просто, быстро и безболезненно, но стоили многих трудов, скорбей, слез, гонений, поношений, здоровья, а иногда и жизни их основателям.

* См. с. 245–246 настоящего издания.

Пока же монастыря нет, пастырь не погрешит, если попытается создать у себя на приходе женскую общину — нечто среднее между мирским сестричеством и монастырем, где, впрочем, преобладали бы порядки монастырские, а служба совершалась бы в соответствии с уставом. В любом случае пастырь имеет на это право и не погрешит против святых канонов, если не начнет самочинно совершать постриги. Перерастет ли такая община в монастырь, пребудет ли длительное время такой, как есть, или по каким-либо причинам распадется вовсе — все это в руках Божиих. При любом исходе сестры не получают вреда. Любой же приходской храм при наличии такой общины будет восстановлен в короткий срок и получит возможность развить полноценную приходскую жизнь. Опыты таких общин существуют, и священноначалие, как правило, не препятствует их деятельности, видя пользу для приходских храмов, если, конечно, община не начинает вдаваться в крайности.

Если община полноценно развивается и приносит пользу приходу, священноначалие, заинтересованное в ее деятельности, как правило, всячески поддерживает ее и в дальнейшем само предлагает преобразовать ее в монастырь. Не нужно спешить тотчас же принять такое предложение, каким бы долгожданным и желанным оно ни было. Как говорилось выше, община должна созреть для монастыря. Кроме того, для его открытия необходимы условия не только духовные, но также экономические и церковно-политические.

Об экономической стороне монастырской жизни и влиянии ее на духовную свт. Игнатий Ставропольский писал игумену Дамаскину Валаамскому: «Сердечно радуюсь преуспеянию святой обители Валаамской, для которой нужно, по ее обширности и

многочисленному братству, по особенному удобству ее к иноческой жизни, усиление способов к устроению и содержанию, да всякое вещественное довольство имущее, возможет преизобиловать она духовным благорастворением»*.

Из духовных условий обратим внимание на следующее. Прежде всего пастырь должен внимательно рассмотреть: есть ли в его общине человек, способный принять на себя бремя игуменства? Рано или поздно, этот вопрос встанет. Хотя в современной церковной жизни существуют прецеденты официального управления женскими монастырями их духовниками (например, в Сербской Церкви, в Греческой же многие женские обители основаны при участии мужских монастырей и официально находятся под их управлением; в таком случае, согласно Уставу, игумен мужского монастыря считается и аввой женского), но это пока не в традициях Русской Церкви.

Власть игуменьи может быть и номинальной, но должность игуменьи должна быть занята достойным человеком. Она должна быть всецело предана своему духовному отцу, безгранично доверять ему, должна воспитываться им не один год. Вместе с тем должна быть смиренной, рассудительной, нестяжательной, молитвенной — истинной монахиней. Кроме того, такой человек должен пользоваться всеобщим уважением и любовью сестер.

Ошибка в выборе игуменьи недопустима: если она случится — все разрушится, исправление почти невозможно. Вспомним известные события, происшедшие в общинах, основанных преп. Зосимой Верховским и преп. Варнавой Гефсиманским, где начальницы, поставленные старцами, вначале проявлявшие послушание, вышли затем из подчинения, создав в обителях смуту, от которой постра-

дали и старцы-основатели, и сестры. Поэтому ни в коем случае место начальницы не должен занять случайный или непроверенный человек. Иначе произойдет то, что описано нами выше*. Придется все начинать сначала. А хватит ли сил?

Из этих же соображений ни в коем случае нельзя брать игуменью со стороны, какой бы благонамеренной она ни казалась на первый взгляд. Если даже это действительно так, в любом случае, человек, воспитанный в другом месте, в других традициях, будет иметь другое направление и другие понятия, что обязательно приведет к нестроениям внутри общины, а в дальнейшем, скорее всего, к изгнанию духовника. Если сестры, достойной стать начальницей, не находится, и архиерей предлагает игуменью со стороны, на наш взгляд, лучше подождать с открытием монастыря, чем согласиться.

Община, не имеющая статуса монастыря, обладает рядом преимуществ. В первые века монахи бежали из мира в безлюдные места, чтобы в неизвестности и тишине служить Богу. Ныне в монастырях, особенно расположенных в больших городах, большой приток посетителей, и отнюдь не только православных паломников, которые в общем-то не мешают монашеской жизни. Обители более известны многочисленным празднующимся туристам и отдыхающим как экзотические памятники истории и архитектуры с живыми экспонатами-монахами, наподобие заповедников с редкими животными. Конечно же, и среди туристов встречаются верующие люди. Считается, что экскурсанты, посетив святое место, могут обратиться к вере. Иногда это действительно случается, но какой ценой? Обитель, часто посещаемая многочисленными мирскими туристами, непригодна для проживания в ней монашествующих. Каж-

дый, кто желает проходить подлинно монашеское жительство, сделает все, чтобы перейти оттуда в более спокойный монастырь, так как полноценную духовную жизнь в такой обители, по единодушному свидетельству Святых Отцов, проводить нельзя. Это видно на примере известных московских монастырей, братия которых старается перевестись в малоизвестные провинциальные обители. Община, не имеющая статуса монастыря, почти никому не известна. Место, где она находится, даже известное в историческом отношении, как правило, никем не посещается.

Большие смущения, беспокойства и хлопоты насельникам монастырей доставляют частые посещения высокопоставленных светских чиновников и лиц, облеченных высоким церковным саном. В современных обителях эти посещения неизбежны. Описываемые нами общины, как правило, посещаются значительно реже. Их внутренняя жизнь также не подвергается посторонним вмешательствам.

Духовник общины имеет полную власть в случае необходимости удалить нерадивую насельницу, ведущую себя соблазнительно, смущающую покой других сестер. То же самое в монастыре сделать уже почти невозможно. Не только духовник, но и игуменья не могут отчислить из монастыря насельницу, входящую в число сестер, особенно же получившую

* Один опытный современный пастырь, много лет окормляющий девушек и женщин, стремящихся встать на путь монашеской жизни, на вопрос, что он посоветует девушкам, избравшим монашескую стезю, ответил следующим образом: «Во-первых, ни в коем случае не поступать в современные женские монастыри; во-вторых, если уже поступили, немедленно оттуда выйти; в-третьих, проводить жительство на приходах при своих духовниках».

постриг. Как бы соблазнительно последняя себя ни вела, только архиерей имеет право удалить ее или перевести в другой монастырь, и вряд ли этим правом воспользуется.

Наоборот, исторически сложилась традиция присылать в монастыри для исправления таких лиц, которые как-либо отрицательно проявили себя в миру. В наше время это, как правило, наркоманы. Они действительно несчастные люди, но правильно ли насельникам строящейся обители заниматься, кроме необходимых дел по монастырю, еще и воспитанием их или других «социально неблагополучных» лиц? Останется ли у сестер время и силы на молитву? Да и полезно ли неокрепшим в духовном отношении насельникам сталкиваться с таким соблазном? К сожалению, нередки случаи, когда в обителях, занимавшихся подобного рода «социальным служением», подопечные сами перевоспитывали и «сажали на иглу» насельников.

Вообще, любые внешние перемены в жизни общины полезны ровно настолько, насколько способствуют молитвенной жизни. Поэтому, благодаря Бога за то малое, что уже имеется, не надо спешить что-либо менять. Предоставим перемены Промыслу Божию, во избежание того, что с переменами «к лучшему», форма уничтожит содержание.

Как бы нам ни хотелось создать полноценный монастырь сразу, на пустом месте, как правило, такие попытки встречают многие противодействия. И прежде всего — со стороны священноначалия, нередко сталкивающегося с авантюристами, особенно из среды монашествующих. Гораздо проще, разумнее, а при существующей нужде в приходских священни-

* Лествица. Слово к пастырю. Гл. 12, ст. 3.

ках — реальнее иеромонаху начать свою деятельность в качестве приходского священника: восстановить храм, собрать приход, наладить приходскую жизнь, показать конкретные плоды своей деятельности. В таком случае желание устроить монастырь, будучи подкреплено конкретными делами, уже не будет казаться авантюрой.

Если ошибка сделана

Как же быть в наши непростые времена духовнику, который осознал, что допустил ошибку: духовное чадо, поступившее по его благословию в современный монастырь, получает там вред духовный и физический? Ошибку необходимо исправить, хотя сделать это бывает нелегко.

Общепринятым ныне в Русской Церкви является мнение, что если человек поступил в какой-либо монастырь, то уходить оттуда или переходить в другой монастырь не должен ни при каких обстоятельствах. Действительно, в канонах Церкви закреплено такое положение относительно лиц, постриженных в мантию. Но эти каноны не распространяются на тех, кто не принес монашеских обетов, в том числе и постриженных в рясофор. У некоторых Святых Отцов, впрочем, высказано мнение, что вступившая в монастырь послушница тем самым уже явила свое произволение быть невестой Небесного Жениха, а значит, не имеет права возвращаться в мир (свт. Василий Великий).

Не будем рассматривать здесь ситуаций, касающихся лиц, находящихся в мантийном постриге, хотя полагаем, что и в таком случае вопрос должен решаться индивидуально, с учетом всех обстоятельств, и прежде всего должна иметься в виду духовная поль-

за монахини. Из жизнеописаний святых и подвижников благочестия можно видеть, что как послушники, так и схимники нередко меняли места своих подвигов и переходили как из монастыря в монастырь, так и из епархии в епархию, если находили это полезным для души. Такие переходы считались обычным делом и почти не встречали препятствий со стороны священноначалия, разумеется, если совершались не самочинно, а с благословения старца, игумена или архиерея.

Не будем останавливаться на тех случаях, когда необходимость требует дать послушнице благословение выйти из монастыря в мир и вступить в супружество. Рассмотрим тот случай, когда, в силу сложившихся обстоятельств, необходимо либо преподать духовному чаду совет перейти в другой монастырь, либо благословить временно поселиться при приходском храме с целью дальнейшего определения и там, в несколько изменившихся условиях, продолжать духовную жизнь, подготовительную к монашеской.*

Имеет ли право духовник, вопреки мнению игуменьи, дать совет перейти на жительство из монастырской общины в приходской храм тому, кому ранее благословил поступить в эту общину? На наш взгляд, не только имеет, но даже обязан. Духовник, несомненно, несет ответственность перед Богом за того, кому благословил вступить в обитель, если лицо, получившее благословение, сохраняет верность и послушание своему пастырю. «Пастырь подлежит суду по мере того, сколько принятый им отсекает перед ним свою волю».* Мнение, что духовник уже не

* Творения свт. Игнатия. Т. V. М. 1998. Предисловие. С. V.

** Собрание писем свт. Игнатия. М. СПб. 1995. Письмо иг. Черемнецкому Антонию (Бочкову) № 50. С. 116.

отвечает за свое духовное чадо, вступившее в монастырь, а отвечает только игуменья, ни на чем не основано и подтверждения у Святых Отцов не имеет.

Если духовник неверно оценил обстановку в монастыре, куда благословил вступить, или обстановка со временем изменилась в худшую сторону, или послушница не понесла трудностей, встретивших ее в обители, или же открылось, что условия проживания в монастыре губительны для ее здоровья,— во всех таких случаях не только нет никакого греха для послушницы переменить место жительства, но греховным проявлением неразумия будет оставаться в такой обители. А те, кто ее удерживают, не ответят ли пред Богом за ее погубленное здоровье, полученный ею душевный вред, который может привести к разочарованию в монашестве, прелести, а то и к душевной гибели?

Ни Священное Писание, ни каноны Церкви, ни какие-либо святоотеческие творения никому не возбраняют удалиться из того места, где он получает явный душевный вред: “если правая рука соблазняет тебя, отсеки ее, если правый глаз соблазняет тебя, выколи его” (Мф. 5; 29–30). *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучаться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2 Фес. 3; 6). Духовный отец не имеет права удерживать силой своего авторитета послушницу и даже монахиню там, где она может повредиться душой. Если даже он поступает так из лучших побуждений, грех ус-

* Автору удалось найти только «Митирикон», написанный в древности преп. Исаией Отшельником, и «Маргарит» иером. Арсения Святогорца (конец XIX в.), к сожалению, далеко не безупречный в некоторых местах.

губляется тем, что ему особенно доверяют, уважают его, его слово ценят и слушают, а потому разочарование в таком случае может привести не только к разрыву всех отношений с духовником, но даже к неверию и оставлению монашества.

Заключение

Должно признать, что сегодняшнее положение женского монашества в России весьма печально. Данная статья не ставит своей целью рассмотрение причин этого явления и способов улучшить положение. Тем не менее, мы считаем, что оно не безнадежно. Власть исправить что-либо к лучшему находится целиком и полностью у священноначалия. Кое-что сделать можно и нужно, хотя бы обратившись к опыту женских обителей других Поместных Церквей.

Некоторые читатели могут увидеть в данной статье злонамеренность. Это их право. Скажем лишь, что мы не хотели никого оскорбить, обидеть или задеть. Автор данной статьи, приняв священный сан, столкнулся со следующей проблемой: несмотря на то, что многие благочестивые девушки и женщины выражают желание подвизаться в женской обители, выяснилось, что посылать их, собственно, некуда. Практически все новооткрытые монастыри (хотя их — сотни), не устроены ни в духовном, ни в материальном отношении. Обители же, оставшиеся с советских времен или сумевшие более или менее выбраться из нищеты, в духовном отношении, к сожалению, оставляют желать лучшего. В некоторых из них — да

* Творения свт. Игнатия. Т. V. М. 1998. Предисловие. С. V.

щаемся к опыту разных веков христианства, разных духовных школ и можем, с помощью Божией, чему-то научиться.

Нам надо сообразовывать свое понимание Слова Божия с опытом человека, который находится рядом. Тогда современный духовник, современный старец — это наш единоклубный брат. Святитель Игнатий говорит, что нужно поверять его учение Святыми Отцами, т. е. нужно вместе искать истину.

Вот цитата, которую афонский инок пытается «привязать» к какому-то «контексту»: «Изучай Божественное Писание,— говорит Симеон Новый Богослов,— и писания Святых Отцов, особливо деятельные, чтобы, с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть, как в зеркале, и понимать, согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли, ложное же и худое — познавать и отвергать, чтобы не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей».

Что же нужно делать в случае несогласия со старцем?

У прп. Варсонуфия читаем: «Если брат знает, что авва его действительно заботится о пользе души его, то смело должен сказать ему: «Меня смущает помысел, как рассудишь? Что мне делать?» И как человек, у которого болен сын, с заботливостью приводит его к врачу — и не только приводит, но и платит за него,— так и тот старец сам с радостью приведет ученика своего к человеку, имеющему дарования рассуждения духовного, или пошлет к нему».*

Далее прп. Варсонуфий замечает: «Если же брат знает, что старец его не может понести сего по своей немощи, то ничего не должен говорить ему, но когда найдет удобное время и Бог подаст возмож-

ность, пусть расспросит о своих помыслах другого духовного старца, прося того, чтобы не узнал об этом его авва. Иначе он возбудит в нем страсть зависти и то, что брат спросил другого без его ведома, причинит ему большую скорбь. Впрочем, брат не должен соблазняться о своем авве, что он не имеет такого дарования: оно не всем дается. Рассудив внимательно, непременно найдет, что авва его имеет другие дарования, потому что дарования Духа различны».*

Из этих слов следует: если ты в чем-то не согласен со своим старцем, иди и скажи ему об этом, и он, как любящий отец, отправит тебя к другому, более опытному, старцу. Если же знаешь, что твой старец немощен и может обидеться, расстроиться, то ничего не говори ему, дожись и сам спроси у другого старца, которому ты доверяешь.

Вера всегда была основой послушания. Еще преп. Антоний Великий поучает не каждому исповедовать свои помыслы, не каждому задавать вопросы, но лишь тому, к кому человек имеет веру.

Вот что еще пишет афонский инок. Он приводит цитату из святителя Игнатия: «С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости. Вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтобы предмет ее был истинный и духовный. Тогда она приводит к Богу»,— и почему-то делает вывод о том, что предметом или объектом послушания святитель Игнатий считал духовного наставника, сущностью послушания — веру ему, а возможность духовного преуспеяния послушника он ставил в прямую зависимость от степени духовного преуспеяния его старца. Но далее о. Доримедонт заключает, что сущностью подвига послушания является сам старец! Однако,

сам свт. Игнатий пишет: «Послушание существует единому Богу. И тот, кто хочет научиться такому послушанию, ищет человека, которому это послушание более знакомо». Святитель Игнатий считал, что послушание — это делание. Старец просто учит послушника слушаться Бога, творить заповеди Божии, а не какие-то свои. В этом суть христианского послушания и православной аскезы!

Автор письма считает, что доверие не обязательно испытывать к личности старца. Тогда — к кому же? И в таком случае зачем вообще нужен один старец и один духовник, ведь любой священник имеет благодать? Может быть, надо всех слушаться? Но еще авва Дорофей замечает: «Писание говорит: *Славление во многом совете* (Прит. 11; 14). Не говорит: “В совете многих”, т. е. чтобы с каждым советоваться, но что должно советоваться обо всем с тем, к кому имеем доверие».*

Что отсюда следует? То, что личность наставника достаточно важна, но это, конечно, не цель послушания. Ведь мы приходим учиться слушаться не человека, а Бога! И человек нам в этом помогает. Духовник — это просто слуга Божий. И мы оказываем ему доверие, уважение и послушание, тем самым оказывая уважение, доверие и послушание Богу.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

ЧАСТЬ I

ЧУДЕСА БОЖИИ И ЧУДЕСА НЕ ОТ БОГА ...	6
---	----------

КРЕСТ СВЯТОСТИ

<i>О книге воспоминаний свт. Луки Крымского “Я полюбил страдание”</i>	<i>6</i>
---	----------

ДЛЯ ЧЕГО БОГ СОВЕРШАЕТ ЧУДО.

<i>О книге “Чудеса Божии”</i>	<i>13</i>
-------------------------------------	-----------

ОСТОРОЖНО, ЕРЕСЬ!

<i>О книге “Преподобный Исаак Сирий. О Божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты”</i>	<i>29</i>
---	-----------

УЧЕНИЕ СВТ. ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)	36
---	-----------

О ПОСЛУШАНИИ В СРАВНЕНИИ С ПРАКТИКОЙ СОВРЕМЕННОГО АФОНА

Ответ на книгу афонского священноинока
Доримедонта

Издательство им. свт. Игнатия Ставропольского, строго соблюдая авторские права других издательства и авторов, считает, однако, неуместным понятие авторского права в издании православных книг, т. к. авторство слова Божия принадлежит Богу. По традиции не принято подписывать православные иконы, т. к. их автор — Святой Дух. Летописцы и многие древние духовные писатели по смирению скрывали свои имена.

Мы будем рады любым перепечаткам книг нашего издательства, кроме особо оговоренных, авторы которых против переиздания без их согласия. Если какую-либо книгу нашего издательства перепечатают, это будет свидетельствовать только о том, что книга хорошая и нужна людям.

ЧАСТЬ II

ЦЕРКОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 45

МОЖЕТ ЛИ ЦЕРКОВЬ ЗАСТОЙНОГО ПЕРИОДА СВИДЕ-
ТЕЛЬСТВОВАТЬ ОБ ИСТИНЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

*Размышления над итогами Архиерейского Собо-
ра*

Русской Православной Церкви 2000 года. . . . 45

1. Готовы ли мы к свободе? 45

2. Церковная соборность и государственная
власть 49

3. Свобода в Церкви — свобода во Христе . 54

ЦЕНЗОРЫ “В ФУТЛЯРАХ”

*О книге “Полное жизнеописание
святителя Игнатия Кавказского”* 62

ЧАСТЬ III

ИНОКИ — СВЕТ МИРУ 70

СОКРОВЕННАЯ МУДРОСТЬ

О книге “Отец современного иночества” 70

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК ИГНАТИЙ (ЛЕБЕДЕВ)

И СОЗДАННАЯ ИМ ТАЙНАЯ МОНАШЕСКАЯ ОБЩИНА

О книге “Монашество последних времен” . . . 75

ГЛИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

О схиархимандрите Иоанне (Маслове) 86

ЧАСТЬ IV

ОБ ОТНОШЕНИИ К МОНАШЕСТВУ 96

ВОЗМОЖНО ЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ
МОНАСТЫРСКОГО СТАРЧЕСТВА?

О книге “Старчество” 96

МИР И МОНАСТЫРЬ.

О книге

“Обитель старца Зосимы Верховского” 105

ЧАСТЬ V

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНОЧЕСТВА . . 118

РАЙСКИЕ САДЫ НЕ РАСТУТ В ОДНОЧАСЬЕ 118

ПОКАЯНИЕМ ЖИВА ЦЕРКОВЬ

О книге писем игумена *Никона (Воробьева)* 129

ЧАСТЬ VI

ОБ УСТРОЕНИИ МОНАСТЫРЯ

И СТАНОВЛЕНИИ МОНАХА 145

БЛАГОЕ И ЛЕГКОЕ ИГО ИНОЧЕСКОГО ПОДВИГА

О книге иг. *Серафима (Кузнецова)*

“Мужской общежительный устав” 145

Мужской Общежительный устав

иг. *Серафима (Кузнецова)* 145

Чем руководствоваться

при выборе устава для обители? 149

Устав должен предполагать

индивидуальный подход 151

Нельзя плыть по старым картам 156

Другие проблемы современных

монастырей 164

Устав должна начертать жизнь 169

ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ, ЖЕЛАЮЩИЙ ПОСТУПИТЬ

В СОВРЕМЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ? 174

I. “О БЕДСТВЕННОЕ ВРЕМЯ,

О БЕДСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ!” 174

Сияние святых Божиих 174

Берег еще далеко 183

Пророчества не уничтожайте 187

Некоторые болезни	
современного иночества	194
Некоторые заблуждения желающих	
вступить на монашеский путь.	203
II. НЕКОТОРЫЕ СОВЕТЫ	
<i>ВСТУПАЮЩИМ В ОБИТЕЛЬ</i>	208
Изучение по творениям Отцов того,	
что такое монашество.	208
Святые Отцы читаются жизнью	210
Монастырь в миру	210
Добрый кормчий	216
Если родители	
не благословляют в монастырь	220
Выбор обители	222
Формы монашеского жительства	
различны	226
ЧАСТЬ VII	
ПАСТЫРЮ ХРИСТОВЫХ НЕВЕСТ	233
<i>Советы духовнику женской обители</i>	233
Разумно ли назначать духовником	
монастыря белого священника?	235
Как вести себя иеромонаху,	
приглашенному к духовному	
руководству женским монастырем? . . .	237
Положительные стороны	240
Взаимоотношения с игуменьей	242
Разговаривать ли с лицами,	
желающими поступить в монастырь? . .	247
Духовные чада	251
«Батюшка, благословите в монастырь!» . .	255
Если ошибка сделана	262
Заключение	265

